Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 3 — 1 ФЕВРАЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Передовая.—К перевыборам советов	3
Гольденберг, Э. — Против путаницы в теории империализма	8
Слепков, А.—О вывертах г-на Бауэра и его новых прозелитах	25
Аболин, Арт.—Накопление в крестьянском хозяйстве и кооперация	33
Литвин, Ю.—Вовлечение рабочих в кооперацию	49
Степанов.—Автономистское движение в Эльзас-Лотарингии	59
Гордеев, Г.—Фермерское движение в Соединенных Штатах	72
Критика и библиография.	
Колоколкин, В.—В борьбе с буржуазно-юридическим мировоззрением. («Революция права» № 1)	85
Условия приема в ИКП	89

1927

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Главлит № 79309. Москва. Тираж 80.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебряич. наб., д. № 23а

К перевыборам советов.

Кампания по перевыборам советов—в разгаре. Значение ее в политической жизни страны в настоящее время неизмеримо выше, чем это было несколько лет назад. Будучи одним из важнейших звеньев в работе по укреплению диктатуры пролетариата, избирательная кампания отражает в своем характере и значении те стороны пролетарской диктатуры, которые особенностями современной полосы в нашем развитии выпячиваются вперед,—выпячиваются больше, чем другие стороны.

Диктатура пролетариата означает насилие. Без насилия не бывает диктатуры. Это—азбука. Но такой же азбукой является и то, что диктатура означает не только насилие, но и огромную воспитательную работу пролетариата по отношению к союзникам из мелкой буржуазии, воспитательную работу авангарда рабочих по отношению ко всему рабочему классу в целом, огромную работу по вовлечению все новых и новых пластов трудящихся в строительство социализма. Эта вторая сторона в диктатуре пролетариата и выпятилась теперь—в полосу учащенной, мирной, культурно-организаторской, хозяйственной работы—вперед.

Без этой воспитательной работы не может вестись успешная классовая борьба в обстановке под'ема политической активности всех общественных слоев в нашей стране.

Не сегодня мы нащупали этот последний факт и не с сегодняшнего дня выпятилась вперед воспитательная сторона в диктатуре пролетариата. В частности, уже два года мы проводим в жизнь лозунг *оживления советов*, данный партией на основе своевременного учета политической обстановки. За два года мы сделали большой шаг вперед в выполнении этой директивы партии. Мы создали некоторую—может быть, еще не очень солидную—*материальную* базу для политики оживления советов. Мы уточнили *правовую* сторону в работе советов в городе и деревне. Мы добивались и добиваемся *активного участия* всех избранников трудящихся в повседневной практической работе советов. Мы добивались и добиваемся *лучшей связи* депутатов советов с массой избирателей-трудящихся, вовлекая последних через депутатов в работу секций, комиссий избранных советов. Мы добивались и добиваемся *подконтрольности* депутатов перед рабочими и крестьянами. Мы добивались и добиваемся широкого вовлечения всех низовых звеньев советов и масс трудящихся в проведение крупнейших общегосударственных кампаний и заданий.

Мы добивались и добиваемся через это еще большего повышения культурно-политической сознательности трудящихся, и в первую голову рабочего класса,—еще большего повышения орга-

низованности и инициативности в борьбе с враждебными нам слоями, в частности—в деревне.

И мы добились того, что в самом сознании трудящихся несравненно выше поднялось значение советов, как орудия осуществления культурных, хозяйственных, политических задач в борьбе за социализм.

И мы добились того, что вокруг перевыборов советов кипит настоящая борьба. Кипит в городе и особенно в деревне, там, где сейчас закладываются прочные основы для живого, инициативного, организованного, сплоченного отпора со стороны бедняцко-середняцкого блока кулацким тенденциям, там, где влияние пролетариата ощущается не так непосредственно близко, там, где вырастающая буржуазия (кулачество) надеется встретить менее сильное сопротивление своим хозяйственно-политическим устремлениям.

Были и ошибки,—ошибки, проистекшие из извращения партийного курса и из недостаточно активного проведения в жизнь действительных указаний партии. Противно всей линии партии были допущены послабления по отношению к враждебным нам слоям (расширение избирательных прав в предыдущей перевыборной кампании), послабления, получившие суровый отпор со стороны партии.

Была и некоторая растерянность в деревенских парторганизациях в связи с курсом на изжитие методов командования, назначенства. Было непонимание лозунга оживления советов со стороны тт., оторвавшихся от масс, потерявших чуткость к их запросам, думавших заменить самодеятельность трудящихся избытком административного усердия.

В самой верхушке партии мы натолкнулись за последний год на такую же психологию бюрократического закостенения: крупнейшие лидеры оппозиции оплевывали этот актуальнейший лозунг партии—оживление советов. Больше всего слышала партия из рядов оппозиции *слова* и крики о бюрократизме и меньше всего нашла здесь действительного *понимания* путей борьбы с бюрократизмом и меньше всего—*практической борьбы* с этим злом, раз'едающим наш госаппарат. Наоборот, партия натолкнулась со стороны оппозиции на *сопротивление* в активном проведении лозунга оживления советов, на дезорганизующее влияние оппозиции в осуществлении одного из важнейших лозунгов—в преодолении бюрократического извращения нашего государства.

Но партия переборола и перебарывает эти ошибки, трения, растерянность, непонимание и даже прямое сопротивление ее курсу.

И партия добилась того, что уже теперь кампания по перевыборам советов приобрела значение «*важнейшей политической кампании в стране*» (Молотов).

Трудно переоценить значение этого, никем не оспариваемого, факта,—ибо он означает сдвиг в осуществлении крупнейшей задачи в развертывании советской (пролетарской) демократии,—превращения «управления *для* трудящихся» также и «в управление *через* трудящихся» (Ленин).

Этот лозунг Ленина означает необходимость широкого вовлечения в советы *беспартийных рабочих и трудящихся вообще*, в частности—бедняцкого и середняцкого крестьянства. Бояться этого вовлечения—значит не понимать основного смысла прово-

димого курса. Кричать о затоплении низовых звеньев советов мелкобуржуазными элементами—значит забывать, что без вовлечения в советы союзников пролетариата из крестьянства не может быть осуществлено правильное пролетарское руководство крестьянством. Кричать об ослаблении партийного руководства в советах при такой линии—значит застыть на методах изжитой полосы развития, значит не понимать всего богатства и гибкости в методах партийного руководства, значит потерять чуткость к запросам трудящихся, ценящих партийное руководство по существу и ставящих его высоко.

Опыт прошлых перевыборов показал ясно на практике, что положительное значение вовлечения активных беспартийных трудящихся в советы оказалось настолько сильным, что перевесило даже отрицательное влияние ошибок и минусов, допущенных в кампании. Тот, кто не понял, что в результате этой линии партии авторитет последней в массе трудящихся укрепился, а не ослабел,—тот потерял способность видеть вещи так, как они есть.

Нельзя осуществить «управление *через* трудящихся», если беспартийных трудящихся не выдвигать в советы, не воспитывать их практикой советской работы, не ставить их на руководящую работу, если бояться поручить им ответственное дело под руководством партии.

Разные слои трудящихся будут в различной степени проявлять свою активность в выборах. Задача партии состоит в том, чтобы своей энергией и волей поднимать активность отстающих слоев.

Рабочий класс в целом как был, так и будет самым организованным и активным участником в перевыборах советов. Для этого имеются и об'ективные и суб'ективные основания.

Как везде, так и на перевыборах пролетариат будет классом-гегемоном. Непреодолимых препятствий к почти поголовному участию рабочих нет, и при известной энергии с нашей стороны мы сможем этого добиться. В частности нужно устранять всяческие организационные помехи, непорядки, затрудняющие полное участие в выборах.

Поднимать сознательность *новых*, отсталых слоев рабочих, впервые приобщившихся к семье рабочего класса—такова одна из задач, касающихся перевыборной кампании в городе.

Практика начавшихся перевыборов показала, что кое-где падает удельный вес *женщин-работниц*. Это недопустимо. Это—перерыв в непрерывно тянущейся линии усиленного привлечения женской части рабочего класса к участию в общественной жизни, чем мы имели законное право гордиться. Нужно на ходу самой кампании выправлять, ликвидировать симптомы обратной тенденции. Текущие перевыборы должны дать дальнейшее *повышение* удельного веса женщин-работниц в советах.

Что касается *деревни*, то суть момента заключается здесь в том, чтобы центр тяжести перенести на сплочение *батрачества и бедноты*. Слабое участие батрачества на прошлых выборах было, как минус, отмечено июльским пленумом ЦК. Усиление профсоюзной работы за истекший год создало известные предпосылки для устранения этого недостатка. Насколько он будет устранен, зависит в основном от глубины и широты той работы, которая проводилась среди батрачества партийными и профессиональными

организациями за этот год. Степень, в какой будут устранены недостатки прошлого в смысле участия батрачества в выборах, будет показывать степень серьезности работы, проводившейся среди них *нами*.

Активность деревенской бедноты в целом будет служить серьезной проверкой наших парторганизаций в смысле успешности работы по организации бедноты. Несомненно, последний год дал в этой работе ряд достижений. Бо̀льшая уверенность, твердость в работе, бо̀льшее понимание директив партии должны были дать и дали бо̀льшие результаты в работе с беднотой. Это показали последние перевыборы органов сельскохозяйственной кооперации. Но те же перевыборы показали, что кое-где в процессе перевыборов, мы, конечно, получим щелчки—достойное возмездие за нерешительность и неумение некоторых организаций сплачивать бедноту. Уроки должны быть учтены, и надлежащие выводы из этого—сделаны. Но нельзя в надежде на учет уроков в будущем махнуть рукой на организацию бедноты в самом процессе перевыборов. Перевыборы—не простая регистрация успехов и недостатков, а орудие для активной работы, толчок для усиления внимания, для напора на этот участок нашей борьбы.

Беднота не должна отставать от среднего крестьянства, как это бывало на прошлых перевыборах. В блоке бедноты с середняком и здесь, как и везде, самую большую организованность и активность должна проявить беднота. Сама изоляция кулачества будет осуществлена лишь в том случае успешно, если бедняк своей сплоченностью сумеет задать тон перевыборам в деревне. Борозда между середняком и кулаком не будет проведена, если беднота будет плестись в хвосте. Кулачество сейчас в полной мере оценило значение перевыборной кампании. Оно усиленно готовится к ней и, будучи устранено само из перевыборов, через третьих лиц, через охваченных его влиянием крестьян, путем угроз, подкупов старается воздействовать на результаты выборов. Эта усиленная, организованная, полуорганизованная, открытая или скрытая подготовка кулачества должна наткнуться на еще более организованное влияние бедноты на середняка. Середняк, численно преобладающий, будет решать исход. За влияние на середняка идет борьба. Авторитетом *организованной* бедноты, опирающимся на авторитет партии и государства, должно быть побеждено в сознании середняка влияние кулачества. Текущие перевыборы, будем надеяться, дадут в этом отношении еще большие успехи, чем в прошлом году, но это—в том случае, если мы сконцентрируем сейчас свое внимание на сплочении бедноты и батрачества вокруг избирательной кампании...

Оживление советов было задумано партией в целях укрепления диктатуры пролетариата в новой обстановке, в целях всемерного укрепления в среде десятков и десятков миллионов трудящихся авторитета государства и партии, завоевываемого на почве деловой практической работы по строительству социализма, по повседневной борьбе с врагами трудящихся, повседневному улучшению материальных условий существования, по повышению культурного уровня рабочего класса и крестьянства. Многие сомневались, сумеет ли партия справиться с этой задачей, требующей в своем выполнении огромного терпения, выдержки, настойчивости, кропотливости, внимательности, особенно в деревне, с работой, не сулящей быстрых, эффектных результатов. Первоначально имевшая место растерянность деревенских организаций партии служила поводом к этим сомнениям.

Но уже к концу первого года работы, несмотря на сделанные ошибки, обнаружились первые положительные результаты, вселившие новую уверенность, что деревенские организации, при поддержке всей партии в целом, с задачей оживления советов в деревне справятся, что партия сможет сплотить вокруг деревенских коммунистов широкий актив из передовых крестьян, бедняков и середняков.

Следующий год внес еще одну практическую струю в эту трудную—особенно в деревне—область работы. Речь идет о работе с собраниями и группами бедноты. Не нужно закрывать глаз на то, что решения партии об оживлении советов, об изжитии методов командования, назначенства были восприняты некоторой частью бедноты как отход партии от бедноты. Уже сам по себе этот факт служил доказательством того, что у бедноты не было уверенности в своей силе, в силе своей организованности, не было умения завоевать доверие большинства деревни и авторитет на основе практической работы по культурно-политическому и хозяйственному строительству. Этот факт уже сам по себе служил доказательством правильности линии на оживление советов. Ибо этот лозунг включает в себя призыв к организации и под'ему самодеятельности бедноты. Пленум ЦК в октябре 1925 года наметил и организационную форму осуществления этого призыва. Год работы по проведению в жизнь решений этого пленума был годом устранения недоразумений, связанных у части бедноты с недостаточным пониманием сущности партийной линии.

Сейчас мы участвуем в перевыборной кампании, которая покажет в полном об'еме итоги этого процесса.

Итоги будут в пользу диктатуры пролетариата.

Размеры их зависят от нашей же собственной энергии и гибкости.

Э. Гольденберг.

Против путаницы в теории империализма.

Несколько месяцев назад в Берлине вышла новая книга об империализме, представляющая собой несомненный и значительный интерес[1]). Автор ее, Фриц Штернберг, повидимому, считает себя марксистом и коммунистом. Однако, уже в предисловии он предупреждает читателя, что, оставаясь верным «духу» учения Маркса в целом, он в ряде случаев считает необходимым решительно рвать с его буквой. При чем в первую очередь это относится к теории воспроизводства и рынков, имеющей, как известно, решающее значение для разработки проблемы империализма.

Книга Штернберга очень об'емиста, и в рамках журнальной статьи нет никакой возможности поставить все затронутые в ней вопросы. Мы будем, поэтому, вынуждены ограничиться лишь выделением самых основных положений, имеющих наибольшую важность с точки зрения теории империализма.

1. «Несбываемый остаток».

Проблему воспроизводства и накопления Маркс, как известно, брал в условиях т. н. «чистого капитализма», т.-е. капитализма, до конца ликвидировавшего свое некапиталистическое окружение, освобожденного полностью от пережитков докапиталистической экономики. Вслед за Розой Люксембург Штернберг считает это его основным методологическим грехом. «Маркс,—пишет он, — хотел изобразить в «Капитале» процесс накопления в чистом виде. Но в таком виде его никогда не было, нет и, как я покажу, быть не может»[2]).

Что касается Розы Люксембург, которая, как известно, была первым глашатаем сисмондистски-народнической теории рынков в марксистской среде[3]), то свое отношение к ней наш автор формулирует в следующих словах: «Мы считаем ее (Розы) критику марксовых схем (простого и расширенного воспроизводства) во всех решающих пунктах правильной и обоснованной. Вместе с нею мы держимся того взгляда, что империализм, т.-е. проникновение (Vorstoss) капитализма в некапиталистические территории является имманентной необходимостью, так как, будь капитализм не только господствующей, но и единственной хозяйственной формой, он должен был бы погибнуть в кратчайший срок вследствие заложенных в нем противоречий. В промежуточ-

[1]) Ftitz Sternberg, «Der Imperialismus», Berlin, 1926.
[2]) Стр. 23.
[3]) Струве, разумеется, не в счет.

ных звеньях аргументации... у Р. Люксембург, однако, имеются серьезнейшие ошибки»[1]).

Оставим пока на совести Штернберга определение империализма как «проникновение капитализма в некапиталистические территории». Согласно этому определению капитализм является империализмом уже в пеленках, так как самое его появление на свет, равно как и дальнейший рост суть не что иное, как «проникновение в некапиталистические территории». Мы увидим еще, что эта грубейшая пошлятина в устах Штернберга отнюдь не случайна. Сейчас же ограничимся лишь тем, что установим, что, стоя в основном на точке зрения Р. Люксембург, он признает, тем не менее, ряд серьезных ошибок в ее аргументации. Он делает попытку обосновать ее теорию, не повторяя ее ошибок. Исходным пунктом при этом служит критика марксовых схем простого и расширенного воспроизводства.

На схемах простого и расширенного воспроизводства Маркс показал, каковы условия равновесия и бесперебойного роста «чистого» капитализма, т.-е. общества, состоящего только из рабочих и капиталистов. Важнейшим из этих условий является соблюдение пропорциональности между производством средств производства (I подразделение) и производством средств потребления (II подразделение). Соотношение этих двух основных групп производства имеет *не только* техническое значение. По существу дела оно выражает также и соотношение *накопления* и *потребления* в капиталистическом обществе, так как материалом первого являются, главным образом, средства производства, в то время как материалом второго—средства потребления. Схемы Маркса показали, что при простом воспроизводстве равновесие достигается в том случае, если сумма ежегодно проедаемого дохода в I подразделении (заработная плата плюс потребляемая часть прибавочной ценности) равна стоимости ежегодно снашиваемой и возобновляемой части постоянного капитала II подразделения. Маркс иллюстрирует это след. образом:

$$\text{I. } 4000c + 1000v + 1000m$$
$$\text{II. } 2000c + 500v + 500m$$

Здесь с обозначает постоянный капитал, v—переменный капитал и m—прибавочную ценность. Заработная плата и прибавочная ценность (которая при простом воспроизводстве вся проедается) в I подразделении должны быть *потреблены как доход*. Но на деле и 1000v и 1000m существуют не в виде средств потребления, но в виде средств производства, которые как доход потреблены быть не могут. Следовательно, 1000v и 1000m I подразделения могут быть реализованы как *доход*, как с'едаемая, потребляемая заработная плата и прибавочная ценность, лишь в том случае, если те средства производства, в которых они существуют in natura, удастся обменять на равноценное количество производимых во II подразделении средств потребления. Это возможно, так как капиталисты II подразделения нуждаются в обновлении своего основного капитала, скажем, машин, которые полностью износились и всю свою ценность перенесли на произведенные при их помощи средства потребления. Если сумма зарплаты и прибавочной стоимости в I подразделении (существующие в виде

[1]) Стр. 87.

средств производства) и сумма ежегодно восстанавливаемого износа постоянного капитала во II подразделении (т.-е. той части постоянного капитала II, которая из средств производства превратилась в средства потребления и теперь снова должна быть превращена в средства производства), если эти две величины между собой равны, то обмен происходит безболезненно, и тем самым дана формула равновесия в капиталистическом обществе при простом воспроизводстве.

Эта формула равновесия претерпевает, однако, очень значительные изменения при переходе к расширенному воспроизводству. Здесь возможны два случая. Если расширенное воспроизводство сопровождается повышением органического состава капитала, т.-е. повышением доли элементов постоянного капитала, средств производства в общей товарной массе, то очевидно, что это должно иметь своей предпосылкой более быстрый темп накопления в I подразделении, нежели во II. Но и в том случае, если переход к расширенному воспроизводству происходит на старой технической базе, остается в силе необходимость более быстрого роста I подразделения (так как переход к расширенному воспроизводству означает не что иное, как сокращение личного потребления капиталистов, т.-е. потребления ими продуктов II подразделения) и повышения производительного потребления, т.-е. потребления продуктов I подразделения. Или, говоря словами Маркса, «для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II, но в той же мере более для I» [1]).

Поэтому, если марксовы схемы простого воспроизводства предполагают *одинаковый темп* накопления в обоих подразделениях, то этого нет и, по самому существу дела, не может быть в схемах расширенного воспроизводства. Схемы эти таковы:

I. 4000c + 1000v + 1000m = 6000

II. 1500c + 750v + 750m = 3000

I подразделение накопляет половину произведенной в нем прибавочной ценности, т.-е. 500. При органическом составе капитала 4 : 1, эти 500 распадутся на 400 единиц, идущих на увеличение постоянного капитала I подразделения и 100 единиц, идущих на увеличение переменного капитала I подразделения. К началу второго года мы, таким образом, получаем:

I. 4400c + 1100v + 500m

Мы знаем уже, что постоянный капитал II раздела может быть увеличен лишь настолько, насколько возрастает личное потребление рабочих и капиталистов в I разделе. Последнее возрастает только на 100v. Следовательно, и постоянный капитал II раздела может возрасти только с 1500c до 1600c. При органическом составе капитала во II подразделении 2 : 1, увеличение на 100 постоянного капитала требует соответственного увеличения переменного капитала на 50. Все накопление во II разделе

[1]) Маркс, «Капитал», том II, стр. 468. Пер. Базарова и Степанова. Изд. 1907 г.

составит, следовательно, 150. Схема же наша примет следующий вид:

I 4400 c + 1100v + 500 фонд личного потребления капиталистов,

II 1600 c + 800 v + 600 фонд личного потребления капиталистов,

при чем (1100v + 500m) I раздела обмениваются на 1600c II раздела.

В этой схеме, однако, сразу бросается в глаза то обстоятельство, что норма накопления во II подразделении составляет только одну пятую (150 из 750), между тем как в I подразделении она равна половине (500 из 1000). *Именно с этого пункта Штернберг и начинает свою атаку на Маркса.*

Если равновесие сохраняется только при условии неодинакового темпа накопления в I и II подразделениях, значит, это равновесие вообще невозможно, так как нет никаких абсолютно оснований допустить, что капиталисты II подразделения согласятся накоплять меньше и расточать больше, чем капиталисты I подразделения. Если же капиталисты обоих подразделений будут ежегодно накоплять, т.-е. вкладывать в производство равную долю присвоенной ими прибавочной ценности, то товары II в «чистом» капиталистическом обществе, лишенном «третьих лиц», не найдут себе сбыта, и налицо таким образом будет перманентный кризис.

Штернберг отсюда делает вывод, что безостаточный сбыт всех произведенных товаров в условиях «чистого» капитализма невозможен, что Маркс, желая в своих схемах найти формулу равновесия «чистого» капиталистического общества при расширенном воспроизводстве, на деле показал лишь невозможность этого равновесия. И выложив всю эту премудрость, он торжествующе заключает: «Все те, кто занимались критикой Р. Люксембург, самым ревностным образом остерегались коснуться этого сильнейшего пункта ее позиции» [1]).

И тем не менее, вся аргументация Штернберга в этом вопросе представляет собою сплошные пустяки, построенные на очень элементарном недоразумении. Верно, что при расширенном воспроизводстве (и при неизменной технике и тем более при повышающейся технике) I подразделение должно расти быстрее, чем II. Точно так же правильно, что нет никаких оснований предполагать, что капиталисты II согласятся накоплять меньшую долю прибавочной ценности, чем капиталисты I. Но совершенно неверно и ни из чего не следует, что капиталисты II могут вкладывать присвоенную ими прибавочную ценность *только* во II подразделение. В нашем примере капиталисты II из 750 единиц присвоенной ими прибавочной ценности желают накопить 375. Между тем в II подразделении они могут вложить, не рискуя вызвать кризис сбыта, только 150. Очевидно, что остающиеся 225 они постараются вложить в I подразделение. Добавочные вложения в I подразделение повлекут за собой добавочный спрос на товары II. В конечном счете эти 225 нераспределенных единиц прибавочной ценности II раздела распадутся на 165, добавочно вкладываемые в I раздел, и 60, добавочно вкладываемые в II раздел. Схема приобретает тогда следующий вид:

[1]) Стр. 99.

I 4532c+1133v+500 фонд личн. потребления капиталистов,
II 1640c+ 820v+375 фонд личн. потребления капиталистов.

При чем (1133v + 500m) I раздела обменивается на 1640c II раздела. Некоторое несовпадение здесь об'ясняется тем, что мы вели счет в круглых цифрах, избегая для простоты дробей.

Таким образом, перманентный кризис сбыта в «чистом» капитализме отнюдь не обязателен. Совершенно очевидно, что перераспределение производительных сил, вызываемое переходом к расширенному воспроизводству, должно за собой повлечь и соответственное перераспределение капиталов, одной из форм которого является перенесение части их из II в I. С перенесением же их, с вложением «избыточной» прибавочной ценности II подразделения в I устраняется и причина перманентного кризиса, и равновесие восстанавливается на более высокой основе.

Штернбергу этот довод знаком[1]), однако он его решительно отводит. Соображения у него следующие: капиталисты II *хотят* вложить избыточные 225 единиц своей прибавочной ценности в I, но сделать этого они *не могут*. Ведь их прибавочная ценность in natura существует в форме средств потребления и, значит, годна лишь как средства потребления; между тем как в I подразделение возможно вкладывать лишь средства производства. А эти последние неоткуда взять.

При всей внешней убедительности этого аргумента, он по существу бьет мимо цели. *Во-первых*, огромные количества производимых в капиталистическом обществе товаров могут быть использованы и как средства производства, и как средства потребления. Достаточно назвать уголь, нефть, электрическую энергию, железо, резину, кожу, дерево, стекло и т. д., и т. п. Прибавочная ценность, существующая in natura в форме этих товаров, *может* быть вложена в I подразделение.

Во-вторых, дополнительно вкладывать накопленную прибавочную ценность в I подразделение можно *не только* в том случае, если она существует в форме средств производства, но и в том случае, *если она существует в форме средств потребления*. В самом деле, ведь I подразделение, производя средства производства, нуждается не только в постоянном капитале, не только в машинах, топливе и в сырье, но и в средствах потребления для своих рабочих. Если капиталисты II решились дополнительно вложить 225 единиц в I подразделение, то это означает следующее: часть продукции I, существующая в виде средств производства, которая в других условиях пошла бы на расширение постоянного капитала II, в обмен на средства потребления для рабочих I, теперь остается в I подразделении и используется для расширения его собственного постоянного капитала. Что же касается необходимых рабочим I средств потребления, то они берутся из прибавочной ценности II, авансируемой капиталистами II, вносимой ими *как пай* в I подразделение.

Мы видим, таким образом, что утверждение Штернберга о том, что «критика марксовых схем доказывает..., что в чистом капитализме, при равной норме накопления обоих подразделений, вследствие тенденции к постоянно все более высокому органическому составу капитала, полный обмен между обоими подразделениями невозможен»[1]),—это утверждение неверно и необосновано. Ни Р. Люксембург, ни дополняющему ее Штернбергу *не удалось* доказать невозможность равновесия при расширенном воспроизводстве в «чистом» капитализме.

[1]) Т. к. еще до войны он был высказан Отто Бауэром.

Надо, впрочем, отдать справедливость Штернбергу. Аргументу от невозможности безостаточного сбыта прибавочной ценности II он решающего значения не придает. Правда, этот несбываемый остаток для него «имеет величайшую важность», так как в значительной степени определяет «силу империалистического напора», но в общем он все же признает, «что если критика Р. Люксембург (марксовых) схем и ее доказательство принципиальной невозможности полного обмена между обеими группами промышленности правильны, то непосредственно из этого сделанные выводы неверны»[2]). В отличие от Р. Люксембург, Штернберг согласен допустить, что наличие некоторого несбываемого остатка прибавочной ценности в II подразделении, который он обозначает М—К, отнюдь еще не означает неминуемого и немедленного краха «чистого» капитализма и отнюдь еще не доказывает невозможности существования капиталистического общества. Кончим поэтому с «несбываемым остатком», столь неудачно придуманным Р. Люксембург и Штернбергом ad majorem gloriam «имманентной необходимости» пелепочного империализма. Перейдем к другому аргументу Штернберга, которому он придает решающее значение.

2. Неразрешимость кризиса.

Наличие М—К, несбываемого остатка прибавочной ценности II, по мнению Штернберга, еще не означает невозможности «чистого» капитализма. Штернбергу невдомек другое: как возможны в «чистом» капитализме *периодические* кризисы, т.-е. такие кризисы, которые преодолеваются, рассасываются, вслед за которыми снова наступают под'ем и высокая кон'юнктура. «Если вдуматься,—говорит он,—как следует в ход мыслей Маркса, то кризис в капитализме перестает быть проблемой; проблемой является то, что капитализм оказывается в состоянии *преодолевать* (курсив наш) один кризис за другим»[3]).

Как известно, основной причиной кризисов Маркс считал диспропорцию производства и потребления в капиталистическом обществе. «Весь процесс накопления приводит в первую очередь к расширенному воспроизводству, которое, с одной стороны, соответствует естественному росту населения и которое, с другой стороны, образует имманентную основу явлений, проявляющихся в кризисах. Мерой этого расширения производства является сам капитал, наличная ступень развития условий производства является сам капитал, наличная ступень развития условий производства и безграничное стремление капиталистов к обогащению и накоплению, но ни в коем случае *не потребление*, которое с самого начала ограничено, так как большая часть населения, рабочее население, может расширять свое потребление лишь в очень узких границах. В то же время, в той же мере, в какой разви-

[1]) Стр. 107.
[2]) Стр. 102.
[3]) Стр. 113.

вается капитализм, падает *относительно* спрос на труд, хотя абсолютно он растет»[1]).

Эти бесспорные положения Маркса Штернберг делает исходным пунктом своей второй атаки. Недопотребление масс является причиной кризиса. Но ведь это недопотребление кризисом отнюдь не ликвидируется точно так же, как не ликвидируется оно и после кризиса. Если же причина кризиса не устраняется, остается в силе, то как же возможно устранение следствия, т.-е. самого кризиса?

«Если недопотребление само по себе непосредственно и постоянно ведет к кризису, то кризис никогда не может прекратиться. Он был бы тогда не однократным насильственным выравниванием, но перманентным явлением»[2]).

А так как в условиях перманентного кризиса никакое общество существовать не может, то, следовательно, и «чистый» капитализм есть нечто совершенно немыслимое; капитализм не может существовать без некапиталистической среды, без «третьих лиц», покупательная сила которых сглаживает диспропорцию производства и потребления и создает возможность выхода из кризиса и возможность нового под'ема.

Правда, Штернбергу известно, что на капиталистическом рынке продаются и покупаются не только средства потребления, но и средства производства. Но это его не смущает. «Средства производства,—пишет он,—суть латентные средства потребления. Превращение средств производства в средства потребления есть только вопрос времени... Чем больше средств производства производит капитализм, тем больше в конечном счете будет ценность средств потребления, которые должны найти своего покупателя, чтобы капиталисты могли реализовать свою прибавочную ценность»[3]).

Для очистки своей научной совести Штернберг даже согласен снизойти до рассмотрения тех изменений, которые могли бы произойти на рынке в течение того времени, которое потребно для того, чтобы средства производства превратились в процессе производства в средства потребления. Пока средства производства превратятся в средства потребления проходит время. За это время могут случиться перемены. Мыслимы четыре возможности для сбыта накопленной прибавочной ценности: 1) повышению покупательной способности населения; 2) увеличение народонаселения; 3) втягивание некапиталистических областей и 4) внешняя торговля»[4]).

Сколько-нибудь знакомый с делом читатель сразу, конечно, увидит, что отвести все эти четыре возможности для Штернберга никаких трудностей не представляет. Что касается втягивания некапиталистических областей и внешней торговли, то о них вообще не может быть и речи, поскольку мы говорим о «чистом» капитализме. Увеличение народонаселения тоже не может быть решением вопроса, так как, сколько бы оно ни росло абсолютно, относительно к размерам производства оно должно падать. Закон повышения органического состава капитала означает, что та часть его, которая пред'являет спрос на рабочую силу, переменный

[1]) Marx, «Theorien», II_2, 263.
[2]) Стр. 114.
[3]) Стр. 116—117.
[4]) Стр. 119.

капитал, растет медленнее, чем весь общественный капитал в целом. И, наконец, повышение покупательной способности населения тоже исключено в «чистом» капитализме, где, говоря словами Маркса, «рабочее население может расширять свое потребление лишь в очень узких границах». Таким образом, в течение времени, потребного для превращения средств производства в средства потребления, никаких изменений, способных создать выход из кризиса, не происходит. «Производительное потребление капиталистов,—говорит Штернберг,—только откладывает проблему»[1]). «Чистый» капитализм, капитализм без некапиталистической среды, обречен на перманентный кризис, и, следовательно, вообще не может иметь места ни в природе вещей, ни даже в природе абстрактных категорий. Без некапиталистической среды нет капитализма.

Неразрешимость кризиса в чистом капитализме выступает у Штернберга, как schlagende Argument. И тем не менее, достаточно распутать тот клубок софистической ерунды, которая здесь нашим автором наплетена, чтобы от этого второго, «решающего» аргумента осталось столько же, сколько и от первого, от аргумента от «несбываемого остатка», т.-е. ровным счетом ничего.

Диспропорция производства и потребления, несомненно, является основной причиною кризиса. В капиталистическом обществе она проявляется как диспропорция товарного предложения и покупательной способности населения. Очевидно, однако, что такого рода диспропорция в каждом данном случае предполагает определенный уровень цен. *Снижение цен, насильственно производимое кризисом и закрепляемое потом техническим прогрессом, рационализацией производства, ликвидацией отсталых предприятий, создает, следовательно, основу для выхода из кризиса, для нового под'ема, вплоть до следующего кризиса.*

Штернбергу и иже с ним по этому поводу, разумеется, ничего бы не стоило ударить в тимпаны и завопить: «но ведь снижение цен в конечном счете означает повышение покупательной способности населения! Значит, выход из кризиса через снижение цен есть выход из кризиса через повышение потребления рабочих, которое может расширяться, как мы знаем из Маркса, «лишь в очень узких границах».

Такое рассуждение, будучи, как палка, прямолинейным, было бы, однако, и тупым, как палка. Диспропорция производства и потребления имманентна капитализму, вытекает из самого существа капиталистического способа производства. Но это еще отнюдь не означает, что эта диспропорция является *непрерывно* действующим фактором, фактором, действующим в каждый данный момент. Кризис как раз и представляет собою не что иное, как насильственное сглаживание этой диспропорции, установление равновесия спроса и предложения на новой основе, на основе пониженных цен, улучшенной техники и повышенной производительности труда. Возможно ли создание нового равновесия на новой основе? Возможно до тех пор, пока капитализм в состоянии поднимать технику и повышать производительность труда. Имманентность капитализму диспропорции производства и потребления сказывается не в том, что после каждого данного кризиса невозможно добиться нового равновесия на новой основе, а в том, что это

[1]) Стр. 125.

новое равновесие так же непрочно, неустойчиво, как и предыдущее. И па новой основе продолжают действовать те же силы, которые привели к кризису в прошлом хозяйственном цикле. Снижение цеп во время кризиса, закрепляемое поднятием производительности в течение следующей за ним депрессии, является лишь исходным пунктом для нового, еще большего расширения производства, которое на определенном этапе необходимо должно притти в конфликт с ограниченной покупательной способностью масс и в конце концов завершиться новым кризисом. Кризис следует по пятам за капитализмом, настигая его на каждой новой ступени производительности, на каждом новом уровне цен. Отсюда пескончаемая *периодичность* кризисов; но отсюда ни в коем случае не вытекает их перманентность.

Снижение цен, как основной метод выхода из кризиса,—это положение, более или менее общепринятое в экономической литературе. В самое последнее время его развил В. А. Базаров, в своих интереснейших статьях о «Кривых развития капиталистического и советского хозяйства». Мы приведем оттуда одну из очень многочисленных эмпирических иллюстраций этого положения.

«После кризиса 1873 года под'ем продукции в 1874, 1875 и 1876 гг. совершается по нашей схеме при резко снижающихся ценах... После кризиса 1890 г. начинается новый длительный рост продукции; вместе с тем немедленно вступает в свои права классическая структура капиталистического цикла. С 1892 г. по 1895 год производство растет при понижающихся ценах—в остальных фазах цикла продукция и цены растут параллельно до кризиса 1900 года. Далее продукция начинает повышательную волну цикла с 1901 года, цены продолжают падать до 1905 года, чтобы затем подняться параллельно росту продукции навстречу кризису 1907 года. Вслед за этим последним продукция оживает в 1908 г., депрессия цен длится до 1910 года»[1]).

Производство и потребление, продажа и покупка должны представлять собою некоторое единство, чтобы было возможно равновесие общества. Антагонистический характер капитализма проявляется в том, что он это единство разрывает, но когда Штернберг отсюда непосредственно заключает к *перманентности* кризиса в «чистом» капитализме, то этим он лишь обнаруживает полное непонимание существа и роли кризиса. «*Именно в кризисе*,—пишет Маркс,—утверждается единство различного. Самостоятельность по отношению друг к другу взаимозависимых и взаимодополняющих элементов в нем насильственно уничтожается. Кризис, следовательно, демонстрирует единство обособившихся друг от друга моментов»[2]). Маркс писал эти строки в поучение буржуазным апологетам, которые на основании того, что покупка и продажа, производство и потребление *должны* друг другу соответствовать, умудрялись делать вывод, что кризиса в капитализме вообще быть не может. Но это же поучение невредно было бы усвоить и Штернбергу, который на основании

[1]) В. А. Базаров. «Кривые развития капиталист. и совет. хозяйства», «План. Хоз.», 1926, № 4, стр. 99

[2]) Marx, «Theorien», II_2, 274.

того, что отрыв потребления от производства имманентен капитализму, делает вывод о неизбежности перманентного кризиса, кризиса, назначение которого в том как раз и состоит, чтобы этот отрыв временно ликвидировать!

Раньше, чем кончить эту главу, мы считаем необходимым сделать еще одно замечание. Устойчивое снижение цен возможно только па основе снижения себестоимости, которое, в свою очередь, предполагает улучшение техники, техническое переоборудование промышленности. Отсюда—повышенный спрос на средства производства. Мы видели выше, что Штернберг отмахивается от этого фактора, так сказать, на ходу, отделываясь замечанием, что средства производства суть не что иное, как латентные средства потребления, что рано или поздно они превращаются в средства потребления и, следовательно, их привлечение только «отодвигает проблему». Это утверждение представляет собою величайшую бессмыслицу и величайшую пошлятину.

Не подлежит никакому сомнению, что средства производства существуют затем, чтоб в конечном счете производить средства потребления. Это положение сохраняет свою силу и в капиталистическом обществе, целью производства которого является прибавочная ценность. Отсюда, однако, отнюдь еще не вытекает, что постоянный капитал общества весь с течением времени переходит в его потребительский фонд. Если бы это было так, то в конце каждого промышленного цикла мы имели бы не *возросший* производственный аппарат, не повышение органического состава капитала, но нечто совершенно обратное: превращение всего постоянного капитала в средства потребления означало бы, что к концу каждого цикла остается «голый человек на голой земле», так как все орудия труда им полностью потреблены. Такое представление, конечно, совершенно вздорно. Всякое общество, и капиталистическое в особенности, не только потребляет, но и *накопляет*, накопляет в первую очередь средства производства. Когда износ средств производства, используемых для производства предметов потребления, начинает превышать их новый приток, то это означает, что общество деградирует. Только в романах Уэльса возможно такое положение, когда совокупный постоянный капитал «разрешается» (löst sich) в предметах личного потребления. В высокой степени забавно, что Штернберг (как и Р. Люксембург), которые желают в этом пункте ревизовать Маркса и «развивать» его дальше, на самом деле откатываются от него далеко назад, повторяя грубейшие ошибки Смита и Рикардо. Как известно, для последних накопление капитала тоже «разрешалось» в накоплении средств существования для производительных рабочих, а постоянный капитал для них «разрешался» в стоимости потребления создающих его рабочих. Маркс уделил не мало страниц вскрытию этой ошибки классиков буржуазной теоретической экономии. По существу говоря, Штернберг (как и Р. Люксембург), «разрешая» постоянный капитал в средствах потребления, делает ту же самую ошибку. И если бы природа наделила нас такой же неумеренной склонностью иронизировать, какую проявляет Штернберг, то нам бы доставило много веселых минут то обстоятельство, что Р. Лю-

ксембург, в одном месте своего главного труда, как раз по поводу глав II тома «Капитала», в которых Маркс вскрывает эту ошибку английских классиков, говорит, что он уделяет слишком много места доказательству и без того очевидных вещей!

3. Загнивание или расцвет?

«Покрыв» Маркса и «доказав» невозможность капитализма без некапиталистической среды, Штернберг считает дорогу для своей теории империализма расчищенной. Выше мы уже видели, что империализм он определяет как «проникновение в некапиталистические территории». Наш автор считает, что это «проникновение» перестает быть явлением случайным, становится необходимым, «закономерным» лишь тогда, когда мы признаем, что без него капитализм вообще существовать не может.

Что «проникновение капитализма в некапиталистические территории» отнюдь случайным не является, что вывоз товаров и в особенности капиталов является *законом* капиталистического развития—это, разумеется, бесспорно. Однако, закон этот можно обосновывать по-разному. Так, Маркс писал о нем следующее: «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог быть помещен в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли»[1]). Такое об'яснение экспорта товаров и капиталов Штернберга, однако, не удовлетворяет. Он пишет: «Если бы существовала возможность вложения всей накопляемой прибавочной ценности внутри страны, если бы в этих условиях было возможно воспроизводство на расширенной основе, сопровождаемое лишь кризисами такого рода, какие знало XIX столетие, тогда империалистический напор был бы только (!? *Э. Г.*) делом повышения нормы прибыли, и в этом случае были бы правы буржуазные пацифисты. так как издержки войны бесконечно больше тех выгод, которые может принести повышение нормы прибыли»[2]).

Эта тирада в своем роде замечательна и может служить прекрасной иллюстрацией к тому, много раз уже испытанному и проверенному, положению, что от ультралевых высот до оппортунистического болота—только один шаг. Издержки войны, изволите ли видеть, во много раз выше, чем выгоды от повышения нормы прибыли! Штернбергу, повидимому, невдомек, что издержки войны несет на себе рабочий класс, крестьянство, мелкая буржуазия, в то время как выгоды от повышения нормы прибыли присваивает себе крупный капитал. Совершенно с таким же успехом Штернберг мог бы сказать, что успехи капиталистического накопления, с некоей надклассовой точки зрения, вообще не окупают ту массу нищеты, страданий и крови, которых они стоят. И в этом случае он проявил бы совершенно такую же силу здравого смысла и арифметических способностей.

Во-вторых, неужели наш автор никогда не слыхивал о том, что в капиталистическом обществе существует *конкуренция*; что существует закон *централизации*, заключающийся в том. что более крупные, капиталистически более мощные предприятия вытесняют мелкие и слабейшие? Капиталистическая страна *не может* ограничиваться более низкой нормой прибыли, если ее соседка и конкурентка на экспорте товаров и капиталов наживает большие прибыли. Не может потому, что более низкая норма прибыли означает замедленный темп накопления, а значит, и ослабление позиций *сравнительно* с соседом и конкурентом. А что это значит в обществе, в котором господствует правило: «если ты не с'ешь меня, то я с'ем тебя»—в пояснениях не нуждается[1]).

Если Штернбергу проникновение в некапиталистические территории в погоне за более высокой нормой прибыли представляется чем-то «случайным», если он утверждает, что закономерность этого явления может быть обоснована только *невозможностью* для капитализма существовать без «третьих лиц», то он обнаруживает этим то специфическое понимание «закономерности», с которым марксизму и коммунизму часто приходилось сталкиваться в прошлом и не раз, вероятно, еще придется сталкиваться в будущем: понимание закономерности как чего-то *автоматического*, прямолинейного, сплошного. Нужно ли говорить, что такое понимание ничего общего с марксистским методом не имеет?

Займемся теперь плотнее самым определением империализма. Для Штернберга—это «проникновение (Vorstoss) капитализма в некапиталистические территории». Мы указывали уже выше, что с этой точки зрения капитализм является империализмом уже с первого дня своего появления на свет, между тем как на деле империализм есть определенный *этап,—последний этап* развития капитализма. Вообще с хронологией империализма у Штернберга дело обстоит неладно; к какому периоду он относит возникновение империализма, у него понять невозможно. Зато самую империалистическую эпоху он резко делит на две полосы: «ранний империализм» (Frühimperialismus), который кончился вместе с войной 1914 года, и просто империализм, эра которого открылась в 1914 году.

Мы подходим к гвоздю вопроса. В то время, как для Ленина империализм является *загнивающим* капитализмом, Штернберг его изображает, по крайней мере, для довоенного периода, как его Schonzeit, его золотой век, его высший расцвет. Здесь с самого начала необходимо отметить, что такая точка зрения Штенберга никоим образом не случайна. Ленин начинает анализ империализма со стороны его *производственной базы* и именно *поэтому* приходит к выводу, что империализм есть загнивание капитализма. Штернберг, как и Р. Люксембург, подходит к вопросу не со стороны производства, а со стороны *реализации*.

---

[1]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 237. Пер. Степанова, 1923 г.

[2]) Стр. 175.

[1]) В I томе «Капитала» (стр. 785, примечание 299) Маркс цитирует одного буржуазного экономиста Duning'a, говорящего: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком малой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличности достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%—и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову; при 100% он попирает ногами все человеческие законы; при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать и тому и другому».

Естественно, что период империализма с его колоссальным расширением мирового рынка и возможностей сбыта ему представляется как «золотой век капитализма».

Захват некапиталистических территорий, говорит Штернберг, дает возможность поднять заработную плату рабочих в империалистических странах с голого минимума, который он обозначает как линия AC, до более высокого уровня, который он обозначает как линия AD; действие кризисов благодаря овладению новыми рынками ослабевает, социальная устойчивость капитализма креннет. «Золотой век (Schonzeit),—провозглашает наш автор,—линия AD, наступили... В раннем империализме (т.-е. до войны 1914 г. *Э. Г.*) заработная плата не падает, но, напротив, растет,—факт, социологическая весомость которого вряд ли может быть переоценена. Этот второй период капитализма характеризуется, следовательно, и ослаблением кризиса, конечно, экономического кризиса».

Перефразируя Некрасова, об этой тираде можно было бы сказать: «Мало слов, а вздора реченька». Штернберг здесь говорит о довоенном империализме, как о *втором* периоде капитализма. Повидимому, вопреки своему «определению», он все же считает необходимым проведение какой-то грани между «нормальным» промышленным капитализмом и капитализмом империалистическим. Как известно, эта грань пролегает близко от грани между XIX и XX столетиями. Если принять эту хронологию, учитывая, конечно, всю ее условность, верны ли с фактической стороны утверждения Штернберга?

Реальная заработная плата английского рабочего с 1850 по 1900 год возросла на 83%, т.-е. увеличилась на четыре пятых [1]). Но как раз 1900 год является поворотным. Если реальную зарплату 1900 года принять за 100, то в 1910 году она падает до 92,2 [2]). Получается нечто вполне обратное тому, что утверждает Штернберг. Мы имеем рост зарплаты в период «нормального» капитализма, который сменяется ее падением в полосу достаточно ярко выраженного империализма. Еще рельефнее этот процесс выражен в движении реальной зарплаты германских рабочих. Если принять за 100 ее уровень в 1900 г., то в 1875 г. она составляла 65,5, а в 1910 г. колебалась между 79,6 и 82,9. Как мог Штернберг—человек, несомненно, очень образованный—как он мог упустить из виду, что волна дороговизны, высоко поднявшаяся *именно* в предвоенную эпоху и *именно* в результате безудержного картелирования и трестирования, больше всего била по жизненному уровню рабочего класса, для нас остается непостижимым. Но как бы там ни было, факты противоречат «теоретическим» выкладкам нашего автора, факты эти теоретические выкладки бьют.

Не лучше обстоит дело и с аргументом от ослабления кризисов в довоенном империализме. Штернберг здесь только повторяет апологетическую ерунду буржуазных экономистов, т. к. после кризиса 1907 года, который по своей силе и размаху не знал себе равного в истории капитализма, даже слепому должно быть ясно, что ни о каком ослаблении кризисов даже в довоенном империализме говорить не приходится. Таким образом, два основ-

1) См. С. А. Первушин, «Промышленная кон'юнктура», стр. 29.
2) См. Нахимсон, «Мировое хозяйство», том I, стр. 130.

ных элемента штернберговской Schonzeit оказываются существующими только в его воображении.

Определяя довоенный империализм как Schonzeit, Штернберг не только *не замечает* симптомов его загнивания, но и прямо их *отрицает*. Как известно, Ленин определял империализм в первую очередь как *монополистический* капитализм. Штернберг с этим не согласен. «Между империалистическим напором (Vorstoss) и переходом капитализма к монополистической организации не существует никакой однозначной, параллельной связи... И раньше всего, она не существовала до мировой войны» [1]). В доказательство Штернберг ссылается на тот «факт», что до войны в наиболее империалистической стране, в Англии, монополистических организаций было меньше всего, между тем как наименее тогда империалистическое государство—Сев.-Американские Соединенные Штаты—было классической страной трестов и концернов.

По этому поводу необходимо сказать следующее. *Во-первых*, было бы грубой ошибкой недооценивать процессы трестирования и картелирования в Англии. Уже в 1902 году Макрости насчитывал в Англии 29 крупнейших трестов с капиталами: в 100 миллионов рублей (Кооте), 84 миллиона рублей (о-во выработки щелочей), 82 млн. рублей (ситце-набивная ассоциация) и т. д. [2]). О том, как далеко зашел процесс концернирования теперь, говорит существование таких гигантов, как Виккерс, Плэтс, Армстронг, Болдуин, Роял-Детч, Англо-Персидская компания и т. д.

Во-вторых, монополистическое загнивание промышленности, ее концернирование, как известно, сопровождается сращиванием промышленного капитала с капиталом банковским. Популярное представление, будто в Англии это сращивание не имеет места, покоится на грубом недоразумении. Р. Лифман, который является одним из компетентнейших знатоков этого вопроса, пишет об этом следующее: «Так как в английском словоупотреблении понятие «банк» применяют лишь к *чисто* депозитным банкам, то все кредитные институты, которые связывают с собственно-банковскими, депозитной и контокоррентной, операциями также и другие дела и в особенности операции со всякими ценными бумагами, называются Financial Companies» [3]). Чтобы дать представление о размерах этих финансовых обществ, через которые в Англии происходит сращивание промышленного и банковского капиталов, достаточно назвать Consolidated Goldfields C⁰ с ее капиталом в 270 миллионов рублей.

При всем том, конечно, нельзя отрицать, что монополистические организации в Англии, перед войной, по крайней мере, достигли значительно меньшего развития, чем в Соед. Штатах или в Германии. Но, как ни странно это может показаться Штернбергу, это не опровергает, а *подтверждает* ленинскую теорию империализма.

Монополия не падает с неба. Она является продуктом постепенного перерождения ткани производственных отношений

1) Стр. 182.
2) См. Гобсон, «Современный капитализм», стр. 187.
3) Liefman, «Beteiligungs-und Financierungsgesellschaften», стр. 409.

капиталистического общества, роста его производительных сил, концентрации его производства. Приведя данные о концентрации производства в Америке, тов. Ленин пишет: «Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли всех предприятий... Отсюда ясно, что концентрация на известной ступени своего развития сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии... Это превращение конкуренции в монополию представляет собою одно из важнейших явлений— если не важнейшее—в экономике новейшего капитализма» [1]).

Монополистические организации, следовательно, представляют собою раньше всего продукт концентрации производства. Последняя же сама, в свою очередь, определяется уровнем техники и производительных сил. *В силу закона неравномерности развития капитализма различные страны вступают в полосу империалистического загнивания на различных уровнях техники, а, следовательно, и концентрации, а, следовательно, и вызревания монополистических организаций.* Англия из всех капиталистических государств первая вступила на путь империалистического загнивания, вступила на этот путь на относительно низком уровне техники и концентрации. И, значит, если в Англии трестирование и концернирование было слабее выражено, чем в более молодых Германии и Соед. Штатах, то это не опровергает, а полностью подтверждает ленинскую теорию империализма.

В своей об'емистой книге Штернберг не уделил ни одной строчки рассмотрению производственной базы империализма, и вследствие этого «проглядел» его загнивание. Точно так же он на протяжении более чем 600 страниц *ни словом не обмолвился о законе неравномерного развития*, и вследствие этого ровным счетом ничего не может понять в конкретной динамике общественных отношений при империализме. Отсюда полное непонимание им действительной роли экспорта капитала. Отсюда его архинелепая теория социальной устойчивости империализма. Отсюда же и та резко-пессимистическая нота, которая пронизывает его анализ современного мирового положения и перспектив мировой революции.

4. Неравномерность развития.

В своей работе об империализме т. Ленин, полемизируя с Каутским, писал: «Разговоры Каутского поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их» (стр. 88). И двумя страницами ниже: «Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей мирового хозяйства».

Как известно, на XV конференции тт. Троцкий и Зиновьев произвели ожесточенную атаку на эти положения т. Ленина. Смысл их речей сводился к тому, что в современном империализме тенденция нивелировки берет верх над тенденцией неравномерного развития. Тов. Троцкий, напр., предлагал сопоставить Японию с Англией 70 лет назад и теперь и спрашивал: когда различие между ними было больше—тогда или теперь? После чего с удовлетворением констатировал, что различие тогда было больше, чем теперь.

Такая постановка вопроса совершенно не выдерживает критики. Одно дело различие экономических уровней зрелой капиталистической страны и страны феодальной, или страны, только еще вступающей на путь капиталистического развития. И совсем другое дело неравномерность развития двух зрелых капиталистических стран. Мы имеем здесь два совершенно различных *типа* неравномерности, смешивание которых является грубейшей ошибкой,—грубейшей ошибкой потому, что *в домонополистическую эпоху имеется неравномерность развития такого капитализма, который в общем и целом находится еще на восходящей линии, между тем как в империалистическую эпоху налицо неравномерность развития такого капитализма, который уже загнивает.* Если 70 лет назад Япония отставала от Англии, то она преодолевала эту неравномерность, нагоняла Англию, *развертывая* у себя капиталистические отношения, вырастая и вызревая, как *капиталистическая страна*. Но если теперь Англия отстает от Америки, то очевидно, что для нее преодоление этой неравномерности за счет дальнейшего развития своего капитализма уже невозможно, ибо английский капитализм не только вполне созрел, но и перезрел.

В 1860—1880 гг. Англия господствовала на мировом рынке. Ее доля в мировой угольной продукции в 1860 г. составляла 57%, между тем как доля Сев.-Амер. Соедин. Штатов составляла только 9,9%. У нас нет данных по чугуну и стали для 1860 г. Но еще в 1880 г. доля Англии в мировой продукции чугуна составляла 42,5% и в мировой продукции стали—43,4%. Доля Соедин. Штатов в мировой продукции этих товаров тогда составляла 21 и 24,1% [1]). Но уже 1913 год дает картину совершенно обратную. Участие Англии в мировой продукции угля падает с 57 до 23,9%, между тем как участие Соедин. Штатов, напротив, возросло до 42,3%. По чугуну и стали доля Англии падает до 13,2 и 10,3%, между тем как доля Соедин. Штатов возрастает до 40,1 и 42,1%.

Когда *неравномерность развития* была больше? Надо быть слепым, чтобы не видеть, что в XX веке больше, чем в 70-х и 80-х годах, потому что в 80-х годах *отстававшая* Америка, будучи страной *восходящего* капитализма, могла взять *такой* темп, который дал ей возможность нагнать и перегнать ушедшую вперед Англию. Между тем как в XX веке Англия, являющаяся страной *загнивающего* капитализма, такого темпа, который позволил бы ей нагнать и обогнать Америку, очевидно, взять уже не может. Следовательно, *в 60 и 70 гг., в домонополистическую эпоху раствор ножниц, в которых выражается неравномерность развития, обнаруживает тенденцию становиться меньше, между тем как в империализме он с необходимостью растет.*

[1]) Ленин «Империализм...», стр. 15 (изд. «Прибой»).

[1]) См. Фалькнер, «Рост народного дохода и имущества Соединенных Штатов С. А.».

Усиление неравномерности развития в империалистическую эпоху отнюдь не противоречит определению империализма как загнивающего капитализма. Напротив, загнивание капитализма прямо *предполагает* неравномерность развития с вытекающими из нее экспортом капитала, отставанием и загниванием производственной базы страны, экспортирующей капитал, перемещением мировых производственных центров и, наконец, отрывом рабочей силы, собранной в старых производственных центрах, от действующих средств производства, в растущей мере концентрируемых в новых центрах,—отрывом, наносящим колоссальной силы удар той самой социальной устойчивости капитализма, которую воспевает Штернберг.

Мы вернемся еще к этому кругу вопросов в следующей главе.

(Продолжение следует).

А. Слепков.

О вывертах г-на Бауэра и его новых прозелитах.

Тихо и буднично протекает жизнь в социал-демократическом Миргороде: журналисты пишут о принципиальном значении и необходимости классовой борьбы «вообще» и содействии капиталистической стабилизации «в частности»; на собраниях, на которые безработные—в противоположность всем другим слушателям—получают бесплатный доступ, ораторы доказывают необходимость «революции в душах», профессора и присяжные теоретики внимательно следят за юбилеями друг друга и пишут по этому поводу статьи, в которых великодушно признают, что в прежней взаимной критике друг друга они перегибали палки, увлекались и ошибались; парламентарии с жаром и убедительностью доказывают, что Карл Маркс «вообще» допускал политическую коалицию с буржуазными делегатами, а потому «в частности» высказываются за коалицию с совсем другим Марксом...

Спокойствие этой жизни, нарушаемое неутомимыми «утонистами», «дирижируемыми» «из Москвы» и мешающими проведению в жизнь конструктивного почти-социализма, становилось даже немного скучным. Но обнаружилось, что Москва в состоянии не только беспокоить с.-демократов своими «гранатами» и вездесущими агентами: из Москвы же подул ветерок, который привел в веселое состояние одного из начавших скучать почтеннейших мещан социал-демократического Миргорода—Отто Бауэра. В самом деле: «московские диктаторы» передрались, гремели громы, блистали молнии,—целое потрясение—и все... из-за Отто Бауэра. «Мы», Бауэры, не просто миргородские обыватели, а—центр внимания, об'ект борьбы среди большевиков Советского Союза и Коминтерна, среди той коммунистической армии, в которой доселе так презрительно и неприлично отзывались о Бауэре и бауэрщине, среди той партии, к которой со все большими надеждами и решительностью обращаются лицом левеющие рабочие Запада, когда они обращаются «не-лицом» к Бауэрам. Разве же не понятен и не естественен после этого горделиво-снисходительно-мессианский тон статьи Отто Бауэра «Bauerschtschina?» («Бауэрщина?»), которую он поместил в рождественском номере венской с.-д. «Arbeiter Zeitung» и которую почтительно перепечатал лево-умеренный с.-д. орган «Leipziger Volks-Zeitung» 28/XII 1926 г.?

Редакция последней газеты снабдила статью маленьким пояснением, в котором, между прочим, пишется:

> «В последних партийных боях между правыми сталинцами и ультра-левыми оба крыла взаимно обвиняли друг

друга в бауэрщине. Это тем более дает Бауэру право самому решить, какое направление соответствует линии развития, намеченной им в 1920 году».

Статья эта, несомненно, по своим основным положениям, является *типично*-меньшевистской. Отто Бауэр так же, как почти все высказывавшиеся до сих пор по данному вопросу идеологи социал-демократии, относится к идеологии оппозиции исключительно положительно, разделяя их оценки тенденций развития СССР и лишь высказывая сожаление по поводу «военно-коммунистических», «утопических» тенденций в практических предложениях и полупредложениях лидеров оппозиции.

С подобной оценкой читатель знаком уже по статьям «Социалистического Вестника», разбиравшимся в «Правде». Тем не менее находятся «ультра-левые» умники, которые услыхали в изречениях Бауэра новое слово и увеличили своими персонами ряды прозелитов этого идеолога социал-филистерства, вредоносность которого они впрочем на словах не отрицают.

Бауэр зацепил своей удочкой «наилевейших» Рут Фишер—Маслова—Урбанса и Ко.

В своем оппозиционном листке («Mitteilungsblatt», Linke Opposition der KPD, Berlin, Nr. 1. 1927) они поместили статью: «Как Отто Бауэр хвалит т. И. Сталина» («Wie Otto Bauer den Genossen I. Stalin lobt»), в которой проявлено столько же неискренности и нечестности в полемике, сколько трудно скрываемой симпатии к исходным идейным позициям известного «левого коммуниста» Отто Бауэра. Эта солидарность с Отто Бауэром не может быть прикрыта никакими «левыми» словесами о сугубой вредности утонченного революционного фразерства австро-марксизма и пр.

Но именно потому, что Бауэр является для ультра-левых идейным первоисточником, из которого они заимствовали материал для неудачного полуфабриката в своем фракционном листке: именно потому, что они в своей статье лишь искаженно отразили Бауэра, мы, в целях выяснения истинной позиции последнего, обратимся ниже к статье самого Бауэра.

Лидеры оппозиции в своих последних выступлениях на расширенном пленуме ИККИ подчеркивали, что их отделяют от партии в целом не столько разногласия по конкретно-практическим вопросам (политика цен, налоговая политика и т. д.), сколько различия в оценках общих вопросов и перспектив революции,—разногласия, нашедшие наиболее яркое выражение в решении вопроса о возможности победы социализма в СССР. Общеизвестен тот факт, что лидеры оппозиции, пытавшиеся наскоро сколотить свою фракционную платформу экономической политики, запутались в противоречиях и потому к заключительному моменту дискуссии остались без практической платформы *с одними общими оценками тенденций развития СССР*.

Поэтому критерием отношения к оппозиции, в первую очередь, является отношение к тем теориям, которые идеологи оппозиции развили в связи с *общими вопросами революции*.

Как известно, социал-демократы находили противоречивые и отрывочные кусочки практически-экономической «платформы» оппозиционного блока—«утопичными», «военно-коммунистическими» или «туманными» и «неясными».

Зато они вполне одобряли оппозиционные оценки итогов и перспектив российской революции в целом, зато они видели в

оппозиционной постановке вопроса о невозможности победы социализма в одной стране победу *своей* идеологии, залог дальнейшей эволюции блока к социал-демократии.

Дал ли в этом отношении что-нибудь новое Отто Бауэр? Ни капельки. Он, как и многие социал-демократы, выступавшие по этому вопросу до него, находит практические предложения оппозиции утопичными, но констатирует, что основная теоретическая установка оппозиционного блока вполне сходится с его взглядами, когда заявляет:

> «В области теории суждения оппозиции о тенденциях русского хозяйства, в условиях развития последнего в рамках мирового капитализма, приближаются к тому, что я предсказал в 1920 году».

Итак, Бауэр солидарен с «суждениями оппозиции о тенденциях русского хозяйства» в условиях мирового капиталистического окружения. Но ведь это же есть центральный момент дискуссии, но ведь все идеологи оппозиции отмечают, что в различном разрешении именно *этого* вопроса заложены серьезные принципиальные разногласия, отделяющие оппозицию от партии в целом.

Ультра-левые простачки, готовые распустить слюни по поводу вывертов г-на Бауэра, не поняли *главного* политического смысла рассуждений своего нового идейного патрона.

Бауэр согласен с оппозицией в основном и центральном: он находит, что их оценка перспектив развития российской революции в условиях мирового капиталистического окружения является одновременно *его* оценкой.

В числе сторонников своей концепции революции он находит:

> «Зиновьева, который еще недавно был диктатором Коммунистического Интернационала, Троцкого, создателя Красной армии, Каменева, вчерашнего председателя Московского Совета».

Правда, Бауэр, пришедший в добродушнейшее настроение от оказанного ему внимания, так разболтался, что развязность и сознание своего величия перевесили в нем контролирующее влияние логики, в результате чего тот же Бауэр утверждает, что в своих построениях тт. Зиновьев, Троцкий и Каменев исходят из традиций и воззрений исторического большевизма, ленинизма, ревизуемого ныне тт. Сталиным, Бухариным, Рыковым и др.

> «*Победа Сталина над оппозицией есть* не что иное, как *победа* неумолимой экономической необходимости *над идеологией, традициями, прошлым большевизма*».

Странновато получается! Бауэр горд тем, что к его точке зрения на перспективы российской революции примыкают тт. Каменев, Зиновьев, Троцкий; но оказывается, далее, что идеологи оппозиции отразили в своей концепции исторический большевизм, т.-е. что они не *пересматривали* ленинизма.

Элементарная логическая добросовестность обязывает сделать из этих двух положений следующий вывод: Бауэр не прочь зачислить себя в представители исторического большевизма. Вряд ли, однако, социал-демократический герой Миргорода *хотел* угостить своих сограждан к христову рождеству таким сенсационным признанием. Просто разболтался человек.

Но в статье Бауэра налицо все необходимые «доказательства» его «исторического большевизма». Большевику эти «доказательства» хорошо известны.

В самом деле. Посмотрим, *как* Бауэр оценивает тенденции и перспективы российской революции.

> «Развитие национализированной крупной индустрии невозможно без массового ввоза средств производства. Этот массовый ввоз невозможен без возрастающего вывоза хлеба. Возрастающий вывоз хлеба невозможен без поощрения хозяйства кулака, богатого крестьянина».

О массе простых, некапиталистических сельских производителей Бауэр пишет, что они обращают «весь свой хлеб на пропитание своей семьи», т.-е., по сути дела, ведут натуральное хозяйство.

Партийному читателю уже известна эта концепция «исторического большевизма», согласно которой середняк выпадает как союзник строящего социализм пролетариата, согласно которой все крестьянство заменяется всевластным и всепокрывающим кулачеством, согласно которой для социалистических путей деревни нет реальных возможностей; нашему читателю знакома и эта тенденция изобразить кулака почти единственным продавцом хлеба, почти единственным источником государственных хлебозаготовок. Все это было сказано в свое время различными представителями оппозиционного блока, которые изображали абсолютный рост буржуазных элементов в СССР и как абсолютный и как *относительный* рост этих элементов, которые (оппозиционеры) склонны видеть основную тенденцию исторического развития СССР в более быстром росте капитализма по сравнению с социализмом.

В полном соответствии с данной оценкой динамики социально-экономического развития СССР Отто Бауэр характеризует социальное существо советского государства.

> «Диктатура коммунистической партии именуется диктатурой пролетариата. В действительности же она должна, в целях развития национализированной крупной индустрии, поощрять также хозяйственное развитие крестьянства, а тем самым, посредством этого, хозяйственное развитие буржуазии. Она не может представлять только пролетариат за счет двух других классов—крестьянства и буржуазии; она должна, как всякий абсолютизм, взвесить противоречивые интересы трех классов, уравновесить их.
>
> В условиях демократии классы борются за власть и тем самым за их долю в общественном доходе. Равнодействующая классовых сил есть результат классовой борьбы. В противоположность этому всякий абсолютизм, в том числе и русский (для «большевика» Бауэра, как и для Каутского, диктатура пролетариата в СССР—абсолютизм! *А. С.*), хочет наделить каждый класс его долей в общественном доходе путем своего решения, хочет сознательно декретировать равнодействующую классовых сил.
>
> На место массовой борьбы классов выступает поэтому в России бой внутри самих управителей за правильный способ этого раздела».

Мы не имеем возможности и необходимости останавливаться здесь на не имеющей ничего общего с марксизмом бауэровской теории государства вообще. В данной связи важно подчеркнуть лишь то обстоятельство, что Бауэр смотрит на советскую власть как на государство, выражающее интересы *всех* трех классов, да притом в неестественно-искаженной, ненормальной форме. Все три класса—пролетариат, крестьянство и буржуазия—борются за свою долю общественного дохода внутри советского государства, все они имеют представителей своих интересов и внутри руководящей государством коммунистической партии. Нормальный ход этой борьбы мог бы быть обеспечен по Бауэру только отказом от методов диктатуры и переходом к буржуазной демократии, без развития которой немыслима подготовка социализма. Этой «свеженькой» сентенцией Бауэр заключает свою статью.

Но разве всякий, кто читал статью одного из наиболее ликвидаторствующих воинов оппозиции, Оссовского, стоящего ныне вне партии, и неуклюже жонглировавшего категориями «единственная, но не единая», «единая, но не единственная» и проч. и т. п.—не угадывает в оссовщине идеологию, родственную лощеной идеологии «австро-марксистского» теоретика?

Разве не о том писал Оссовский, разве он не представил тенденцию «раскрепощения» СССР от диктатуры пролетариата, руководимого единственно легальной коммунистической партией,—разве он не протаптывал теоретическую дорожку к любезной Бауэрам буржуазной демократии?

И разве не вступили одной ногой на эту же дорожку те, кто узрели и защищали в Оссовском идеолога, представившего—только не совсем умно и умело—полезную тенденцию ослабить давление бюрократического «башмака на ногу рабочего».

Все это было не случайно. Ибо стать на точку зрения Бауэра в основном вопросе о движущих силах и перспективах нашей революции, о возможности построения социализма в нашей стране—это значит, при последовательности, протянуть руку буржуазному демократу Оссовскому, а через последнего протянуть палец Бауэру, который этот палец ухватывает обеими руками.

На вопрос, обладает ли российская революция достаточными *внутренними* силами для построения социализма, вожди оппозиционного блока ответили отрицательно, и именно здесь образовалось идейное звено, соединившее цепь их положений с философствованиями Бауэра.

Если, *несмотря на отсутствие необходимых для построения социализма внутренних условий*, СССР укрепился и растет,—то этот факт может свидетельствовать лишь о внутреннем перерождении советского государства, о превращении его в «далеко не пролетарское», о перерождении правящей государством партии, о *перерождении его партийного руководства*. Такие выводы являются—при последовательности рассуждений—обязательными и для Бауэра и для идейно примыкающих к его посылкам о незрелости русской революции идеологов оппозиционного блока.

И действительно, разве не говорилось последними насчет «национально-реформистской» идеологии партийного руководства, его измены международной революции, политики поощрения внутренней буржуазии? Разве не говорилось, что имеются симптомы начавшегося перерождения?

Бауэр, естественно, высказывает сие резче, определеннее, недвусмысленнее, хотя в устах этого социал-прохвоста рассуждения об измене мировой революции звучат прямо-таки смешно: миргородский «мировой» «пролетарский» «революционер» в роли «левого» критика большевизма! Бывает всякое: кто же не знает того, что Каутский, Бернштейн и даже Муссолини критикуют большевизм «слева». Что же удивительного в том, что Бауэр утверждает, будто тт. Сталин, Бухарин, Рыков «не верят больше в мировую революцию»; что их лозунгом является «мировая агитация, а не мировая революция».

Что удивительного в том, что он почти в тех же выражениях, что оппозиция, говорит о национально-реформистском перерождении нашей партии?

И разве не симптоматично, что и *в этом вопросе*, в характеристике партийного руководства, Бауэр «теоретически» считает себя солидарным с оппозицией, вернее считает последнюю солидарной с собой?

Бауэр торжествует: он-де говорил еще в 1920 году, что победоносное строительство социализма в крестьянской России невозможно. Если же все-таки случилось, что кое-что строится, то строится прежде всего капитализм, а строители переродились, доказав правильность «линии развития, намеченной им еще в 1920 году». Сталин и его единомышленники volens-nolens пошли практически по тому пути, который он, Бауэр, указал своим «теоретическим» перстом еще до новой экономической политики.

Исходя из этого, Бауэр заключает:

«...На практике Сталин выполняет как раз то, что я предсказал, и только прикрывает то, что он делает, идеологией вчерашнего. Теоретическая бауэрщина оппозиции состоит в том, что она разрывает идеологию, посредством которой Сталин прикрывает свою практическую бауэрщину».

Оппозиция «теоретически» примыкает к бауэрщине,—это Бауэр констатирует охотно, забыв, однако, отметить, что его рассуждения о незрелости российской революции и пр. представляют так же мало оригинального и нового, сколько ряд других банальностей, которые сходили с уст и перьев сотен, если не тысяч других социал-демократов до статей Бауэра и после них.

Всесоюзная коммунистическая партия осудила социал-демократический уклон оппозиции, который Бауэр похвалил за его идеологию, за «теорию».

Идеология, «теория» коммунистической партии, руководящей строительством социализма на шестой части земного шара, к удивлению Бауэра, «еще» не признала его.

Но мессианизм Бауэра безграничен: он «остроумно» заключил, что если не в теории, то в практике компартии его, Бауэра, идейная установка получила оправдание.

Его дух, видите ли, витает над практикой ленинской партии, поскольку эта практика идет по линии развития (т.-е. перерождения), намеченной им, Бауэром, еще в 1920 году. «Вот и возьмите его теперь голыми руками!».

Но как старо все это! Не их ли—Бауэров и прочих меньшевиков—цитировал Ленин после введения нэпа: дескать, мы, Бауэры, всегда говорили то, что ты, большевик, сейчас говоришь,—позволь нам еще раз это повторить. Ильич на это отвечал: «Позвольте поставить вас за это к стенке, либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться».

Теперь Бауэр снова затянул эту песню: теория осталась, а практика наша.

Методы диктатуры, которые проводятся у нас на практике, методы борьбы с политическим социал-пресмыкательством, методы преодоления капитализма в условиях диктатуры пролетариата, методы реальной помощи ВКП(б) и российского пролетариата всем революционным движениям мира (вспомните только революционные процессы последних исторических дней: английскую стачку и китайскую революцию), методы борьбы за рабочие массы всего мира с лицемерными слугами капитала, из которых позорной известностью пользуется Бауэр,—приходится ли *эта* практика по носу Бауэру?

* * *

Оппозиционный блок внутри ВКП(б) дал идейную установку ультра-левым. Ультра-левые пленены Бауэром, статью которого они не могли переварить критически и положения которого восприняли охотно и даже «смаковали» их не без удовольствия.

Но саморекламные теоретические упражнения Бауэра на страницах «Arbeiter Zeitung» находятся в несомненной связи с общими теоретическими воззрениями Бауэра на социализм, воззрениями, которые, в свою очередь, определяют практику этого печального «двухсполовинного социалиста». Теории же Бауэра имеют общую методологию с Каутским. Орган Бауэра «Der Kampf» систематически восхваляет Каутского, за что орган немецкой социал-демократии «Die Gesellschaft» усердно рекламирует Бауэра, отмечая с удовлетворением все его новые теоретически-практические выступления. В конце 1924 года, когда исполнилось 70 лет со дня рождения Каутского, «Der Kampf» разразился рядом восторженных статей о Каутском, как «воспитателе второго поколения социалистов», идеологе и вожде революции.

Но и на Каутском цепь не кончается. Каутский написал в 1925 г. показательнейшую статью об известном идеологе ревизионизма Эдуарде Бернштейне,—статью, в которой он решительно осудил свое революционное прошлое и теоретически и исторически оправдал ревизионизм (см. «Die Gesellschaft», 1925, № 1, Karl Kautsky, «Eduard Bernstein zu seinem fünfundsiebzigsten Geburstag»). «Принципиальность» Каутского иллюстрируется в этой статье с исключительной силой. Он имеет дерзость напоминать, что «теория не знает компромиссов» в противоположность политике.

Как бы «в развитие» этого он пишет:

«Каждый мыслитель имеет свою собственную голову, свои собственные глаза, свои собственные социальные и научные предпосылки. Чем большее количество голов применяет определенный метод, тем различнее результаты, которых они при этом достигают. Так обстоит с кантианством, гегелианизмом, дарвинизмом. Почему не должно этого быть с марксизмом?.. Каждый из них работает в своей области,

по своему методу, своими средствами, не вставая поперек дороги другому».

Практическое «приложение» этой, с позволения сказать, теории Каутский демонстрирует ретроспективно в отношении ревизионизма Бернштейна.

«Кто из нас тогда был прав,—пишет Каутский,—или, лучше сказать, насколько был прав один и насколько другой,—мне не приличествует решать в качестве судьи. Во всяком случае эта борьба не была голым расточением сил. По меньшей мере я тогда многому научился у Бернштейна... стал внимательнее к слабым пунктам нашей доктрины... Не иначе было и с Бернштейном...

Мало этого! Каутский берется оправдать даже центральную формулу ревизионизма: «конечная цель социализма для меня ничто, движение все»:

«Все позднейшее поведение Бернштейна доказало, что в этом несчастливо выраженном положении не было намерения сказать ничего больше того, что сказано известным положением Маркса: один шаг действительного движения ценнее, чем дюжина программ», и т. д.

Так проституируется марксизм человеком, для которого «теория не знает компромиссов» [1]).

Оппозиция дает теоретическую пищу ультра-левым, последние идейно посасывают Бауэра; этот, в свою очередь, лижется с Каутским, который падает в об'ятия Бернштейна, предварительно оправдавши ревизионизм.

Такова об'ективная расстановка.

Будет ли порвана эта нить?

---

[1]) Правда, амнистируя Бернштейна, Каутский и К⁰ изгоняют из партии тех, кто осмеливается положительно отозваться о большевизме и Союзе Советских Республик. Но это же «мелочь»!

Арт. Аболин.

Накопление в крестьянском хозяйстве и кооперация.

Социальная сущность советской кооперации, ее роль в строительстве социализма, определяется в основном взаимоотношением между кооперацией и государственным хозяйством. Если пролетариат через госпромышленность и государственный кредит и прочие каналы обеспечит за собой руководящее начало в хозяйственной деятельности кооперации, то этим самым уже дано основное условие, необходимое для того, чтобы эта общественная организация в социалистическом строительстве заняла место, намеченное Лениным в его учении о строительстве социализма в нашей стране.

Однако руководящее воздействие пролетариата на крестьянство является также особой, правда, весьма своеобразной, формой борьбы между этими двумя основными слоями нашего общества [1]), поэтому в работе кооперации, при конкретном проведении политики пролетариата в деревне через кооперацию, мы встречаемся с рядом трудностей и противоречий.

Опираясь одним концом на социалистическую базу, кооперация другим концом уходит в крестьянскую, мелкособственническую стихию, вследствие чего возникает проблема взаимоотношения между ростом самой кооперации, как организации, относящейся к социалистическому сектору нашего хозяйства, и одновременным ростом частнособственнического, индивидуального крестьянского хозяйства, т.-е. взаимоотношения между накоплением в частном крестьянском хозяйстве и социалистическим накоплением.

I.

Следующие цифры дают представление об организационном состоянии и удельном весе отдельных видов сельской кооперации СССР без Украины [2]).

---

[1]) См. план брошюры Ленина «О диктатуре пролетариата», «Большевик» № 18, 1926 г., стр. 12. «Две основные задачи (и соответственно две новые формы) классовой борьбы при диктатуре пролетариата:... 2. систематическое руководящее воздействие (тоже борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев».

[2]) Сведения о количестве кооперативов и членов взяты из контрольных цифр по кооперации на 1 окт. 1926 г., которые являются грубо ориентировочными (цифры по с.-х. кооперации опубликованы в книге «Контрольные цифры

Виды и системы кооперации	Количество кооперативов на 1 окт. 1926 г.	Количество членов на 1 окт. 1926 г. в тыс.	Обороты по продажам за 1925/26 г. в милл. руб.
Потребит. общества	20.000	5.200	1.020
С.-х. товарищества	8.000	688	250
С.-х. кредитн. и кред. т-ва	11.000	3.999	420
Маслодельн. и сыров.	9.000	1.611	80
Прочие с.-х. т-ва (картоф., табаков., семенов., свеклос.)	9.000	630	100
Куст.-пром. и лесн.	8.000	350	160
Коллективн. х-ва	10.500	231	—
Итого	75.500	12.709 [1]	2.030

По характеру отношений, возникающих между кооперацией и крестьянским хозяйством, можно выделить 3 основных группы кооперативов:

1) обслуживающие нужды частного крестьянского хозяйства и кустаря, занимающиеся *сбытово-снабженческими*, т.-е. по существу торговыми, а также кредитными операциями;

2) товарищества по первичной обработке с.-х. продуктов (маслодельные, сыроваренные, картофельные и др.), отделяющие от частного крестьянского хозяйства и обобществляющие отдельные производственные процессы. Сюда же следует отнести товарищества по электрификации и предприятия агрикультурного характера;

3) коллективные хозяйства разных видов.

Каков удельный вес этих отдельных групп в общей системе сельской кооперации?

Из приведенных в таблице цифр видно, что обороты по продажам всей сельской кооперативной сети СССР без Украины составляют около 2-х миллиардов рублей. Из них на долю второй группы кооперативов (переработка с.-х. продуктов) необходимо отнести 80 милл. руб.—оборот маслодельных и сыроваренных т-в, плюс около 20% прочих с.-х. товариществ, занимающихся переработкой с.-х. продуктов, а также оборот лесных артелей и примерно 25% оборота кустарно-промысловых товариществ. Остальная часть оборотов падает на первую группу кооперативов.

Следовательно, как в организационном строительстве, так и в хозяйственной деятельности сельской кооперации преобладающее влияние имеет первая из указанных выше групп. Удельный вес второй группы, если принять во внимание деятельность всех кооперативных предприятий, в том числе и предприятий агрикультурного характера, все же не превышает 7—8% общего об'ема работы всей сельской кооперации. Что же касается коллективных хозяйств, то их хозяйственная деятельность трудно

народного хозяйства на 1926/27 г.»). В эту таблицу не входят «дикие», несоюзные кооперативы. Так, например, коллективных хозяйств по СССР всего насчитывается свыше 20 тыс., об'единяющих до 1,5 милл. населения.

[1]) Значительная доля членов кооперации состоит одновременно в нескольких системах, так что общий итог членов совершенно условен.

сравнима с хозяйственными оборотами прочих кооперативных систем. Ими об'единяется до 1,5% всего крестьянского населения, а в общем об'еме с.-х. производства они занимают менее 1%.

Из этого можно заключить, что современная наша кооперация выступает преимущественно как торговый посредник между госпромышленностью и частным крестьянским хозяйством. Это явление вполне понятно. Внедрение производственной кооперации в сельском хозяйстве сопряжено с огромными трудностями, так как всякое изменение способов и форм производства зависит в основном от развития техники, а наше сельское хозяйство с технической стороны еще мало чем отличается от дореволюционного состояния. Рост производственного кооперирования крестьянства, развитие коллективных форм в сельском хозяйстве в большой степени зависят от того, в какой мере наша промышленность и импорт дадут возможность снабдить деревню машинами, усовершенствованными орудиями производства.

Но ясно, что этот процесс должен быть исчислен во времени не единицами лет. Следовательно, наша кооперация и впредь на долгое время еще будет выступать преимущественно как торговый посредник между городом и деревней, т.-е. как организация, снабжающая частное крестьянское хозяйство потребительскими товарами и с.-х. инвентарем и сбывающая крестьянскую продукцию, постепенно, конечно, втягивая в свою сферу те или иные отрасли производства в крестьянском хозяйстве.

Некоторые из наших экономистов склонны думать, что только производственное об'единение крестьянства в коллективы можно отнести к социалистическому строительству, что же касается торговой деятельности кооперации, то, по их мнению, влияние ее на крестьянское хозяйство, пожалуй, ничем не отличается от влияния частной торговли, т. к. и та и другая способствуют развитию этого хозяйства, как частного хозяйства.

За последнее время даже раздавались голоса за из'ятие государственных средств из кооперативного оборота и, следовательно, за соответствующее расширение сферы деятельности частной торговли.

Для того, чтобы рассеять туман, напускаемый этими взглядами и предложениями, нужно разобрать вопрос о взаимоотношениях между кооперацией, обслуживающей индивидуальное крестьянское хозяйство, с одной стороны, и самим крестьянским хозяйством—с другой. В виду того, что характер и темп развития индивидуального крестьянского хозяйства определяется преимущественно характером и темпом накопления в этом хозяйстве, в дальнейшем мы обратим внимание главным образом на этот последний вопрос.

Перед нами возникает такой вопрос. Если время, в течение которого наша промышленность сумеет полностью удовлетворить сельское хозяйство средствами производства, необходимыми для производственного кооперирования населения, время, пока произойдет та культурная революция, о которой писал Ленин, как о предпосылке полного кооперирования населения, это время растягивается на 10—20 лет, и если кооперация на первых порах будет развивать преимущественно сбыто-снабженческую деятельность, направленную к обслуживанию главным образом нужд частного крестьянского хозяйства, то спрашивается: как

за это время будет проходить накопление в частном крестьянском хозяйстве, и куда будет расти это хозяйство?

Если сбытово-снабженческая, «торговая» кооперация способствует, между прочим, и укреплению частного крестьянского хозяйства, то не может ли рост деревни в рамках частного хозяйства вносить такие изменения в социальную структуру деревни, которые будут затруднять, или прямо препятствовать нашему общему росту к социализму? Другими словами: если кооперация на первых порах не только не препятствует росту частного крестьянского хозяйства, но даже способствует этому росту, то не изменится ли со временем самое направление развития деревни в сторону от социализма? Эти последние два вопроса могут быть сформулированы таким образом: если сбытово-снабженческая, «торговая» кооперация способствует, между прочим, и укреплению частного крестьянского хозяйства, то является ли рост такого рода кооперации ростом социализма?

При настоящем состоянии техники в стране преобладающей формой ведения хозяйства в деревне остается и еще на долгое время останется частное хозяйство. Препятствовать развитию этого частного хозяйства значит—препятствовать развитию производительных сил, и обратно: поднять благосостояние деревни, это значит—поднять, между прочим, и единоличное крестьянское хозяйство.

Опасность здесь заключается в том, что *свободное* развитие крестьянского хозяйства (свободное от воздействия советской власти), неизбежно ведет к классовому расслоению деревни. Если государство своей хозяйственной политикой не сможет уменьшить темпа дифференциации, регулировать накопление на одном полюсе и задерживать разорение на другом, то перспективу врастания нашей деревни в социалистическое хозяйство можно считать потерянной.

За первые годы революции изменения в социальных группировках крестьянского населения шли в сторону увеличения середняцкой группы за счет постепенного сокращения зажиточной и бедняцкой групп. За последние годы наблюдается хозяйственный под'ем всех слоев деревни. Тем не менее рост отдельных групп происходит не совсем равномерно, темп роста зажиточной верхушки быстрее темпа роста остальных слоев деревни, хотя неудержимо-быстрого классового расслоения деревни и не имеется.

Замедление темпа и изменение характера дифференциации крестьянства тесно связано с совершенной в деревне аграрной революцией и нашей налоговой политикой. Однако, мер административного характера и проведения аграрной революции, в результате которой произошло уравнение землепользования, а в дальнейшем стала невозможна покупка земли, еще недостаточно для того, чтобы устранить возможность дальнейшего классового расслоения деревни в эпоху нэпа.

Для того, чтобы развитие частного, мелкобуржуазного крестьянского хозяйства направить в желательное для социалистического хозяйства русло, необходимо еще, кроме мер административного характера, постоянное экономическое воздействие государства и всего социалистического сектора нашего хозяйства на крестьянское хозяйство. Одним из главнейших аппаратов

такого воздействия и является кооперация, которая должна иметь перед собой две основные задачи:

1) обеспечение более равномерного накопления в различных группах крестьянских хозяйств путем помощи середняку и особенно бедняку;

2) обобществление отдельных производственных процессов в сельском хозяйстве, как переходная к коллективному производству стадия, и обобществление обмена.

Но каким же образом кооперация, обслуживающая, как мы видели выше, преимущественно нужды индивидуального крестьянского хозяйства и неимеющая возможности пока в достаточной степени организовать коллективные формы производства, сможет направить накопление в этом частном хозяйстве в определенное русло, придать этому накоплению необходимые общественные формы?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо вкратце рассмотреть вопрос о характере и способах накопления в крестьянском хозяйстве до революции и в настоящее время.

II.

Каковы характер и источники накопления в крестьянском хозяйстве, и куда направляется получаемый в нем чистый доход?

О характере накопления у зажиточных слоев деревни при капитализме В. И. Ленин писал следующее:

«Разложение крестьянства, развивая на счет среднего крестьянства его крайние группы, создает два новых типа сельского населения. Общий признак обоих типов—товарный, денежный характер хозяйства. Первый новый тип—сельская буржуазия или зажиточное крестьянство, сюда относятся самостоятельные хозяева, ведущие торговое земледелие во всех его разнообразных формах, затем владельцы торгово-промышленных заведений, хозяева торговых предприятий и т. д. Соединение торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями есть специфически свойственный *этому* крестьянству вид «соединения земледелия с промыслами». Из этого зажиточного крестьянства вырабатывается класс фермеров...

Свободные деньги, получаемые в виде чистого дохода этим крестьянством, обращаются или на торговые и ростовщические операции, так непомерно развитые в нашей деревне, либо при благоприятных условиях вкладываются в покупку земли, улучшение хозяйства и т. п. Одним словом, это—мелкие аграрии (Ленин, том III, стр. 132).

Следовательно, основными источниками накопления средств у зажиточных слоев довоенной деревни являются: торговля, ростовщичество, промышленные предприятия, связанные с сельским хозяйством и торговое земледелие. Для того, чтобы перечислить источники дохода всех слоев крестьянства, необходимо добавить всевозможные виды промыслов (в том числе и работа по найму) и доход от ведения собственного, хотя бы и неторгового, хозяйства. Свободные деньги в виде чистого дохода направляются по этим же каналам для дальнейшего накопления, так что мы можем установить всего семь каналов, по которым направляются накапливаемые средства при их хозяйственном использовании: торговля, ростовщичество, про-

мышленные и кустарные предприятия, покупка земли, аренда земли, наем рабочей силы и улучшение собственного хозяйства.

Для того, чтобы дать представление о роли различных источников накопления у разных слоев деревни, мы приводим ниже несколько цифровых данных из земско-статистических переписей по Воронежской губернии, относящихся, правда, к восьмидесятым и девятидесятым годам прошлого столетия, хотя эти данные не могут дать картины накопления в крестьянском хозяйстве непосредственно перед революцией.

Следующая таблица, составленная по данным бюджетных обследований крестьянских хозяйств Воронежской губ. за 1889 г., приводимым т. Лениным в его работе о развитии капитализма в России, дает представление об относительной роли отдельных источников накопления у различных слоев деревни.

В рублях на 1 хозяйство.

Группы хозяйств	Валовой доход от земледелия	Валовой денежный доход от земледелия	Валовой доход от промысл.	В том числе промышл. предприят.	Общий чистый доход
Безлошадные	57	6	59	—	9
Х-во с 1 гол. раб. скота	127	24	49	2	4
» » 2 » » »	287	54	108	14	50
» » 3 » » »	496	92	147	49	121
» » 4 » » »	698	134	248	35	41
» » 5 » » » и свыше	698	42	975	754	173

Мы видим, что главным источником денежных доходов, а следовательно, и чистого дохода, который может быть пущен в дальнейший хозяйственный оборот, у зажиточных слоев деревни явились «промыслы», т.-е. всевозможного вида торговля, промышленные заведения и т. п. Доход от промыслов в несколько раз превышает доходы остальных групп крестьянства. Относительное понижение денежности с.-х. дохода зажиточной группы отнюдь не свидетельствует о большей товарности хозяйства менее мощных слоев, а является результатом соединения земледелия с промыслами, столь сильно распространенного у верхушечных слоев крестьянства. Доход от «промысла» безлошадных совершенно отличается от соответствующего дохода зажиточных и составляет в большинстве случаев доход от работы по найму.

В земско-статистическом «Сборнике по 12 уездам Воронежской губ.», заключающем в себе материал, полученный от подворных переписей, производившихся в течение 1884—1891 гг., дается подробный перечень заработка от всех промыслов, в том числе и от торговли и промышленных заведений по 10 уездам губернии. Небезынтересно привести некоторые важнейшие категории этих «промыслов» и сумму заработка от них для того, чтобы выяснить относительный размер доходов от отдельных видов так называемых промыслов [1]).

[1]) «Сборник по 12 уездам Воронежской губ.», под редакцией Ф. Щербина, Воронеж, 1897 г.

Промыслы.	Доход в рублях	Промыслы.	Доход в рублях
Ростовщики	142.500	Молотильщики	86.400
Хлеботорговцы	109.716	Прочие	410.500
Лесоторговцы	80.393		
Лавочники	354.420	Итого от промышл. предпр.	1.771.000
Кабатчики	217.072		
Барышники	111.535	Всего от торговли и промышленности	3.692.239
Мясоторговцы	73.103		
Скототорговцы	360.000	От ремесла и кустарнич.	3.121.874
Прочие торговцы	473.000	От с.-х. промыслов (в том числе и наемн. труд)	6.110.175
Итого сумма заработка от торговли	1.921.239	Итого промыслы	12.924.288
Арендаторы	95.100		
Кирпичные заводчики	28.900	Денежный доход от сельск. хозяйства (валовой)	16.100.000
Хозяева маслоб. заводов	73.600		
Мельники	641.300		
Почтосодержатели	236.900	Итого доход от сельского х-ва и промыслов	29.024.288[1])
Хозяева кожев. заводов	178.300		
» винокур. »	20.000		

Мы здесь видим перечень различных видов крестьянской буржуазии, начиная от ростовщиков и кабатчиков и кончая владельцами винокуренных заводов. Их производство является производством ради прибыли.

Доход от торговли и промышленности составляет почти 10% всего денежного дохода населения 10 уездов Воронежской губ., при чем распределение этих доходов по группам хозяйств показывает, что 40% торгово-промышленного дохода, т.-е. около 1.5 м. р., падает на крестьян, имеющих 15 десятин земли и выше на хозяйство, т.-е. на крестьянскую буржуазию.

Если к доходам от промыслов прибавить и прочие доходы, то сумма *неземледельческих* доходов, поравняется с денежными доходами от сельского хозяйства, т.-е. в общем денежном доходе неземледельческие доходы составляют 50%. Необходимо отметить, что мы берем данные по Воронежской губернии, расположенной в Центральном Земледельческом районе, и что по ряду других районов России удельный вес неземледельческих доходов в общей доходности крестьянского хозяйства был гораздо выше, чем по Воронежской губернии.

Для характеристики относительного распределения накоплений по специальным группам населения приводим следующую таблицу, составленную по материалам вышеуказанного сборника (относящимся, как сказано, к 1884—1891 гг.). (См. таблицу на след. стр.).

Верхушка деревни в 7,5% всех хозяйств, сосредоточила у себя 26,1% всех денежных накоплений, произведенных в результате операций одного хозяйственного года. По денежными остатками еще не исчерпывается вся характеристика относительных размеров и характера накоплений по отдельным группам. Анализ денежных платежей, произведенных в течение года, по-

[1]) Весь денежный доход населения, включая и статью прочих доходов, составляет около 34 милл. руб.

Группы хозяйств по величине надела	Всего хозяйств в 9 уездах Ворон. губ.	%	Весь денежный приход в тыс. руб.	%	Денежные остатки к концу года в тыс. руб.	%
Безземельные	8.585	8,7	604	1,8	75	2,9
До 5 дес.	54.717	23,5	5.288	17,1	365	14,3
От 5 до 15 дес.	109.886	47,2	12.905	41,9	901	35,4
От 15 до 25 дес.	42.110	18,1	6.895	22,4	540	21,3
Свыше 25 дес.	17.581	7,5	5.162	16,8	663	26,1
Итого	232.879	100	30.854	100	2.544	100

казывает, что в отличие от маломощных и средних слоев зажиточные 34% всех денежных расходов направляли на платежи за аренду, наем рабочей силы и проч. производительные расходы.

Относительное использование накоплений по отдельным каналам значительно менялось по мере развития капитализма в сельском хозяйстве. Сначала эти накопления обращались в большей мере на торговлю и ростовщичество, потом по мере увеличения капиталов в сельском хозяйстве, уже в более поздней стадии развития капитализма они направлялись в промышленные предприятия и в торговое земледелие.

III.

Материалы бюджетных обследований нашего крестьянского хозяйства показывают, что как в способах накопления, так и в распределении накоплений по социальным группам населения современной деревни произошли коренные изменения по сравнению с теми способами и формами накопления, о которых говорилось в предыдущей главе.

Следующие вычисления, сделанные проф. Литошенко о денежном балансе крестьянских хозяйств СССР за 1924—25 год, дают представление о распределении накоплений по группам хозяйств [1]).

Группы хозяйств по посеву	Число хозяйств	%	Общая сумма ден. прихода в м. р.	%	Сумма остатков к концу года в м. р.	%
До 2 дес.	7.521	42,3	1.681,5	40,7	45,4	30,6
От 2—4 дес.	5.966	33,5	1.243,2	30,1	54,5	36,8
» 4—6 »	2.407	13,5	535,0	13,0	21,6	14,5
» 6—9 »	972	5,5	270,8	6,6	11,6	7,8
» 8—16 »	809	4,5	313,1	7,6	11,2	7,5
Св. 16 »	129	0,7	83,1	2,0	4,2	2,8
Итого	17.804	100	4.126,7	100	148,5	100

[1]) Проф. Литошенко, „Денежный баланс крестьянского хозяйства“, «Вестник Финансов» № 2 за 1926 г., стр. 70.

Приведенные вычисления охватывают 80% хозяйств СССР и хотя сделаны путем экстраполяции, а поэтому не могут считаться вполне точными, все же они достаточны для того, чтобы установить различие между довоенным и теперешним распределением денежных накоплений по группам: несмотря на то, что процент накопления в зажиточных хозяйствах выше процента этих хозяйств к общему их числу, что свидетельствует о более быстром темпе накопления у этой части крестьянства, удельный вес массы денежных остатков у верхних слоев деревни, по сравнению с приведенными выше довоенными, ничтожен.

Одной из причин незначительных размеров накоплений у зажиточных слоев деревни является также то обстоятельство, что они в значительной мере лишены тех основных источников накопления, о которых мы говорили в предыдущей главе.

В самом деле, доход от торговли и промышленности у двух верхних групп населения Воронежской губ. (см. последние 2 таблицы в предыдущей главе) достигал 1,5 млн. рублей в год, а сумма денежных остатков к концу года—1.203 тыс. рубл. Отсюда ясно, что если эти группы хозяйств лишатся, примерно, 85% своего торгово-промышленного дохода, то при прочих равных условиях их денежные накопления сведутся на-нет. В действительности, как увидим ниже, в той или иной степени это как раз и имеет место в настоящее время.

Чтобы установить, какие изменения произошли в источниках накопления в крестьянском хозяйстве, остановимся несколько на анализе крестьянского дохода. Нижеследующие данные по Воронежской губернии дают некоторый материал для сопоставления.

В %% ко всему валовому доходу[1]).

Группы хозяйств по посеву	Валовой доход от сельск. хоз.		Доход от промыслов. и торг.-пром. предпр.		В том числе от торг.-пром. предприятий		Проч. доходы	
	1887—1896 гг.	1924 г.	1887—1896 гг.	1924 г.	1887—1896 гг.	1924 г.	1887—1896 гг.	1924 г.
Без посева	13,8	1,6	80,2	94,4	—	—	6,0	4,0
До 2 дес.	45,1	68,6	42,7	23,9	2,9	—	12,2	7,5
От 2—4 д.	67,4	85,2	22,2	10,8	2,0	0,5	9,4	4,0
» 4—6 »	75,3	90,9	18,1	6,5	5,1	—	6,6	2,6
» 6—8 »	60,7	92,4	36,4	5,6	24,1	1,0	2,9	2,0
» 8—16 »	81,1	93,2	14,2	5,1	5,1	1,6	4,7	1,7
Св. 16 »	84,1	91,0	13,9	8,1	8,1	4,3	2,0	0,9

[1]) Составлена по данным, приводимым И. К. Вороновым в книге «Воронежские бюджетные исследования». Воронеж. 1926 г. Сведения даются за 1887—96 гг. по 280 и за 1924 год по 206 крестьянским бюджетам Воронежской губ.

Следует отметить, что абсолютные цифры, приводимые Вороновым, мало пригодны для анализа роста крестьянского дохода и тем более по отдельным группам, так как, во-первых, земско-статистические данные, собранные в течение целого десятилетия и разбитые на группы хозяйств в основном по надельной земле, подвергались переработке применительно к новой группировке хозяйств; во-вторых, по замечанию самого автора, произведена не совсем точная оценка дохода 1924 года по довоенным ценам; в-третьих, сред-

Таблица показывает, что в 1924 г. значительно повысилась доля земледельческих доходов в общей доходности всех групп крестьянских хозяйств за исключением беспосевных при соответственном понижении удельного веса доходов от промыслов и торгово-промышленных предприятий. Если до войны неземледельческие доходы играли большую роль в обеих крайних группах деревенского населения, при чем главным источником этой категории доходов у маломощных слоев являлись наемный труд и сдача земли в аренду, а у зажиточных слоев торговля, ростовщичество, всевозможные предприятия и т. п., то в настоящее время неземледельческие доходы, занимая почти довоенное место в доходности маломощных групп, сильно теряют свой удельный вес в доходности зажиточных слоев [1]).

Небезынтересно привести сравнительные данные о распределении по статьям денежного прихода крестьянского хозяйства [2]).

В %% на одно хозяйство Воронежской губ.

По данным	Продажа скота и птицы	Продажа продуктов полевод.	От личнопромыслов. заработка	От торг.-промышл. предприят.	От ремесла и кустарничества	От работы в чужом хозяйстве	Прочие доходы	Итого
Земско-стат. за 1884—1891 г.	15,6	28,1	16,6	11,8	9,8	6,5	11,6	100
Бюджетного обследования ЦСУ за 1924—1925 г.	27,8	23,7		24,8		5,6	18,1	100

Цифры показывают, что, в то время как приход от личных промыслов, торгово-промышленных предприятий и кустарно-промысловых заведений в 1884—91 гг. составлял 38,2% всего денежного прихода крестьянского хозяйства, в 1924—25 году на соответствующие статьи падает лишь 24,8% всего прихода. В денежном приходе от продажи с.-х. продукции (скота и продуктов полеводства) тоже разница на 7,8%, но в обратную сторону. Здесь следует отметить, что приведенные цифры не дают еще полной картины о всем приходе от отчуждения товарной части продуктов полеводства, т. к. в 1924—25 г. по Воронежской губернии 42% товарной части с.-х. продукции, отчуждалось в форме натурального обмена в уплату за работу. Следовательно, при повышении денежности обмена, процент денежного прихода от продажи продуктов с. х-ва должен повыситься и вместе с тем должна увеличиться разница между довоенным и теперешним приходом денег по этой статье.

Мы не будем подробно останавливаться на вопросе о том, какую роль в земледельческом доходе крестьянского хозяйства играет доход, получаемый от капиталистического ведения хозяйства (аренда земли, наем рабочих и т. д.), и укажем лишь на следующее. Количество работников по найму в сельском хозяйстве в 1913 году определяется в 3 млн. человек, в 1925—26 году в частнособственническом секторе сельского хозяйства СССР насчитывается всего наемных 1.430 тыс. чел., или 47,8% довоенного количества [1]). Между тем, сельское хозяйство к концу 1925—26 г. в основном (скот, посевная площадь) достигло довоенного уровня. Отсюда ясно, что довоенный уровень производства и относительное увеличение дохода от сельского хозяйства достигнуты при ином соотношении классовых сил в деревне, что до войны и революции, что рост земледельческих доходов у сельскохозяйственного населения вызван не развитием капиталистических форм сельскохозяйственного производства, а главным образом ростом и укреплением бедняцкого и середняцкого хозяйства.

IV.

В связи с изложенным в предыдущей главе можно поставить такого рода вопрос: может быть, падение роли неземледельческих доходов в общей доходности крестьянского хозяйства просто свидетельствует об уменьшении в стране с.-х. промыслов по сравнению с дореволюционным временем, и вместе с тем о сравнительной бедности нашего крестьянского хозяйства? Возможно, что общий под'ем сельского хозяйства, вызывая рост торговли, промыслов и предприятий по переработке с.-х. продуктов, возвратит в скором времени крестьянскому хозяйству в полной мере его прежние источники дохода? Если это так, то не может быть и речи об изменении характера и способов накопления в крестьянском хозяйстве.

Такое положение, действительно, было бы правильным, если бы в хозяйственной жизни деревни не появилась общественная сила, которой суждено играть неключительную роль в реорганизации нашего крестьянского хозяйства. Этой общественной силой является кооперация.

Какое же влияние оказывает кооперация на накопление в крестьянском хозяйстве?

ние по последней группе хозяйств (свыше 16 десятин) за 1924 г. выведены всего по 5 бюджетам, составляющим 2,4% всех рассматриваемых бюджетов, между тем, как за 1887—96 гг. по этой группе взяты данные по 36 бюджетам, или 15,7% всех бюджетов, в-четвертых, рубль 1887—96 гг. это не то, что рубль «довоенный», в-пятых, бюджетные данные, несмотря на все их достоинства, все же имеют большие недостатки—неустойчивость средних. Тем не менее мы их приводим, т. к. относительное значение дохода от торгово-промышленного дела и промыслов они могут характеризовать.

[1]) Об абсолютном повышении доходности нашего крестьянского хозяйства по сравнению с довоенным, а также об изменении источников дохода говорят следующие цифры по Вологодской губ.:

Период времени	Количество хозяйств	Доход в золот. руб. на 1 хоз.: От сел. хозяйст.	От леса и рыболовства	От промыслов	Всего
До войны	136	306,0	7,9	115,1	429,0
В 1922/23 году	67	367,3	38,8	47,0	453,1

(А. М. Большаков. «Современная деревня в цифрах», Ленинград, 1925 г.).

[2]) Составлено по данным упомянутого выше Воронежского земско-статистического сборника и проф. Литошенко: «Денежный баланс крестьянского хозяйства», «Вестник Финансов» № 2 за 1926 г.

[1]) «Контрольные цифры Госплана СССР на 1926—27 г.», изд. 1.

Совершенно очевидно, что, постепенно овладевая деревенской торговлей, забирая в свои руки предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства и кредитное дело, кооперация тем самым вносит коренное изменение в характер и способы накопления в первую очередь в верхушечных слоях крестьянских хозяйств. Поскольку кооперация завладевает частью основных источников неземледельческих доходов крестьянского населения (торговля, промышленные предприятия и кредит), она тем самым занимает и те основные каналы, по которым направлялись накапливаемые зажиточными слоями средства, оставляя для хозяйственного использования накоплений уже гораздо более узкий круг хозяйственных затрат.

Нет сомнения, что кооперация уже постепенно занимает позиции, которые служили опорным пунктом для укрепления экономической мощи зажиточных слоев дореволюционной деревни. Об этом свидетельствуют сравнительные данные о динамике частной и кооперативной торговли по сельской торговой сети СССР[1]).

Г о д ы	Обороты частн. торговли в милл. руб.	%%	Обороты коопер. торговли в милл. р.	%%
1922/23 г.	542,6	100	403	100
1923/24 »	554,0	102	753	187
1924/25 »	607,8	112	1.461	362
1925/26 »	1.162,1	214	2.076	515

Борьба двух начал за один из крупнейших источников накопления в этой таблице демонстрируется чрезвычайно ярко. Из этой борьбы победительницей выходит кооперация.

Сбыт продуктов по некоторым специальным с.-х. культурам в значительной мере из'ят из сферы деятельности частной торговли. Так, по данным Наркомторга, обобществленным сектором нашего хозяйства за 1925/26 год заготовлено 76,4% табака, 100% хлопка, 92,9% сахарной свеклы, 97,3% льна, 63,1% маслосемян, 51,6% пеньки[2]).

Сравнительных данных о кооперативных и частных предприятиях по переработке продуктов сельского хозяйства не имеется. Однако, необходимо отметить, что заводская переработка молочных продуктов в районах молочного хозяйства, а также переработка картофеля почти целиком производятся кооперацией. В значительной мере кооперировано даже мукомольное дело.

Более слабой является кредитная деятельность кооперации. Но и эта отрасль кооперативной работы довольно быстро развивается. Так, задолженность крестьянских хозяйств с.-х. кредитной кооперации (а через нее системе государств. кредита) на

1) Струмилин. «Судьбы частной торговли в СССР». «Плановое Хозяйство» № 9 за 1926 г.

2) См. ст. П. Александрова «Индустриализация СССР и проблема с.-х. сырья». «Большевик» № 1, 1927, стр. 41.

1 октября 1925 г. составляла 79 млн. рубл., на 1 октября 1926 г.—свыше 120 млн. рубл. Однако, эта сумма далеко еще не достигает довоенного остатка задолженности по осудам кооперативных учреждений мелкого кредита, исчисляемой на 1 января 1914 года в 516 млн. рубл.

Между прочим, на примере кредитной деятельности кооперации можно проследить влияние, оказываемое кооперацией на нивелировку социальных групп в деревне.

Распределение остатка задолженности крестьян с.-х. кредитной кооперации по соц. группам (на 1 окт. 1925 г.) 1)

Группы хозяйств	Архангельское о-во	Н.-Волжск. о-во	Башкирское о-во	Уральск. о-во	В среднем по 16 о-вам с.-х. кредита
Безлошадные	29,5	30,1	25,4	11,4	33,1
С 1 лош.	64,3	51,8	46,8	43,2	46,6
» 2 »	5,8	11,7	18,0	28,8	12,7
» 3 »	0,4	4,6	5,4	9,8	7,6
» 4 » и выше	—	1,8	4,4	6,8	
Итого	100	100	100	100	100

Данные по 16 обществам показывают, что беднота и маломощные хозяйства получают 79,7% всех кредитов. Результат такой деятельности с.-х. кредитной кооперации характеризуется очень ярко следующими цифрами, полученными в результате выборочного обследования 412 хозяйств в районе Средне-Волжского Общества с.-х. кредита, пользовавшихся кредитом:

Группы хозяйств	Было до получения кредита	Имелось на 1/IX—25 г.
Безлошади.	394	27
С 1 лош.	17	375
» 2 »	—	9
» 3 »	1	1
Итого	412	412

«Несмотря на чрезвычайную бедность хозяйств в отношении мертвого инвентаря (48% этих хозяйств не имеют никакого с.-х. инвентаря, а 39% имеют лишь один плуг), кредит оказывает большое влияние в отношении увеличения посевной площади в хозяйствах»[2]).

1) «Земля», № 4 за 1926 г., стр. 61. Данные по 16 о-вам с.-х. кредита взяты из отчета ЦСХБ за 1924/25 г. и представляют собой процентовку выданных в течение года кредитов.

2) «Отчет ЦСХБ за 1924/25 г.», стр. 88.

Следующая таблица дает яркое представление о том, какое влияние имеет система с.-х. кредита, низовым звеном которой является их кредитная кооперация, на те динамические процессы в нашем крестьянском хозяйстве, от которых зависит социальная структура деревни (взято по 380 тыс. хозяйств Вятской губернии).

Приобретено скота (лошадей безлошадными и коров бескоровными хозяйствами)[1].

Группа безлошадных		Группа бескоровных		% уменьшения	
Всего	Из них при участ. с.-х. кред. коопер.	Всего	Из них при участ. с.-х. кред. коопер.	Безлош.	Бескоровн.
8.360	7.776	14.820	9.100	2,2	4,9

93% из всех приобретенных безлошадными лошадей и 61% из приобретенных коров закупались посредством с.-х. кредитной кооперации. Таким образом, снижение процента безлошадных и бескоровных в Вятской губ. об'ясняется на 93% и 61% влиянием с.-х. кредитной кооперации. Думаем, что аналогичную картину можно наблюдать не только в Вятской губернии.

Совершенно ясно, что развитие кредитной деятельности кооперации по линии кредитования маломощных слоев крестьянства должно постепенно вытеснить из деревни ростовщичество— одну из худших форм эксплоатации крестьянского населения и один из хищнических источников накопления в крестьянских верхушках.

Безусловно, кооперации придется еще выдержать трудную борьбу до полного завоевания основных источников накопления от неземледельческого дохода у зажиточных слоев. Тем не менее уже к настоящему времени в этом отношении достигнуты огромные успехи.

Итак, по мере развития кооперативной торговли, кредита и с.-х. промышленности, из круга хозяйственных затрат, где могут быть вложены накапливаемые средства, постепенно изымаются особо махровые эксплоататорские каналы. Конечно, аренда земли, наем рабочей силы и улучшение своего хозяйства (па орудия производства и т. п.) остаются, но и аренда земли и наем рабочей силы не имеют перспективы совершенно свободного, неограниченного развития вследствие:

а) узаконения краткосрочности аренды земли;

б) помощи, оказываемой бедноте кооперацией и государством (кредит, об'единение и т. д.), в результате чего все возрастающая часть этого слоя крестьянства будет иметь возможность не попадать в кабалу;

в) постепенного уменьшения групп беспосевных и безлошадных. вследствие чего приостанавливается темп роста сельских

[1]) «Земля», 1926 г., № 4, стр. 27.

пролетариев, необходимых, как резервная армия, для капиталистического ведения земледелия[1]).

Приведенное в предыдущей главе сопоставление соотношения между количеством наемных рабочих в сельском хозяйстве и с.-х. продукцией до войны и в настоящее время показывает, что, несомненно, в экономике страны имеются силы, задерживающие темп роста наемного труда в сельском хозяйстве.

А раз это так, то из каналов, по которым могут быть использованы накопляемые средства, сравнительно свободными, менее ограниченными остаются затраты на улучшение собственного хозяйства, на его культурное развитие.

Следовательно, мероприятия государства по отношению к деревне, с одной стороны, и развитие кооперации—с другой, должны привести к тому, что накопления в крестьянском хозяйстве, его сбережения будут обращаться, главным образом, на культурно-техническое развитие трудового крестьянского хозяйства.

Поэтому, в отличие от довоенной эпохи, в наше время доходы от земледелия имеют и впредь будут иметь столь значительный удельный вес в общей доходности крестьянского хозяйства.

В заключение необходимо отметить, что мы остановились на тех отраслях хозяйственной деятельности кооперации, которые направлены на обслуживание частного крестьянского хозяйства и отчасти способствуют развитию этого хозяйства, во-первых, потому, что многие, говоря о социалистических задачах кооперации, указывают, главным образом, на ее роль в деле введения коллективных форм в сельском хозяйстве, а также в деле поднятия культурного и технического уровня нашего хозяйства, не давая прямого и ясного ответа на вопрос о роли кооперативной торговли (сбыт, снабжение, просто торговля потребтоварами) и кредита в *социалистическом строительстве в деревне*; во-вторых, потому, что эта деятельность вообще является основной формой хозяйственной работы нашей современной сельской кооперации.

[1]) Это положение чрезвычайно наглядно подтверждается следующими цифрами:

Количество населения Воронежской губ. (в тыс. душ).

Годы	В х-вах без посева	С посевом до 1 дес.	1—2 дес.	2—3 дес.	3—4 дес.	4—6 дес.	6—8 дес.	8—10 дес.	10—16 дес.	Св. 16 д.	Итого.
1924 . .	39,6	280,8	595,1	614,6	497,6	591,4	242,7	98,5	75,3	13,1	3.048,5
1925 . .	21,2	112,5	362,9	537,2	511,9	783,5	428,4	193,3	141,2	25,6	3.117,7

Несмотря на то, что в подсчете за 1925 г. взято больше хозяйств, все же в низших группах наблюдается значительное уменьшение населения (И. К. Воронов. «Расслоение деревни и коллективизация», стр. 81. Воронеж, 1925 г.).

Мы установили, что развитие потребительской, сбытово-снабженческой и кредитной кооперации вносит коренные изменения в характер и способы накопления в крестьянском хозяйстве, направляя крестьянские сбережения вместо спекуляции, ростовщичества и эксплоатации, этих азиатских способов накопления, на культурное ведение собственного хозяйства. А это обеспечивает хозяйственный рост всех слоев крестьянства одновременно и, следовательно, задерживает обнищание и пролетаризацию деревни. .

Если же при содействии кооперации может быть обеспечен рост одновременно всех слоев крестьянства и тем самым устранена возможность возрастания темпа классового расслоения деревни, то за время, необходимое для индустриализации нашей страны до уровня, вполне обеспечивающего подведение технической базы для введения коллективных форм в нашем земледелии,—за это время не может произойти существенных отрицательных изменений в перспективах строительства социализма в сельском хозяйстве.

Вот почему мы должны признать, что и развитие кооперативной торговли и кредита является мощным противоядием для капиталистических тенденций в крестьянском хозяйстве и орудием приобщения крестьянского хозяйства к социалистическому строительству.

Ю. Литвин.

Вовлечение рабочих в кооперацию.

1. Общая кооперативная организованность в городе.

Одновременно с развертыванием социалистической промышленности и строительства и количественным ростом рабочего класса растет и число кооперированных рабочих и трудовых масс города.

1925 год дал рабоче-потребительской кооперации (рабочей и транспортной) свыше 800.000 новых членов. Первая половина 1926 г. дала около полмиллиона новых членов (490.000). За полтора года вся система рабочей кооперации увеличила количество своих членов на 1.300.000 чел., или на 40, примерно, процентов. Общее количество членов рабоче-потребительской системы достигает к середине 1926 г. цифры в 5 миллионов.

Эти данные наглядно отражают значительный размах процесса кооперирования рабочего класса.

Каков же охват кооперацией рабочих и других трудовых масс города? Как велика кооперативная организованность рабочего класса? Каков процент его кооперирования?

Сравнительные данные кооперативной и профессиональной организованности говорят о следующем [1]).

Если из общего числа профессионально-организованных исключить ту его часть, которая приходится на деревню и которая не входит в сферу влияния рабочей кооперации, и одновременно из числа кооперированных исключить некоторое, хотя и незначительное, количество профессионально-неорганизованных, то получим, что кооперацией охвачено приблизительно—60—65% членов профсоюзов [2]).

Если принять во внимание, что профсоюзы охватывают только около 90% рабочих и служащих, то процент кооперированности будет несколько ниже вышеуказанного.

В отношении отдельных профсоюзов мы имеем по 140 организациям такую картину:

Профсоюзы	% кооперированности Окт. 1925 г.	Апр. 1926 г.
Горняки	74,3	65,9
Металлисты	67,7	66,2
Текстильщики	65,3	66,5
Химики	58,2	58,3
Строители	20,1	25,3
Сахарники	65,4	58,2
Рабземлес	31,8	33,5
Нар. питания	20,4	20,7

[1]) Цифры везде округленные.

[2]) По последним данным Центросоюза, % кооперированности членов профсоюзов представляется в след. виде: окт. 24 г.—64,6; апр. 26 г.—63,1; окт. 26 г.—63,9.

Процесс кооперативной организованности рабочего класса отстает как от его количественного роста, так и от роста его профессиональной организованности.

Проц. кооперативной организованности профессионально-организованных, хотя в незначительной степени, но все же падает.

При значительном абсолютном росте числа кооперированных—около половины всего числа рабочих и служащих остается все еще вне кооперации.

В наибольшей степени кооперативно организован индустриальный пролетариат и в гораздо меньшей степени—неиндустриальный пролетариат.

Условие, необходимое для обеспечения успеха работы по кооперированию рабочих и неорганизованных трудовых масс—это строгий учет особенностей и специфических черт каждого из указанных слоев и дифференцирование работы по кооперированию на основе этого учета.

2. Кооперирование индустриального пролетариата.

Средний процент кооперативной организованности индустриального пролетариата значительно выше среднего процента кооперированности организованных городских масс по всей системе. Подтвердим это несколькими иллюстрациями. При средней кооперативной организованности рабочего класса по системе приблизительно в 60% по отношению к числу организованных в профсоюзы (октябрь 1925 г.), мы имели: по 22 крупнейшим организациям металлической промышленности—64,2% организованных в кооперации рабочих; по 13 организациям текстильной промышленности—70,3%, по 10 организациям горняков—89,8%. Процент организованности железнодорожников достигает 75.

Среди самого индустриального пролетариата процент кооперативной организованности не одинаков: он ниже в средней и мелкой промышленности, чем в крупной. Об'ясняется это двумя причинами. Первая: предприятия крупной промышленности имеют, как правило, свои собственные кооперативные организации (лав. комиссии, кооп. комиссии, группы уполном. и т. д.), однородные по составу и характеру своей работы, проводящие работу по кооперированию непосредственно на предприятии. Между тем. предприятия средней и мелкой промышленности об'единяются преимущественно смешанными кооперативными организациями. лишенными компактного низового кооперативного актива, что, несомненно, затрудняет процесс кооперирования.

Вторая причина заключается в том, что до сих пор недостаточное внимание уделяется кооперированию рабочих средней и мелкой промышленности. Значительно слабее, вследствие этого, ведется организационная работа по кооперированию на этих предприятиях.

Неравномерность кооперирования индустриального пролетариата проявляется не только в различном охвате кооперацией рабочих крупной, средней и мелкой промышленности. Она проявляется, главным образом, в различном охвате различных прослоек внутри индустриальных рабочих.

На отдельных примерах можно охарактеризовать различную кооперированность различных прослоек индустриального пролетариата.

Прежде всего, насколько охватываются кооперацией вновь вливающиеся в производство рабочие?

Возьмем Москву. За 9 мес. 1925 г. (январь—октябрь) количество рабочих и служащих возросло (без железнодорожников) на 100 с лишним тысяч чел., а кооперировано за этот же промежуток времени всего несколько меньше 20.000 человек.

Возьмем транспортную кооперацию. За второе полугодие 1925 г. на железнодорожный транспорт по Союзу прибыло, приблизительно, 94.000 новых постоянных рабочих, а число кооперированных транспортников за этот же промежуток увеличилось всего на 32.000 чел.[1]).

Эти две иллюстрации в основном правильно отражают реальную картину кооперирования новых слоев индустриального пролетариата.

Основную массу некооперированных рабочих в социалистической промышленности составляют новые слои рабочих в ней.

Далее, вне кооперации остается еще и значительная часть кадрового состава рабочего класса. Кооперация не поспевает охватить не только новые слои рабочих, вливающиеся в промышленность—она не успела еще организовать и значительные группы старых кадров рабочих.

Такое положение выдвигает двухстороннюю задачу в деле кооперирования индустриального пролетариата. Необходимо сосредоточить усиленное внимание на вовлечении в кооперацию новых слоев рабочих. Необходимо, на ряду с этим, на все 100% охватить кооперацией кадровый состав индустриального пролетариата.

Главнейшими причинами некооперированности значительной части кадровых рабочих и слабого темпа вовлечения в кооперацию новых слоев рабочих являются:

а) недостаточная материальная заинтересованность рабочих в кооперации. Это относится ко всей массе рабочих;

б) слабость кооперативно-общественной работы кооперации. что особенно задерживает вовлечение в кооперацию тех групп рабочих, преимущественно кадровых, которые ищут в кооперации приложения своей растущей общественной энергии;

в) недостатки путей и методов, при помощи которых рабочие вовлекаются в кооперацию.

Материальная заинтересованность рабочих в кооперации является основной, наиболее реальной базой для их кооперирования.

Каково же конкретное содержание метода материальной заинтересованности? Ощущает ли действительно некооперированный рабочий сколько-нибудь существенную материальную разницу между собой, некооперированным, и своим соседом, членом кооперации? Есть ли водораздел между ними?

Если не считать практикующегося в большинстве кооперативных организаций распределения между своими пайщиками части прибылей в виде дивиденда на их забор в кооперативной

[1]) На деле, степень охвата кооперацией новых рабочих будет еще ниже, так как в приведенные данные входят значительные группы до того не кооперированных старых кадровых рабочих.

лавке товаров и продуктов,—других, сколько-нибудь действенных, материальных стимулов почти не существует. В повседневном своем быту некооперированный рабочий почти не ощущает силы и преимущества кооперативной книжки на руках соседа-пайщика.

Естественно, что на такой узкой базе материальной заинтересованности серьезно двинуть дело массового вовлечения рабочего класса в кооперацию нельзя. А база эта узка, во-первых, потому, что невелико, в условиях соревнования кооперации с частным торговым капиталом, само кооперативное накопление. Нереальна, во-вторых, эта база там, где кооперация очень часто еще работает убыточно. Не достигает она, в-третьих, цели—стимулировать массовое кооперирование—и потому, что рабочего привлекает не столько перспектива получения кооперативной прибыли, сколько возможность приобретать необходимый ему товар в своем кооперативе не только дешевле, чем у частника, но и дешевле и доброкачественнее и в более полном об'еме, чем получает его некооперированный.

Вопрос *цен*—коренной вопрос успешной работы кооперации. Дешевые кооперативные цены означают успешную борьбу с частным рынком, успешную борьбу за рабочего-потребителя, за сохранение его реальной заработной платы и, вместе с тем, успешное вовлечение рабочих в кооперацию. Дешевые кооперативные цены, при одновременной доброкачественности товаров,—наиболее действенный стимул в деле кооперирования рабочих. Помимо дешевых цен, всемерного улучшения ассортимента и качества, реальным дополнительным стимулом в деле вовлечения рабочих в кооперацию является преимущественный, а в отдельных случаях исключительный, отпуск недостаточных товаров только членам кооператива.

На примере отдельных кооп. организаций можно проследить насколько применение реальных и более совершенных, интересующих широкие массы в каждый данный период стимулов материальной заинтересованности способствует усилению процесса кооперирования.

Смоленский ЦРК долго практиковал общепринятый стимул материальной заинтересованности—выдачу в конце хозяйственного года дивиденда на забор товаров в кооперативе. Но пайщики оказались равнодушными к этому единственному материальному стимулу. Тогда ЦРК стал на путь бронирования недостающих товаров исключительно для пайщиков. В результате: количество пайщиков за год возросло с 4.587 до 10.962, т.-е. почти в два с лишним раза.

Вторая еще более яркая иллюстрация. При среднем, в течение года, месячном притоке новых членов в *Астраханский* ЦРК в 200 чел., два-три месяца дали сразу около 3 тыс. новых членов. Произошло это потому, что ЦРК бронировал в эти месяцы недостающие товары и продукты и отпускал их по твердым ценам только пайщикам.

Надо, однако, иметь в виду, что членство на основе такого материального стимула может оказаться неустойчивым, пассивным, временным, если кооперация не сумеет закрепить его рядом организационных (усиленная связь с новыми пайщиками, частая отчетность и т. д.).

На базе всестороннего изучения в каждой отдельной организации наиболее действенных и реальных стимулов заинтересованности надо заняться выявлением и других причин, мешающих кооперированию рабочих.

Интересный опыт в этом направлении проделал *Тульский* рабочий кооператив при помощи профорганизации.

К некооперированным рабочим (и служащим) была обращена анкета с соответствующим обращением кооперативной и проф. организаций. Ответ дали 1.221 чел.

Ответы были даны следующие.

Почему не вступают в члены кооп.

Причины.	Рабоч.	Служ.	Всего	% к итогу
1. Отсутствие денег	310	257	567	47
2. В семье есть члены кооперат.	199	204	403	33,4
3. Обещают вступить	78	43	121	10,0
4. Не желают	17	9	26	2,2
5. Отсутствие заинтересованности	19	4	23	1,9
6. Разн. условия отпуска товаров членам и нечленам	13	6	19	1,6
7. Состоят чл. друг. коопер.	3	17	20	1,6
8. Не постоянно живут в гор.	7	—	7	0,7
9. Скрытые причины	17	3	20	1,6
Всего	657	550	1.207	100

Общий вывод из мероприятий Тульского кооператива можно свести к следующему: некооперированные рабочие крайне слабо, а многие совсем не знают действительных материальных выгод от кооперации, не информированы о тех широких льготах по внесению пая, которые кооператив предоставляет вступающим.

В то же самое время, почти все опрошенные указывают, что они *75% своего потребительского бюджета реализуют через кооператив*. А кооператив, фактически обслуживая и этих некооперированных рабочих, не смог охватить их своим общественным воздействием и раз'яснить, что «отсутствие денег», на что указывает около половины опрошенных, не может служить препятствием ко вступлению в члены кооператива.

Таким образом, кооперативы страдают еще в достаточной мере недостаточной связью, при наличии коопер. актива, с некооперированными массами.

Однако, в условиях возросшей общественной активности рабочего класса одного стимула материальной заинтересованности недостаточно. Рабочий желает видеть в кооперации средство для под'ема не только своего материального, но и культурно-общественного уровня. Большую, следовательно, роль в деле вовлечения рабочих в кооперацию играет также и общественная ее работа.

Преобладание узкого торгово-хозяйственного уклона в работе большинства наших рабочих кооперативов, слабое развитие общественных элементов в их деятельности не может способствовать действительному закреплению уже кооперированных рабочих в

рядах кооперативной организации и, в то же время, неспособно подготовить, заинтересовать и вовлечь в свои ряды основную массу рабочих, стоящих еще вне кооперации.

Здесь, прежде всего, мы упираемся в *содержание* кооперативной массовой работы. Коренной недостаток этой работы заключается в том, что она сплошь и рядом недостаточно увязана с запросами и интересами масс.

Практикуются, как правило, длинные, казенные, парадные доклады, изобилующие общими местами, далекие от того, что интересует широкие массы. Мы часто наблюдаем, как по таким докладам и лекциям задается рабочими огромное количество вопросов «не по существу». Получается, таким образом, *разрыв* между тем, что преподносится рабочим, и тем, что их интересует и волнует.

То же мы наблюдаем и в отношении других видов общественной работы. Взять хотя бы экскурсии, выставки и др. виды наглядного ознакомления рабочих с работой своего кооператива. В большинстве случаев они ни в какой мере не связаны с задачей систематического ознакомления рабочих масс с данной частью работы кооперации, с определенным жизненным кооперативным вопросом. Они являются, в большинстве случаев, случайными, налетными и притом плохо организованными и остаются порой в массе непонятными, ненужными, лишними.

Рабочие кооперативы еще не подошли вплотную к рабочему, как общественная организация, которая должна и в состоянии будет охватить своим воздействием всю рабочую массу, подвести ее к действительному управлению и контролю на основе учета жизненных, «мелочных», конкретных в каждый отдельный период нужд рабочей массы в целом и отдельных ее групп, крепко зацепиться за эти нужды, сделав их базой для своей торгово-хозяйственной работы и, вместе с тем, исходным пунктом, развития общественной работы и вовлечения в нее широких рабочих масс.

Необходимо, следовательно, общественную работу в кооперации проводить так, чтобы она наиболее тесно была увязана с запросами и нуждами рабочих и приспособлена к материальному, культурному и производственному уровню масс.

Необходимо во всей этой работе взять курс на конкретность. Необходимо исходить в ней из конкретной работы и деятельности той или иной кооперативной организации. Необходимо, наконец, систематически освещать в печати работу кооперации с точки зрения обслуживания потребностей масс.

Общности и неконкретности содержания кооперативной работы соответствует *несовершенство ее форм*.

Обычными формами являются—общие собрания рабочих, на которых освещаются отдельные кооперативные вопросы или ставятся отчеты кооп. организ., при чем сплошь да рядом эти вопросы вклиниваются в общий порядок дня собрания, а нередко ставятся одними из последних, когда активность рабочих уже потрачена на других вопросах. Этими собраниями кооперация формально связывается с широкими массами рабочих, по существу же, эта связь в очень слабой степени способствует поднятию кооп. активности рабочих и вовлечению их в работу кооператива. Кроме того, кооперативы, как правило, не принимают участия в организации общих собраний, в заблаговременном извещении рабочих, а перед отчетами в своевременном предварительном ознакомлении с основными моментами своей деятельности, вследствие чего значительные группы рабочих остаются за бортом таких собраний. Но основной недостаток общих собраний заключается в том, что их проведение не увязывается с задачей вовлечения рабочих в кооперацию. Общие собрания слабо дополняются такими формами работы (индивидуальн. агитация, вопросы и ответы, групповые беседы с рабочими), которые всячески содействовали бы делу кооперирования и вербовки новых членов, которые позволили бы более близко подойти к отдельному рабочему или отдельным группам рабочих.

Итак, серьезно провести работу по вовлечению *всего* рабочего класса в кооперацию одним только стимулом материальной заинтересованности, без одновременного развития кооп. общественной работы нельзя. Нельзя ограничиться, хотя бы хорошо развитой, агитационной работой без практического ознакомления (на экскурсиях, выставках, вечерах вопросов и ответов) рабочих масс с жизненными, волнующими их кооперативными вопросами, без всестороннего ознакомления с характером и состоянием работы данного кооператива, членами которого этих рабочих хотят вовлечь.

Но, увязывая в работе по вовлечению различные методы и формы, необходимо всегда иметь в виду различие уровня различных слоев и групп рабочей массы, разнородность их запросов и интересов и сообразно с этим *дифференцировать* пути и методы вовлечения.

Серьезный момент в деле кооперирования представляет самый *характер* этой работы. Ударность—здесь явление до сих пор нередкое. Эти кампании часто поглощают огромные силы и средства, не всегда дающие соответствующие им результаты. В то же время, часто отсутствует систематическая, повседневная кропотливая работа по кооперированию. Опыт же показывает, что даже наиболее организованно и широко проводимые кампании, не опирающиеся на постановку нормального и систематического вовлечения, не дают тех результатов, какие получаются при организации повседневной работы по кооперированию.

Систематическая же работа по вовлечению возможна лишь при условии *использования для этого всех активных кооперированных рабочих*. На каждом предприятии таких рабочих, выборных и невыборных, связанных с кооп. органами, интересующихся кооперацией, имеются значительные группы.

Этот кооперативный актив недостаточно используется в деле кооперирования, в деле лучшего проведения задач, стоящих перед кооперацией (напр., *снижение* цен).

А, вместе с тем, он может и должен являться опорой, основной опорой кооперативных органов. В особенности его действительное и полное использование необходимо теперь, когда ставится вопрос об углублении работы по кооперированию, об усилении работы над отдельным рабочим или отдельной группой однородных рабочих. Успешность дальнейшего вовлечения рабочих в кооперацию можно уже ныне поставить (конечно, на основе ее хоз. работы) в прямую зависимость от того, насколько кооперативные органы действительно опираются в своей работе *на широкий рабочий кооп. актив на предприятии* (уполномоч., организатор. комиссии и т. д.) и насколько крепка связь актива с коопера-

тивным органом, с одной стороны, и с широкими рабочими массами, с другой. С этим тесно связан вопрос о *технике кооперирования* (запись, уплата взноса, получение членских книжек и т. д.).

Сама техника кооперирования должна быть упрощена, приближена к рабочим.

3. Кооперирование неиндустриального пролетариата.

Данные ряда организаций, в том числе и таких, которые достигли крупных успехов в деле кооперирования за последний год, свидетельствуют о том, что в огромном своем большинстве этот слой пролетариата остается вне кооперации.

Основная причина слабой кооперированности этого слоя рабочего класса заключается в распыленности, общей отсталости, слабой материальной обеспеченности этого слоя, в крайней незначительности в нем более передовых, активных кадров.

Эта об'ективная причина, в свою очередь, усугублена отсутствием со стороны кооперативных и проф. организаций соответствующих усилий и мероприятий для кооперирования этого слоя.

Для кооперирования неиндустриальных рабочих особых приемов и методов не потребуется. Речь идет лишь о приспособлении общих приемов в деле кооперирования к отличным от индустриального пролетариата специфическим условиям жизни и быта этого слоя рабочих.

По отношению к этим слоям рабочих необходимо практиковать наиболее доступные и простые формы связи (индивидуальная вербовка, вечера вопросов и ответов, групповые беседы) и наиболее доступные методы вовлечения (разбор отдельных, наиболее волнующих массы вопросов, раз'яснения по отдельным практическим вопросам и т. д.).

Исключительное значение во всем содержании работы по вовлечению неиндустриальных рабочих в кооперацию имеют моменты *материальной заинтересованности*, как наиболее важные для этой массы рабочих. При этом, необходимо также учитывать, что у большинства этого слоя рабочих (строители, сахарники, рабземлес) интересы городские, в том числе и заинтересованность в кооперативе, тесно сочетаются с интересами под'ема своего крестьянского хозяйства. Правильное применение к этим слоям рабочих соответствующих стимулов материальной заинтересованности, на основе всестороннего их изучения, открывает наиболее реальный и верный путь к вовлечению их в кооперацию.

Распыленность неиндустриального пролетариата ставит остро вопрос о путях его кооперативного охвата. Для приближения всего процесса вовлечения к распыленным массам необходимы особые организационные мероприятия и технические упрощения. Отдельные организации начинают практиковать систематическую связь с группами этих распыленных рабочих через посылку представителей кооперации к месту работы той или иной группы рабочих, путем увязки и совместных действий органов рабочей кооперации с профорганизациями.

Необходимо развивать эти мероприятия по всей системе.

Необходимо также добиться выявления активных в этом слое рабочих-пайщиков, приближать их к работе кооп. органов и через них расширять работу по кооперированию.

Таким образом, в результате более резкого подчеркивания моментов материальной заинтересованности, применения более доступных методов кооперирования, проведения специальных организационных мероприятий, создания в этом слое постоянного актива, мы должны в ближайший период добиться перелома в деле кооперирования неиндустриального пролетариата.

4. Кооперирование неорганизованного трудового населения.

Данные по ряду организаций свидетельствуют о том, что *к кооперированию неорганизованных трудовых масс кооперативные организации еще не подошли.*

В *Свердловске* на 1.511 кустарей в городе кооперировано 122. Домашних хозяек числится в кооперации всего 140.

В *Ив.-Вознесенске* на 18.000 пайщиков числится 98 прочих, т.-е. кустарей, домашних хозяек и т. д.

В *Туле* на 26.000 членов кооперации—107 кустарей. И т. д.

Эти иллюстрации в основном отражают общую картину по всей системе в отношении вовлечения в кооперацию неорганизованных масс города.

Основная трудность кооперирования неорганизованных трудящихся заключается, помимо распыленности и общей отсталости этих масс, также в том, что они не находятся под постоянным общественным воздействием пролетариата, оторваны от него.

Об'ективные трудности усиливаются еще пассивным отношением большинства кооперативных организаций к делу кооперирования этих слоев. На местах мы встречаемся даже иногда и с сопротивлением. В *Белоруссии*, напр., где эти неорганизованные массы составляют огромную часть трудового населения, кооперация, под влиянием и воздействием местных профорганизаций, совершенно закрыла одно время свои двери для всех слоев населения, кроме членов профсоюзов. При чем под такую линию подводится идейное соображение «необходимости сохранения классовой чистоты рабочей кооперации».

Конечно, Белорусский пример является исключением в системе, но Свердловские, Ив.-Вознесенские и Тульские данные, несомненно, характерны для всей системы.

Первый вывод, который необходимо сделать из приведенных данных и фактов,—необходимо создать активное отношение и кооперативных, и профорганизаций к делу массового вовлечения в кооперацию неорганизованного трудового населения.

В отношении же основной группы неорганизованного населения—домашних хозяек—есть еще, помимо указанных выше, и добавочная трудность. Она заключается в том, что до сих пор не созданы еще действительные побудительные стимулы для кооперирования *вторых членов рабочей семьи.*

Опыт отдельных организаций, однако, показывает, что, несмотря на трудность вовлечения этих масс, все же проведение специальных мероприятий дает соответствующие результаты.

Так, *Сталинградский* ЦРК предоставляет женам рабочих права полных пайщиков за их вступительный взнос (50 к.), при условиях: а) доплаты пая с премии на забор и б) наличия в данной семье одного полного пайщика. В результате—136 новых членов-домохозяек за короткий период.

Отдельные организации расширяют рамки материальной заинтересованности для жен рабочих, привлекая последних к участию в определении ассортимента товаров и т. д. В других организациях пайщицам, домашним хозяйкам, предоставляются привилегии в деле приема их детей в ясли и т. д.

На основе более близкого со стороны кооперации подхода к бытовым нуждам этих масс, начинают кое-где применяться и соответствующие формы организационного охвата их кооперацией.

На опыте отдельных организаций мы убеждаемся, насколько в условиях растущей активности этих масс необходимо применение соответствующих новых организационных мероприятий.

В *Москве* и *Ростове-на-Дону* выявились, и опытом оправдались, такие новые формы вовлечения в кооперацию неорганизованных масс. Из состава активных кооперированных домашних хозяек создаются группы специальных *вербовщиц*. Эти вербовщицы проводят работу по вербовке новых членов, главным образом, по жилтовариществам, обходя дома своего квартала. Таким путем, через наиболее активных пайщиц, кооперативные организации связываются с широкой массой некооперированных домашних хозяек. Эти активные пайщицы успешно проводят индивидуальную вербовку, на основе общности интересов тех и других, на основе близкого подхода к нуждам и потребностям этих масс.

В результате такой работы, в Ростове, напр., завербовано за год активом домашних хозяек около 3.000 новых членов, причем показательно, что одна из таких вербовщиц, наиболее активная, вовлекла за этот год в кооперацию 400 домашних хозяек.

Этот опыт свидетельствует о возможности преодолевания трудностей в деле вовлечения неорганизованных масс в кооперацию, при условии умелой постановки организационной работы на базе более широких, чем обычно применяющиеся, материальных стимулов. Необходимо более решительно применять эти методы по всей системе.

Надо, следовательно, на ряду с систематическим повышением материального участия в кооперации всего кооперированного населения усилить внимание и проводить мероприятия по увеличению размеров паевых взносов со стороны неиндустриальных рабочих и неорганизованных слоев кооперированных. Надо наиболее быстрым темпом подогнать материальное участие отставших слоев к средним паевым нормам в данной кооперативной организации.

Степанов.

Автономистское движение в Эльзас-Лотарингии.

Значение движения.

Еще не так давно национальный вопрос в Эльзас-Лотарингии представлял собой лишь идеологическое движение, волновавшее и увлекавшее за собою лишь незначительные круги интеллигентов и журналистов или лиц, носившихся с идеями германского национализма. Это, однако, скоро изменилось как по своей форме, так и по существу. В последнее время можно наблюдать новый мощный под'ем интереса населения Эльзас-Лотарингии к национальному вопросу. Появилось большое автономистское движение, и это движение, по мере своего развития, последовательно вовлекает различные слои населения и создает новые группировки, отодвигая одни слои населения на задний план в то время, как другие начинают играть первенствующую роль. Это движение, бывшее вначале лишь идеологической пропагандой, стало теперь делом широких народных масс. Чисто национальные требования и цели тесно сплелись с классовыми социально-политическими требованиями и целями. Национальная проблема и требования автономии или национальной независимости неизбежно направляются по классовому руслу. Они находят прочную и естественную социально-политическую основу благодаря тому, что они отвечают интересам пролетариата и мелкой буржуазии и направлены против крупного французского капитала, против французского государства и его политики, задавшейся целью насильно навязать населению Эльзас-Лотарингии французский язык и культуру. Это именно обстоятельство и делает автономистское движение Эльзас-Лотарингии устойчивым и придает ему остроту. И с этой же точки зрения это движение и становится особенно интересным. Тем более интересным, что национальный вопрос является в большей или меньшей степени таким же актуальным и во всех других капиталистических странах Европы, в которых имеются национальные меньшинства. Возможно, что этим наносится новый удар относительной «стабилизации» капитализма, являющейся колеблющейся и временной. Рост движения, наблюдающийся сейчас среди нацменьшинств во Франции, Польше, Чехо-Словакии, Венгрии, Юго-Славии, Италии и других, является верным показателем возникновения совместного движения мелкой буржуазии и пролетариата против крупного капитализма и государства-угнетателя. Нет сомнения, что это движение способно содействовать созданию революционной атмосферы в среде народных масс. С этой точки зрения автоно-

мистское движение в Эльзас-Лотарингии представляет собой не только симптом ухудшения положения во Франции, но и показатель начала обширных народных движений.

Сделав эти предварительные замечания, постараемся теперь ближе рассмотреть эльзасский вопрос.

«Дезанненсия» Эльзас-Лотарингии и раздел добычи.

Территория Эльзас-Лотарингии была снова присоединена к «французской республике», но заводы и металлургические рудники были приобретены комитетом крупной горной промышленности. Прочие отрасли промышленности и естественные богатства, доступные промышленной эксплоатации, перешли в руки крупных французских капиталистов. Одни лишь крупные металлургические предприятия области Мозеля оценены были в 1919 г. приблизительно в 8 миллиардов (Уканж—600 млн., Кнутапж—2.000 млн., Ромба—2.200 млн., Тинвиль—500 млн., Агоданж—1.800 млн.). Группы, представленные в комитете горной промышленности, получили все эти предприятия за сумму менее 500 миллионов. Как известно, эти немецкие предприятия находились в 1919 г. под контролем специальных агентов, наложивших на них конфискацию от имени французского правительства.

Все это время члены комитета спорили между собой, стремясь найти «формулу» для раздела добычи. В конце 1919 г. они, наконец, пришли к соглашению и создали пять групп. В январе 1920 г. государство передало этим пяти группам всю металлургическую промышленность, отнятую у германцев. Пользуясь защитой и покровительством государства и пуская в ход при «патриотическом» содействии агентов по конфискации и членов французских военных комиссий, все роды шантажа, угроз и давления, эти представители комитета крупной горной промышленности превратились вдруг за ничтожную сумму во владельцев огромного богатства, ценность которого достигает 15—20 миллиардов.

Мы не будем здесь касаться «частных покупок», сделанных некоторыми крупными французскими капиталистами у немецких промышленников, владения которых не были занесены в список, или же не находились в области, где производилась конфискация. Сумма, равная, приблизительно, 500 миллионам, которую эти пять групп комитета должны были внести государству за приобретенную собственность, не была даже целиком уплачена, несмотря на то, что она даже впоследствии была пересмотрена и понижена. В конце 1922 г. на собрании акционеров сталелитейных предприятий Кнутапж (группа Креэо) Евгений Шнейдер официально заявил:

«Итак, мы не в состоянии сейчас сполна заплатить за приобретенные нами металлургические предприятия и шахты. По соглашению с компаниями Ромба (группа Омекур) и Агоданж (союз потребителей), мы обратились к властям с просьбой пересмотреть условия платежа и понизить покупательную сумму».

Не было сомнения, что эта просьба должна была быть услышана: разве в правительстве не находились Франсуа Марсал и Лушер, которые должны были пустить в ход все средства для того, чтобы подобные операции увенчались успехом?

Эти пять групп, которые завладели промышленностью, отнятой у германцев, не заплативши даже полностью обусловленных 500 миллионов, почувствовали теперь нужду в кругленькой сумме 1.500 миллионов франков для «покупки», восстановления и пуска в ход предприятия, для нужд эксплоатации и оборота. Эту сумму (в деньгах, акциях и облигациях) пять групп смогли получить лишь в крупных банках, главным образом, в банке Унион Паризьен, в Лионском кредите и Парижском — Нидерландском банке.

Кто были эти пять групп?

1) Группа Шнейдер-Вендель приобрела за 110 миллионов заводы и шахты германской фирмы Аунец Фриден, совместно с бельгийскими группами об'единенных сталелитейных заводов Бурбах-Ейх-Дуделанг и горным обществом Терр Руж, эта группа вступила во владение предприятий германского общества в Гельзенкирхене (Кирдорф). Группе Шнейдер-Вендель нужно было получить 370 миллионов.

2) Группа Омекур (Теодор Лоран, Кавалье, Андре Франсуа Понсе, Ксавье Рей и др.) должна была срочно раздобыть 462 миллиона.

3) Группа Дре (Лонгви) в обществе с фирмой Жиро-Люшер (приобретшая заводы прежнего консорциума Рехлинг за 33 миллиона) нуждалась в 56 миллионах.

4) Группа Жюль Бернар и братья Бессоно (т.-е. Парижский Нидерландский банк) завладела в первую очередь шахтами и заводами братьев Штум в Сарской области и Лотарингии. Этой группе нужно было немедленно получить 200 миллионов франков.

5) Союз потребителей металлургических промышленных изделий (барон Петье) имеет в своем составе крупные автомобильные общества (Берлье, Пежо, Рено и др.), машиностроительные общества (Фив-Лиль, Жапи, Дитрих и др.). Этой группе нужно было 225 миллионов.

Все эти группы, и в первую очередь первые две, наиболее сильные, должны были немедленно вступить в контакт с крупными банками, что и было ими сделано в 1920 г. Шнейдер и Вендель вступили в совет правления банка Унион Паризьен и Лионского кредита, а председатели этих банков стали членами контрольных комиссий на предприятиях Крезо и, возможно, на других предприятиях и заводах групп Шнейдер или Вендель.

Итак, пять групп комитета крупной горной промышленности, связанные более или менее и с комитетом нефтяников, не имея в своем распоряжении даже 500 миллионов франков для того, чтобы «заплатить» государству за приобретение состояния ценностью в 20 миллиардов, вступают в тесную связь с тремя крупными банками для того, чтобы собрать 1.500 миллионов и начать эксплоатацию металлургической промышленности и населения Эльзас-Лотарингии.

Но присоединение Эльзас-Лотарингии к Франции дало крупному французскому капиталу и сеть железных дорог. Хотя эта сеть является «собственностью государства», ею в действительности распоряжается общество, правление которого насчитывает 18 крупных капиталистов (или представителей «частных интересов») и лишь 4 представителя государства. Ценность этой железнодорожной сети оценивается по минимальным расчетам

в 10 миллиардов. Наконец, если уже не говорить о приобретении текстильной промышленности и о ценности лесов, то необходимо вспомнить, что ценность нефтяной и поташной промышленности Эльзаса, приобретенной крупным французским капиталом, превышает 5 миллиардов.

Одним словом, огромные богатства, приблизительно в 35 миллиардов (по некоторым источникам—даже 50 миллиардов) были приобретены почти за ничто крупными французскими капиталистами.

Классовые интересы в Эльзас-Лотарингии.

Люди, агенты комитета крупной горной промышленности и другие крупные французские капиталисты пришли в Эльзас-Лотарингию на смену крупным германским капиталистам. Эти люди явились в страну в сопровождении целого легиона директоров, инженеров, мастеров, полицейских, шпиков, генералов, комиссаров, журналистов, административных и финансовых чиновников, контролеров и школьных инспекторов и проч. Этот легион был навербован в тех слоях французского населения, которые особенно отличались своим шовинистическим и агрессивным «патриотизмом». С этим легионом, явившимся из «старой отчизны», соединились наиболее испорченные, низкие, деклассированные элементы из среды эльзасской интеллигенции.

Такова была первая перемена в положении, первый ледяной душ, вылитый на страну, «освобожденную» от прусского сапога. Почти одновременно с этим «средние классы» в Эльзас-Лотарингии и в первую очередь интеллигенты, чиновники, служащие, священники, учителя увидели, что их оттесняют, принижают и ставят на значительно более низкую ступень по сравнению с французами. Иностранцы, «французы» и продажные личности в самом Эльзасе—вот те элементы, из которых образовался новый господствующий слой интеллигентов, чиновников, служащих и проч.

Эти два факта (появление крупных французских капиталистов и создание высшего слоя интеллигентов и чиновников из французов) являются, по нашему мнению, важнейшими факторами, способствовавшими появлению и развитию автономистского движения в Эльзас-Лотарингии. Это не значит, что в этом самая глубокая причина и что эти элементы явились решающим фактором. Но прежде, чем продолжать раз'яснение этой проблемы, напомним и о некоторых других фактах.

Вспомним прежде всего ф и н а н с о в у ю п о л и т и к у французского государства по отношению к населению трех «возвращенных» департаментов. «Юманите» в Мец-Страсбурге (в №№ от 16 и 27 июня) пишет, что смета расходов на 1925 г. установлена для Эльзас-Лотарингии в сумме 318 миллионов франков, в то время как доходы, собранные там в том же году, достигли суммы 1.300 миллионов. Эти 318 миллионов были распределены следующим образом: 150 мил. на возмещение ущерба, понесенного из-за войны, 18 мил. на церковные нужды, 64 мил. на жандармерию и полицию и лишь 86 мил. для целей воспитания и просвещения. Распределение налогов также очень характерно. В 1913 г. налог на собственность и капитал равнялся 65% всех прочих налогов, в то время как в 1924 г. он упал до 23,7%. Налог на жалованье и зарплату представлял собой в 1924 г. 36% всех налогов, а в 1913 г.—14%. Рабочий в Эльзас-Лотарингии платит в среднем 200—300 франков налога, в то время как во всей остальной Франции рабочий платит не больше 60 франков. Средний чиновник, начальник второклассной станции, как, напр., Страсбургской, платит 2.400 франков налога, а у его коллеги во Франции, как, напр., в Бар-ле-Дюке, взыскивают всего лишь 300—400 франков. Мелкий коммерсант в Кольмаре платит 811 франков налогу за право торговли, а такой же торговец в Эпинале платит 265 франков, в Безансоне—310 франков, в Труа—470 франков и т. д.

Финансовая политика французского правительства, с одной стороны, и закрытие германской границы 1 января 1925 г.— с другой стороны, вызвали затруднения и недовольство в Эльзасе и в среде к р е с т ь я н, в и н о д е л о в, в л а д е л ь ц е в с а д о в, т а б а ч н ы х п л а н т а ц и й и п р о ч.

Известно, что в Эльзасе землевладельцы сами эксплоатируют свою землю, сады и проч. Но здесь имеется целый ряд рассеянных мелких участков, подлежащих эксплоатации, в то время как в области Мозеля господствует крупное землевладение. Люди, в роде Варена и других, владеют или распоряжаются огромнейшими владениями не только в самом Эльзасе, но и в остальной Франции, и в Марокко, и в Тунисе, и в Алжире. Эти люди находят способы избегнуть местных затруднений, но этих возможностей нет ни у мелких, ни у средних крестьян и эльзасские виноделы не могут конкурировать на французском рынке с крупными центральными виноделами. Для того, чтобы добиться успеха, они должны прибавить к своим винам 7% сахара, а в сахаре чувствуется недостаток. Имеется лишь одна сахарная фирма, которая без всякого стыда выжимает все соки из владельцев свекловичных плантаций. Сахар, ввозимый в Эльзас, слишком дорог, и в виду почти полного закрытия германского рынка, эльзасские виноделы находятся почти в безвыходном положении. С своей стороны и табачные плантаторы не могут мириться с произволом агентов французской табачной монополии.

Итак, все более растет недовольство средних и мелких крестьян Эльзаса современным положением вещей, главным образом, в виду характера финансовой политики французского государства и особых тяжелых условий для сбыта сел.-хоз. продуктов Эльзаса.

Скажем несколько слов о п р о л е т а р и а т е Э л ь з а с-Л о т а р и н г и и и о е г о п о л о ж е н и и. В 1913 г. было занято около 100.000 пролетариев в железных и угольных копях и железоделательной индустрии. Благодаря войне и Версальскому «миру», большая часть германских рабочих была вынуждена покинуть страну, на смену которым пришли французские рабочие из Мерт-и-Мозель и иностранные рабочие из Италии, Польши и других стран. Мало-по-малу дошло до того, что в вышеупомянутых трех отраслях промышленности, в которых к началу 1926 г. было занято около 85.000 рабочих, 65—70% были иностранцы, т.-е. не французы, не эльзас-лотарингцы.

Французские предприниматели создали нечто в роде иерархии в рабочем классе, искусно перемешав национальности и заполнив иностранными рабочими кадры, руководимые французскими инженерами, мастерами и специалистами. Это явление наблюдается везде в Лотарингии, и этим об'ясняется странный на первый взгляд факт, что автономистское движение в Лотарингии не делает больших успехов. Классовые конфликты в Лотарингии

проявляются в форме конфликтов крупных французских капиталистов с иностранным пролетариатом. Здесь в Лотарингии автономистское движение находит сторонников, главным образом, среди железнодорожников, учителей и «средних классов».

В Эльзасе мы уже наблюдаем совершенно другие формы. Здесь от Мюльгаузена до Страсбурга участь иностранных рабочих не отличается от участи эльзасских рабочих. Профессиональные и социальные требования являются здесь основой требований национальных. Автономистское движение выходит здесь за пределы «идеологических» и конституционных рамок и принимает размеры, которые начинают беспокоить даже самих инициаторов движения. Это и понятно, так как здесь пролетариат стал социальной движущей силой.

И действительно, мы знаем, что уже с 1924 г., с момента прихода левого картеля к власти, началось движение недовольства среди железнодорожников, и это движение грозит с октября 1925 г. закончиться взрывом и привести ко всеобщей забастовке железнодорожников. Эта забастовка казалась уже неизбежной в середине марта 1926 г., и если она не вспыхнула, то это еще не значит, что железнодорожники были удовлетворены.

Для того, чтобы закончить обзор наиболее важных социально-экономических факторов, лежащих в основе автономистского движения в Эльзасе, упомянем еще следующее.

Экспроприацию, если не полное разорение мелкобуржуазных слоев (городских и сельских), вследствие двойной инфляции. Падение германской марки и германской империи обесценило их сбережения в марках, а падение французского франка у них отняло и последнее. Финансовый кризис французского государства с падением франка и опасением возможных экономических и социально-политических волнений во Франции заставляет, с другой стороны, часть «средних классов и мелкой буржуазии» смотреть с надеждой на «стабилизированную и упорядоченную» Германию.

Вот, по нашему мнению, те основные факторы, с которыми мы должны особенно считаться при рассмотрении теперешнего положения в Эльзас-Лотарингии. Но наш обзор был бы не полон, если бы мы не приняли во внимание еще некоторые другие факторы. Укажем на важнейшие из них.

Одним из этих факторов является политика насильственной ассимиляции, которую французское государство проводит в отношении Эльзас-Лотарингии. Эта политика, начатая национальным блоком, проводившаяся после него левым картелем и страстно поддерживаемая французскими социалистами, имеет в первую очередь в виду язык, на котором говорит население в Эльзас-Лотарингии и к которому оно ревнивее всего относится. Обязательное введение французского языка в школы и присутственные места с одновременным систематическим вытеснением немецкого языка натолкнулось в первую очередь на сильнейшее сопротивление крестьянства. Крестьянские дети не научаются как следует французскому языку и разучиваются читать и писать по-немецки.

Вторым фактором, хотя и менее острым, является пресловутое вытеснение церковного влияния, о котором старается левый картель. Здесь дело идет о религиозных обычаях страны и здесь смешались роли, группы и интересы. Католический крестьянин—Эльзас-Лотарингии, находившийся под господством духовенства, был на пути к относительному освобождению от духовного ига ксендзов. Разве не эти ксендзы даровали божественное благословение в случае победы германских армий? И разве не те же духовники давали то же божественное благословение и французским армиям этим «армиям освобождения»?

Католические священники Эльзаса, поддерживаемые в своих стараниях всем французским духовенством и папой, являются фанатическими защитниками специальных церковных привилегий, которыми они до сих пор пользовались, и их главная цель заключается в том, чтобы побороть влияние социалистических и коммунистических идей для того, чтобы еще больше усилить свою власть над крестьянами и рабочим населением. С другой стороны, крестьяне противятся «светским» новшествам левого блока, так как эти новшества, равно как и все беды, от которых они страдают, исходят от французского государства—их угнетателя. Впрочем, новое поколение крестьян мало-по-малу освобождается от церковного влияния, и между стариками и молодыми часто возникают конфликты по религиозным вопросам в деревнях Эльзаса.

Второстепенные факторы иностранного порядка.

В автономистском движении Эльзаса имеется элемент, который хотя и не играет постоянной и непосредственной роли, но все же усложняет форму движения, если не само его развитие. Дело идет об антагонизме между Германией, Францией и Англией об интересах и политике римской церкви, и о движении германских меньшинств тянувшихся к Германии.

Эльзасская проблема стала «европейским вопросом», как недавно писали «Базлер Нахрихтен». Возможно, что это справедливо, но, к сожалению, мы в этом вопросе должны сейчас ограничиться лишь общими местами, не касаясь подробностей.

Согласно сообщениям французской буржуазной прессы, 6 февраля 1926 г. в Цюрихе состоялась конференция главных вождей рейнского федерализма, пацифистов «Менштейт» (професора Форстера в Висбадене), австрийцев и эльзасских автономистов. Согласно этой прессе цюрихская конференция образовала комитет действия, главные задачи которого заключались в следующем: а) в изучении проблем родственных рейнскому сепаратизму и эльзасскому автономизму, б) в подготовке меморандума для Лиги Наций, в) в создании органов на немецком языке для изучения и пропагандирования автономистских идей, г) в организации регулярной связи между немецкими федералистскими органами Австрии и Эльзас-Лотарингии. Французская пресса, являющаяся наиболее «терпимой» к автономистскому движению в Эльзасе, как «Фигаро» (Ромье, профессор Вермей), роялист Жак Бонвиль, «Журнал де Деба» и другие, подчеркивают экономическую природу федералистского рейнского и автономистского эльзасского движения.

Другие газеты обвиняют в первую очередь немецкую пропаганду и, в особенности, «агентов» Штреземана. Некоторые газеты уверяют даже, что у них имеются доказательства того, что католический центр Германии работает совместно с Зейнелем

(Австрия), профессором Шмитманом (Кельн), шефом федералистов и Георгом Вольфом, председателем нижне-рейнской радикально-социалистической партии. Как бы то ни было, мы сообщаем об этих фактах лишь для информации, так как они сами по себе не играют крупной роли в автономистском движении. Французская пресса заинтересована в том, чтобы изобразить, будто движение это началось исключительно по подстрекательству из-за границы для того, чтобы оправдать применение репрессивных мер.

Согласно французской прессе, кажется также, что и Англия живейшим образом заинтересована в автономистском движении и что она в нем имеет своих агентов. Эти газеты считают, что Англия стремится к тому, чтобы между Францией и Германией образовалась конфедерация нейтральных государств, своего рода рейнская лига. Она тогда смогла бы легче помешать франко-германскому сближению, и ее влияние распространилось бы на крупнейшие промышленные области центральной Европы.

Папа, со своей стороны, преследует в первую очередь следующие две цели: одна цель (минимальная программа) заключается в усилении позиции католиков в их борьбе со «светскими законами» французского правительства; другая цель (максимальная программа) папы заключается в создании непрерывной цепи немецких католических государств (Австрия, Бавария, Эльзас, Пфальц, Рейнланд).

Автономистское движение.

Клерикальный орган аббата Эгти «Эльзасский Курьер» ведет с 1919 г., правда, очень осторожно, кампанию за католические традиции Эльзаса, за немецкий язык и традиционные обычаи. С 1921 года аббат Шефер, один из самых горячих борцов католической партии, начал открыто выдвигать идею о необходимости вмешательства Лиги Наций в защиту интересов эльзасцев.

Вот уже год, как издается обозрение «Цукунфт», ставшее в короткое время очагом автономистского движения. Вокруг этого обозрения, редактируемого бывшим президентом ландтага Эльзас-Лотарингии доктором Риклином, сплотились многочисленные группы интеллигентов, протестантов, католиков, атеистов, членов разных партий, равно как и беспартийных.

5 июня 1926 года был опубликован манифест «отечественного» союза, носящий сто подписей, собранных почти во всех слоях населения Эльзаса.

Вот, приблизительно, основные факты в истории идеологического автономистского движения.

Эти исторические даты не совпадают с датами крупных народных демонстраций. Менее важной, но весьма знаменательной демонстрацией явилась забастовка школьников в Эльзасе, направленная против законов Эррио. Эррио вынужден был уступить, так как он натолкнулся на сопротивление блока крупного капитала и клерикализма Франции и Эльзас-Лотарингии. Первой крупной манифестацией явился, без сомнения, конгресс рабочих и крестьян, созванный 21 сентября 1925 года в Страсбурге под руководством Коммунистической Партии. С тех пор автономистское движение прошло много этапов, и в нем началась некоторая дифференциация.

Для того, чтобы лучше понять все то, что произошло и происходит в Эльзас-Лотарингии, необходимо отдать себе отчет в характере отдельных политических партий.

Численно самой важной партией является народная республиканская национальная партия (католическая). Она неоднородна, и крестьянский элемент, руководимый духовенством, имеет там большинство. Левое крыло этой партии—требует политической автономии, правое крыло добивается лишь административной автономии в то время, как центр, т.-е. большинство партии является противником ассимиляции, требует автономии в составе французского государства и намеревается обратиться с призывом к Лиге Наций в целях сохранения конкордата в Эльзас-Лотарингии.

В начале автономистского движения, когда последнее носило еще более или менее аморфный, народный характер, вожди центра народной партии оказались вынужденными об'явить себя сторонниками этого движения. Приведем хотя бы пример пресловутого политического скомороха депутата Мишеля Вальтера, горячего сторонника национального блока, получившего от населения ироническую кличку «национального» Мишеля. Этот самый господин, некогда заявлявший, что занятие Рура будет одной из самых блестящих страниц в истории Франции, вынужден был 13 и 16 мая выступить за дело автономистов.

С весны народная партия начала организовывать общественные митинги и собрания в Кольмаре, Мюльгаузене, Страсбурге и друг. Но массы, начинают уже обгонять партию, и крестьяне, которых католики подняли против «светских» законов, быстро оказываются далеко впереди своих вождей. Вопрос о конкордате становится частным требованием и второстепенным вопросом в вопросе национальном. И по мере того, как это все более выявляется, группы и «вожди», которые на движение смотрели лишь как на партийный маневр, начинают его покидать и даже высказываться против него. Граф Лес, Мишель, Вальтер и друг. покидают движение и стараются мобилизовать силы против него, приветствуя «репрессивные санкции».

Республиканская демократическая партия, одним из руководителей которой состоит Гернштидт, председатель страсбургской торговой палаты, является партией крупного капитала, заинтересованной в успехах французского империализма. Она является ожесточенной противницей автономистов.

Также против автономистов—и верхне-рейнская группа, носящая название «Демократического альянса» и насчитывающая в числе своих вождей Журдэна (министра пенсий), сенатора Жюля Шерера и друг. Но это скорее группочка, чем партия.

В радикально-социалистической партии Эльзас-Лотарингии автономистское движение вызвало раскол. На страсбургском конгрессе 2 июня 90 делегатов из 148 высказались за автономистов. В Верхне-Рейнской области эта партия, или по крайней мере ее руководители, высказываются против движения, а в Нижне-Рейнской области—за него. Здесь рупором автономистов является Георг Вольф, вождь бывшей прогрессивной партии Эльзаса. Он теперь выпустил книгу «Эльзасский вопрос. Основы эльзасской политики в эпоху локарнского договора». Георг Вольф пытается в этой книге доказать, что раз Германия в силу локарнского договора не интересуется больше эльзасским вопросом, то

эльзасцы сами имеют теперь возможность и должны подумать о себе и об участи населения, являющегося единым целым в экономическом, этническом и национально-политическом отношении.

Социалистическая партия Эльзас-Лотарингии является может быть единственной, ведущей в союзе с французскими властями энергичную кампанию против автономистов. В настоящее время эта партия является самой ревностной помощницей правительства в применении репрессивных мер. Деп. Георг Вейль «работает» вместе с мэром Страсбурга Перотом, социалистом, для дела «ассимиляции трех департаментов с остальной частью Франции» (его собственные слова в «Котидьене» в № от 30 декабря 1925 года).

В манифесте от 30 июня социалисты дают «ответ на манифест отечественного союза».

«Этот манифест (социалистов),—пишет «Пепль» в номере от 1 июля,—энергично высказывается против сепаратистских интриг и всецело на стороне ассимиляции... Он абсолютно отказывается от мысли о каком-либо отдельном парламенте».

Манифест об'ясняет возникновение автономистского движения происками клерикальной партии, немецкими влияниями и влиянием компартии. Эльзасский диалект, этот эльзасско-немецкий язык, называется в манифесте в насмешку «так называемым родным языком».

По поводу этого манифеста центральный орган германской социал-демократии «Форвертс» в номере от 1 июля 1926 г. замечает с грустью следующее: «Мы не намереваемся вмешиваться во внутренние распри Эльзаса. Тем не менее нельзя не заметить, что выражение «так называемый родной язык» звучит довольно странно». В этих словах чувствуется и германский патриотизм и лакейский страх затронуть шовинизм социалистов страны-победительницы.

В парижском «Пепль» в номере от 28 июня 1926 г. социалистический депутат Жюль Ури упрекает Пуанкаре и Кольра в том, что они не послушали его советов «о необходимости поспешить ассимилировать обе вновь завоеванные провинции с остальной Францией». Он при этом цитирует несколько фраз из речи, которую он по этому случаю в свое время произнес:

«Если вы не ассимилируете, как можно скорее, население Эльзас-Лотарингии, если вы не сделаете, чтобы оно так же жило, как и остальная Франция; если дети с самых ранних лет не научатся в наших школах французскому языку, который должен стать единственным языком Эльзас-Лотарингии, вы через несколько месяцев будете иметь движение, не менее серьезное, чем фламандское движение в Бельгии». Одобрительно оценивая деятельность генерала Буржуа и хваля поведение Перота и Георга Вейля и других, Жуль Ури с грустью констатирует тот факт, что движение, несмотря ни на что, усиливается.

«Хватаешься положительно за голову,—пишет он,—когда читаешь в газетах, как например, в «Тан» отчеты о бунтовщических манифестациях против Франции, все чаще и чаще происходящих в Верхне-Рейнской и Нижне-Рейнской областях, в Страсбурге, Мюльгаузене, Кольмаре и являющихся насмешкой над государственной властью». Чего боится социалистический депутат Жюль Ури больше всего? «Я боюсь,—пишет он,—что это движение не ограничится одной национальной формой и превратится в движение международное. Уже поговаривают о том, что Лига Наций может заняться этим вопросом, и отсюда видно, какие страшные опасности грозят отсюда всеобщему миру».

Само собой разумеется, что население Эльзаса и большая часть эльзасской прессы не перестают возмущаться подобными «представителями народных интересов», подобными защитниками империалистической французской республики.

Что касается компартии, то она после некоторых колебаний с самого начала выступила в качестве горячего защитника автономистского движения. Хотя и критикуя непоследовательность этого движения, и вскрывая истинные мотивы некоторых его сторонников, в особенности из лагеря клерикалов, компартия стала на защиту права эльзасцев самостоятельно распоряжаться своей судьбой вплоть до отделения от Франции. Она требует производства плебисцита с участием и женщин. Плебисциту должна предшествовать эвакуация из Эльзаса и Лотарингии гражданских и военных властей. Само голосование должно проходить под контролем рабоче-крестьянских комитетов. Так как автономистское движение развивается сейчас, как народное, то компартия пока не настаивает на строгом проведении ее лозунгов. Начиная с сентября 1925 г. компартия все более оказывается во главе автономистского движения. Это обстоятельство сильно содействовало вовлечению клерикальной партии в движение, так как последняя боялась в противном случае оторваться от крестьянских масс и дать им уйти к партиям и группам, проповедующим революционные методы. Благодаря этому можно было наблюдать, как руководство автономистским движением переходило из рук «Цукунфт» в руки коммунистов, с тем, чтобы затем снова оказаться некоторое время в руках клерикалов.

Течения и перспективы автономистского движения.

Само собой разумеется, что в виду подобного сплетения интересов и целей—более или менее глубоко противоречащих друг другу—неизбежны колебания и раскол, уход из движения и предательства. С повышением политической температуры и по мере обострения положения, ухудшившегося, главным образом, вследствие репрессивных мер французского правительства, некоторые вожди и группы отделяются от движения или методически подготовляют свое стратегическое отступление. Уже ушли очень многие из тех, которые подписали манифест отечественного союза. Правительство между тем продолжает свои репрессии, особенно обрушиваясь на железнодорожников, учителей и чиновников. В клерикальной «автономистской» прессе все чаще появляются статьи пытающиеся разжалобить французское правительство, в отношении подписавших манифест и указывающие пальцем на коммунистов, против которых, по их мнению, должны быть направлены репрессии. Пресловутый «автономист» Михель Вальтер уже 16 июня писал в «Эльзасце» следующее:

«Наша партия сознательно отклоняла всякое слишком далеко идущее требование, которое нельзя было бы выполнить в рамках существующей конституции».

Г. Гордеев.

Фермерское движение в Соединенных Штатах.

(Начало статьи см. в № 15—16 за 1926 г.).

Во время войны требовалось продовольствие и на фермера изливались потоки патриотических воззваний, призывающих умножать производство хлеба и мяса. Благоприятная кон'юнктура подгоняла фермера, конечно, больше, чем все прокламации. Он расширил посевы. На это потребовался кредит, т. к. на расширение посевов нужны были машины, скот и удобрения и рабочие руки. Растущая доходность во время войны создала ажиотаж вокруг земли. Фермы продавались и покупались и снова перекупались в надежде на большие барыши. Горячка (boom), сопровождавшая все военное время фермера, разразилась особенно резко в 1920 г.

Произведенным обследованием было выяснено, что от 10 до 15% всех фермеров переменили свои фермы между 1916 и 1920 гг. Покупка земель в 1920 г. производилась по такой вздутой цене, что с наступлением кризиса купившие землю обанкротились, не будучи в состоянии оплатить лежавших на них обязательств [1]).

Как с.-х. производство, так и земельная спекуляция проводились в надежде на высокие цены. Грянул кризис, и цены пали в 2—3 раза, обязательства же остались те же. Фермер был должен, как мы уже писали, 10.000 милл. долларов, из которых около 5.000 милл. долларов занято было разводненным долларом, оплата же фермером должна была производиться стабилизованным долларом. К тому же, как только раздались громовые раскаты кризиса Федеральное Резервное Управление повысило учетный процент, особенно в с.-х. районах, затруднив маневрирование фермеров [2]). Да и вообще выяснилось специальным обследованием с.-х. кредита, что «существующая система не была достаточна для того, чтобы обеспечить фермеру все, что законно может требоваться для его целей» [3]). Поэтому комиссия рекомендовала улучшить и усилить современную исследованную систему с.-х. кредита. Следовательно, недаром «Daily Workers» писала, что финансовая политика Кулиджа дала возможность нажить банкам баснословные барыши, доведя одновременно фермеров до банкротства.

Правительство крупного капитала вело откровенную классовую политику. Это выражалось не только в банковской тактике, но в налогообложении. Доходы фермера, как мы уже писали,

[1]) «The Wheat Situation» by H. C. Wallace. 1923. Page 23.
[2]) «Credit Report of the Joint Commission». Part II. 1922. Page 159.
[3]) Ibidem, page 148.

быстро понижались, а налоги за это время росли. Мы имеем следующие данные о росте налогов:

Годы	Все налоги	В %% к национальн. доходу	Годы	Налоги на землю фермеров
1913	2.194 м. д.	6,4	1914	344 м. д.
1919	8.034 »	12,1	1920	582 »
1921	8.363 »	16,7	1922	797 » [2])
1923	7.061 »	12,1 [1])		

Однако, самым интересным оказывается распределение налогов. Политика правительства руководилась буквально евангельским изречением: у кого имеется, тому прибавится. Фермер пострадал больше, чем другие профессии, значит и облагай его тяжелее других. Как доказательство, мы приводим следующую табличку, показывающую, как распределяются налоги между фермерами и остальным населением.

Годы	Сумма налогов, платимых фермером (в млн. долл.)	Сумма налогов, платимых всеми остальными (в млн. долл.)	Процент налогов к доходу: фермеров	Процент налогов к доходу: всех остальных
1913	624	1.570	10,6	5,5
1919	1.232	6.802	8,3	13,2
1921	1.497	6.866	17,2	18,6
1922	1.436	5.625	14,3	11,6 [3])

Только в 1919 году фермер благоприятной кон'юнктурой был выведен из-под пресса классовой политики, все же остальное время фермер платил значительно выше, чем промышленник, банкир и т. д.

В целом для Соединенных Штатов налоги на акр возросли с 31,4 центов в 1913—14 г. до 70,9 центов в 1921—22 г. [4]).

Сумма налогов на фермеров оставалась почти стабильной для 1921—22 г., хотя взимание налогов со всех сокращалось. Так, все налоги были понижены в 1922 г. по сравнению с 1921 г. на 1.302 милл. долл., но налоги на фермы упали лишь на 61 милл.

[1]) «The Agricultural Situation». Page 32.
[2]) «Agriculture Yearbook». 1923. Page 8.
[3]) «The Agricultural Situation». Page 40.
[4]) «Yearbook of the D. of Agriculture». 1922. Page 1002.

долл. «Крупное сокращение различных видов налогов,—замечают Уоррен и Пирсон,—проводимое федеральным правительством в ничтожной степени касалось фермеров» [1]).

По подсчетам Департамента Земледелия налоги поглощали от 10 до 50% чистого дохода фермера. «Тяжесть налогов была особенно нелегкой на Севере и Западе»,—пишет секретарь Департамента Земледелия [2]).

Обезоруженный фермер был разбит своим организованным противником. Последний действовал как путем экономического воздействия, путем регулирования цен, так и посредством политического руководства. В большинстве же случаев обе системы воздействия переплетались, усиливая давление на фермера.

Как результат кризиса увеличились банкротства. По обследованию 1923 г. из 68.000 фермеров, разбросанных в 15 штатах пшеничной и кукурузной полосы, 4% потеряли свои фермы из-за банкротства; 4,5% утратили свои фермы до марта 1923 г. только из-за отсрочек кредиторов. Из 26.000 арендаторов 7,2% потеряли свою собственность продажей с молотка; 7,8% утратили без проведения формального кризиса и 21,3% удержали свою собственность только по милости кредиторов [3]).

Количество банкротств среди фермеров во всей стране равнялось:

в 1911—13 гг.	914	что	составляло	лишь	5,5%	от	всех	банкротств	
» 1920	» 997	»	»	»	6,4%	»	»	»	[4])
» 1921	» 1.363	»	»	»	9,0%	»	»	»	
» 1922	» 3.236	»	»	»	14,4%	»	»	»	
» 1923	» 5.940	»	»	»	17,4%	»	»	»	
» 1924	» 7.772	»	»	»	18,7%	»	»	»	[5])

Колебания процента банкротств по различным штатам происходило в пределах от 0,7% до 74,7% в 1924 г. Самый высокий процент банкротств, как правило, приходится на пшеничные штаты.

Банкротства привели к потере земли. По переписи 1925 г. число арендаторов с 1920 по 1925 г. повысилось с 38,1% до 38,7%. Число фермеров понизилось за те же пять лет на 47 тысяч. Еще перепись 1920 года указывала на укрупнение ферм, повидимому, то же самое наблюдалось и в истекшие пять лет [6]).

Северо-Западный Центральный район дал повышение аренды на 3,4%, горный—на целых 6,8 и т. д. Ряд районов дал понижение аренды. К сожалению, до сих пор в нашем распоряжении не имеется данных переписи о росте задолженности за последние 5 лет. Они, повидимому, внесут существенные коррективы в движение аренды в сторону расширения процесса обезземеливания.

Подводя итоги анализу состояния фермеров в период послевоенного кризиса, мы должны констатировать, что, во-первых, кризис принял затяжные формы, во-вторых, чем дальше от начала кризиса, тем большее количество фермеров обезземеливается,

---

[1]) «The Agricultural Situation». Page 39.
[2]) См. На «Аграрном Фронте», № 3, 1926, стр. 134.
[3]) «The Wheat Situation». 35.
[4]) Ibidem. 104.
[5]) «Agriculture Yearbook», 1924, p. 1130.
[6]) См. на «Аграрном Фронте» № 3 1926 стр. 134.

больше арендаторов пролетаризируется; в-третьих, кризис нанес сокрушительный удар собственникам—фермерам и арендаторам,—кризис расширил кадры с.-х. рабочих, с одной стороны, увеличив концентрацию с.-х. производства—с другой; в-четвертых, мелкобуржуазная идеология фермеров получила жестокие показательные уроки об отношении к фермерам крупного капитала, об узаконении беспощадного их ограбления ими же выбранной властью; в-пятых, экономические и идеологические сдвиги приобретают особенную важность из-за того, что на приспособление с.-х. к новым условиям потребуется, по Уоррену, от 15 до 20 лет [1]). Значит, процессы обезземеливания и пролетаризации будут продолжаться с большой силой в течение ряда следующих лет; в-шестых, весьма важно то, что рабочий класс Америки дорос до создания самостоятельной компартии, которая оказала уже, а потом будет оказывать еще большее влияние на организационное оформление обезземеленных фермеров.

Итак, послевоенный кризис можно считать рубиконом в истории американского фермерства.

В дальнейшем мы рассмотрим, как отмеченные сдвиги проявились в фермерском движении, в их политических требованиях и выступлениях.

История Соединенных Штатов представляет собой не мало назидательных страниц. Поучительность истории особенно велика в области фермерского движения. В моменты экономических кризисов возникали массовые фермерские организации. Одновременно в разных концах страны под разными названиями возникавшие организации выявляли один и тот же протест против беззастенчивых действий монополистского капитала.

Однако, все фермерское движение, кроме популистского, носило неполитический характер. Популистское движение, вспыхнув ярким политическим светом в 90 гг. прошлого столетия, еще больше толкнуло в последующем фермеров на путь аполитичности. Лидеры многочисленных фермерских об'единений больше всего боялись политики. Они иногда доходили до смешного, давая клятвенные обещания на конференциях не заниматься политикой. В программы нередко вводился специальный пункт, предостерегающий от политики.

Подобное невмешательство было не случайным. Капиталистическая система соответствовала интересам крупнохозяйственных фермеров. Только отдельные винтики капитал. системы вызывали шероховатости в отношениях фермеров с монополистами. Приходили кризисы и шероховатости выросли в бурное движение фермеров. Но миновал кризис, и движение спадало, оставляя все политическое поле в распоряжение двух капиталистических партий.

Однако, уже 90 гг. показали, что среди фермеров нарастают новые социальные силы, которые несут и новые идеи и новые способы борьбы. После 90 гг. фермерское хозяйство вступило из-за повышения цен в полосу под'ема. Фермеру удалось уменьшить свою задолженность, улучшить хозяйство, из-за чего радикализм фермера пропал, казалось бы, бесследно. Однако, в конце первого десятилетия обнаружились признаки нового недовольства, при этом выяснилось, что на сцену выступил арендатор. В 1909—

---

[1]) «The Agricultural Situation». Page 298.

10 году был организован союз арендаторов в Текзасе и Оклагоме. Активность этого союза была настолько велика, что они оказали влияние на выборы губернатора в Текзасе. Основным пунктом их программы было требование, чтобы землей владели только те, кто занимает и обрабатывает ее [1]). Это не малый шаг вперед от взбунтовавшихся мелких собственников. Под влиянием возбуждения арендаторов негры проявили также большую активность.

Однако, наиболее интересными по своей деятельности в период военный и послевоенный являются непартийная лига Non Partisan League, фермерский блок—Farmers bloc и Farmer-Labor Party—фермерско-рабочая партия.

Все три организации заслуживают нашего внимания. Начнем с Non Partisan League.

Лига возникла в Северной Дакоте и затем быстро распространилась по Западно-Северо-Центральному и Горному районам. С самого начала движение лиги приобрело резко политический характер. Но прежде, чем перейти к рассмотрению программы и действий Лиги, остановимся на причинах ее возникновения в указанных областях.

Лига имела влияние в 14 штатах пшеничной и кукурузной полосы, и это не случайно. Пространственно эти штаты составляют около половины всей страны, в хозяйственном отношении охваченные влиянием Лиги, были по преимуществу земледельческими. Они производили скот и хлеб и сбывали их на восток в Чикаго, Сэнт-Поль и др. По этой линии наметилось первое расхождение. Фермер отмеченных районов зависел и от жел.-дор. компании, т. к. должен до рынка перебрасывать от 1.000 до 3.000 миль и от торговцев, т. к. в земледельческих районах отсутствовал капитал. Торговая палата в Сэнт-Поль диктовала цены всему отмеченному району. Цены понижались, качество хлебов и скота умышленно при присме снижалось, в результате чего фермер получал меньше, чем следовало.

Заодно с торговой палатой действовали банки. Вся отмеченная область Соединенных Штатов была сравнительно молода, она еще не была полностью заселена и освоена. Переселенцам приходилось прибегать к кредиту при покупке земли и при организации фермы.

В дополнение к сказанному большая часть района страдала часто от засух. Нерегулярность дохода ставила в еще большую зависимость фермера от банков. Банкиры пользовались всякой возможностью нажить на удаче и неудаче фермера, из-за чего банкротства в засушливом районе были особенно часты и многочисленны.

Захватив экономическое влияние, капитал решил закрепить его политическим завоеванием. При федерализме в Соединенных Штатах всякий штат мог издать закон, аннулирующий ростовщическую деятельность банкиров и грабительскую практику жел.-дор. и торговых компаний. Чтобы таких сюрпризов не было, «правильно и неправильно, часто неправильно, жел.-дор. и финансовые интересы Сэнт-Поля и Миннеаполиса стали скоро вмешиваться в политику Северной Дакоты, и скоро Купеческий Отель

[1]) «The Quarterly Journal of Economics». May 1913, Page 494.

с Сэнт-Поле стал тронной залой политических хозяев» [1]). То же самое было проявлено и торговой палатой.

Результаты быстро сказались. Все законы против капиталистических монополистов были отменены. Были приняты антифермерские законы. По подсчетам проф. Ладда вся система капиталистического хозяйствования обходилась ежегодно фермерам только Северной Дакоты в 55.000.000 долларов [2]). Общественные средства разматывались и разворовывались [3]). Тщетно пытались фермеры провести через свою правящую машину нужные им законы. Они дошли даже до Сената, требуя управы на своих заправил. Однако, Сенат не отставал от своих хозяев—капиталистов. Сенатор Кумбер 4 августа 1916 года произнес следующую речь: «Поскольку Конгресс оказался глух к крику фермеров о помощи, постольку фермеры сами в моем и других штатах вынуждены были принять решительные меры. Они просили об учреждении федерального контроля над хлебной торговлей. Конгресс отклонил просьбу. Они просили учредить федеральную инспекцию. Конгресс отклонил просьбу и т. д.» [4]).

Было бы, однако, неправильным сводить, как это делает сенатор причину движения к неправильности в торговле хлебом. Вопрос лежит, конечно, не только и не столько в борьбе с посредником и в упорядочении взаимоотношений с торговой палатой.

Своеобразие районов, охваченных движением Лиги, заключалось в том, что между 1910 и 1920 гг. наблюдался особенно быстрый рост аренды и задолженности. Достаточно привести следующую таблицу, чтобы убедиться в этом:

Годы.	% арендаторов в Сев.-Зап.Центр.р.	% арендаторов в Сев. Дакоте	% арендаторов в Горном районе	% заложенных ферм: В Сев.-Зап. Центр.	% заложенных ферм: В Горном	% заложенных ферм: В Северн. Дакоте
1888	20.5	—	16,8	—	—	—
1890	24,0	—	14,7	47,3	13,5	47,9
1900	29.6	—	19,7	43,1	13,8	30,3
1910	30,9	14,3	17,2	45,6	20,6	50,2
1920	34,2	25,6	20,1	51,8	47,9	71,1
1925	37,8	29,2	22,1 [4])	—		— [5])

За 15 лет аренда поднялась на 7%, одновременно залог охватил больше половины фермы, составляя в 1920 году 51.000 их. Северная Дакота в самом деле имела только около

[1]) «The Non Partisan League», 25.
[2]) Ibidem 44.
[3]) Ibidem 25.
[4]) Ibidem 45.
[5]) «Fourteenth Census», Vol. V. Page 133, 5.

$^1/_3$ обезземеленных, но зато этой трети она достигла очень быстро. За 15 лет процент арендаторов повысился с 14,3 до 29,2, т.-е. больше, чем вдвое. Еще хуже обстояло дело с залогом. К 1920 г. было заложено 71,1% всех собственных ферм.

В горном районе происходит то же самое, хотя аренда не быстро растет, в 1925 году она поднялась только до 21,1%, зато число заложенных ферм равнялось в 1920 г. 47,9%. Нет оснований полагать, что залог и между 1920 и 1925 годом не вырос, так как слишком тяжелое время пережил и продолжает переживать фермер.

Несмотря на то, что число всех ферм понизилось, число арендаторов абсолютно повысилось. Одновременно шел быстрым темпом и рост задолженности, подготовляя будущих арендаторов. Процесс обезземеливания, таким образом, живо захватывал фермеров. Собственник-фермер чувствовал, как почва уплывает у него из-под ног, в то время как элеваторные и жел.-дор. компании не только тянули к себе его собственность, но и распоряжались в его вотчине, как у себя дома. Как протест такому положению, родился лозунг: «Дакота для дакотян».

В лозунге этого зоологического национализма не было ничего неожиданного. Во всяком случае он был не нов. Но этот лозунг, рожденный в специфических условиях Среднего Запада, развился в целую программу, очерченную Брюсом в следующих выражениях:

«Теперь Северная Дакота стала центром и источником снабжения деньгами для кампании национального масштаба—кампании за создание новой политической партии, которая будет основана на недовольстве и конечные требования которой будут включать уничтожение посредников, предпринимателя и так называемых капиталистических классов и даже уничтожение самой частной собственности на землю» [1]).

Здесь Брюс передал не программу, а скорее речь или статью одного из агитаторов Лиги, среди которых было большинство социалистов. Фактически же программа никогда не дошла до включения пункта уничтожения земельной собственности, т. к. Лига опиралась на фермеров. Однако, идея национализации земли носилась среди радикальной части Лиги, и этот факт должен быть учтен, как рост новых социальных идей среди фермерства.

Что же касается первой части программы—уничтожения капиталистов, то она стала проводиться в жизнь в Сев. Дакоте.

Мы уже говорили, что торговые компании были сильнейшими эксплоататорами фермеров. С целью освобождения от них Лига намечает постройку штатных элеваторов, товарных складов, мельниц, холодильников, маслоделен, сыроварен, боен и т. д.

Борясь против влияния банкиров, программа наметила организацию банка вообще и для сельскохозяйственных кредитов в отдельности. Затем следовали разного рода страхования: от огня, града, засухи и т. д.

Словом, «это была попытка получить для фермера возможно высочайшую цену за все, что он продает и возможно низкую плату за все, что он покупает, одновременно с возможно низкой нормой налогов» [2]).

[1]) «Non Partisan League», 2.
[2]) Ibidem, 4.

Было бы клеветой на движение Лиги, если бы мы ограничили его только стремлением к благоприятным условиям сбыта покупки. На этот путь стараются встать все исследователи движения Лиги. Пишущие так не видят всей важности новых ноток, проскальзывающих во всей программе,—ноток, подаваемых обезземеленными фермерами. Фигура последних упорно опускается во всем движении Лиги.

Программа Лиги включала пункты о 8-часовом рабочем дне только не на фермах, устанавливала минимум зарплаты, намечала специальную промышленную комиссию с правом контроля над всеми промышленными предприятиями [1]). Весьма показательно, что потом губернатор, ставленник Лиги, Фразьер—теперь сенатор, при конфликте в каменноугольной промышленности встал на сторону рабочих, отстранил администрацию и тем самым заставил администрацию согласиться на требования рабочих. Впоследствии был внесен пункт с требованием национализации копей штатом [2]).

С первых же шагов программа Лиги столкнулась с ожесточенным сопротивлением в штатных учреждениях. В 1916 году в штате были избраны несколько членов Лиги, а их программа собирала большинство, но, несмотря на это, принятое постановление властью судьи или губернатора отменялось как незаконное. Лига вынуждена была развить гигантскую агитацию, в результате чего в 1920 году подавляющее большинство членов представительных органов и властей было выбрано из сторонников Лиги. Северная Дакота была целиком захвачена Лигой.

Влияние Лиги распространилось на многие штаты. Однако, степень влияния Лиги была не одинакова в силу множества об'ективных и суб'ективных причин.

Лига имела в различных штатах свои газеты и журналы. Во всех них велась по преимуществу агитация применительно к злобе дня. Центральный орган не отставал в этом от своих штатных коллег.

Несмотря на развернутую кампанию, Лига нигде не могла победить, кроме Северной Дакоты. После захвата штатного аппарата Лига поставила целью расширение своего влияния в сенате и палате представителей. От Северной Дакоты в 1920 г. был избран Ладд сенатором и от 3 штатов 6 членов в палату представителей.

Значение захвата правительственной машины было признано Лигой важнейшим делом. В противоположность прошлым движениям фермеров Лига неоднократно констатировала, что «Советы дали нам прекрасный пример» [3]) захвата власти и пользовались всякой возможностью для демонстрации диктатуры Лиги в управлении Северной. Дакотой.

Победа Лиги только в одном штате лишила спокойного сна немало капиталистов. Они решили действовать своим сильнейшим оружием—деньгами и организованностью. Хотя Лига построила и приобрела элеваторы, мельницы, застроила огромный холодильник и мельницу, банк развертывал деятельность, все же ее хозяйственная деятельность стала испытывать все

[1]) «Non Partisan League», 89—91
[2]) Ibidem, 139.
[3]) «Sovetians Wrecks of Americanism» by I. D. Bacon 1920.

большие финансовые затруднения. Северная Дакота была блокирована капиталистами. Об'явленная банком продажа бон не находила покупателей, банк стоял накапуне краха. Строительная программа тоже не могла быть выполнена. Лига вынуждена была повысить обложение.

Конечным испытанием для Лиги оказался разразившийся вскоре после ее избирательной победы кризис.

Кризис необычайно обострил недостаток денег. Правительственный банк взял сторону капиталистов и прекратил посылку денежной массы в С. Дакоту.

По данным Ладда в Сев. Дакоту направлено было к 1/XII 1920 г. вспомогательных кредитов 8 долл. на душу, а в Минесору—33, Южную Дакоту—18 и т. д. [1]).

Одновременно элеваторы штата закупили хлеб по летним ценам, а к осени наметилось сильнейшее падение цен. Вся хозяйственная система штата вступила в тягчайший кризис. Влияние Лиги стало падать, и в 1922 году национальный комитет распустился, передав все права штатным организациям.

Депрессия, начавшаяся в 1920 г., до сих пор еще не изжита фермером. В 1925 году в официальном докладе секретаря земледелия писалось следующее: «Фермеры не достигли экономического паритета с другими большими группами производителей, но их позиция в целом теперь наиболее благоприятна с 1920 г. Принимая во внимание все производство ферм, урожай 1924—25 года представляет увеличение всего дохода от 11.300 милл. долл. до 12.100, рост на 7%. Этот доход оказывается выше всех депрессивных годов, но ниже дохода нормальных лет. «Покупательная сила сельскохозяйственных продуктов, выраженная в не сел.-хоз. продуктах повысилась с 66%, с нижайшей точки депрессивного периода, до 87% в октябре, сравнительно с довоенным средним в 100%... Понижение на 13% в покупательной способности сел.-хоз. продуктов, происшедшее неожиданно в нормальный год, было бы настоящим бедствием. Сельское хозяйство оправляется теперь после тяжелой болезни» [2]). Правительство Кулиджа заинтересовано смягчить кризисное состояние, и поэтому приведенные цитаты скорее оптимистичны, чем наоборот.

Фермер выходит из депрессии, то понижая, то повышая свой доход, из-за этого обстоятельства фермер находился в постоянном возбуждении, действуя на своих депутатов и на свои организации.

Если несколько понизилось настроение членов Лиги в Северной Дакоте, то фермер все же нуждался в отдушине. На сцену выдвигается фермерско-рабочая партия.

До кризиса существовали разрозненно во многих штатах Labor Parties. Каждая из них вела более или менее радикальную борьбу, главным образом, в муниципалитетах. Особенно сильна она была в Иллинойсе, Айове, Вашингтоне и Пенсильвании. В 1919 году отдельные штатные партии об'единились в национальную партию, а в 1920 году состоялось об'единение фермерских об'единений в Farmer-Labor Party [3]). Лига и во время своего

---

[1]) «The American Labor Yearbook», 1921—22; 423.
[2]) «Report of Secretary of Agriculture» 1925, Pages 1, 2, 21.
[3]) Political Science Quarterly, march. 1925, 478.

расцвета поддерживала связь с рабочей партией, блокировалась с ней на выборах. После некоторого упадка в отдельных штатах Лиги ее члены стали просто переходить или даже переименовываться в фермерско-рабочую партию.

В обращении Лиги к рабочим и фермерам изложены аргументы за об'единение сил. «Серьезнейшая опасность, которую представляет грабительский союз крупных капиталистов Америки, дает возможность фермерам и рабочим соединить руки для политических действий. Все делалось для того, чтобы держать эти два наиболее могучие производительные элемента общества, насколько это только возможно, отдельно. Будучи противопоставлены один другому, они становились беспомощными жертвами прекрасно организованных эксплоататоров» [1]).

В январе 1926 года рабочая партия подтвердила не раз высказанное положение, что интересы рабочих и фермеров становятся все более идентичными, что все меньше остается надежд провести улучшения при посредстве старых партий [2]).

Чтобы больше притянуть к себе многочисленные штатные организации, конституция фермерско-рабочей партии требует от своих организаций прямого вхождения в местные фермерские и рабочие и кооперативные организации, дачи им отчетов. Партия издает орган «The New Majority» [3]).

Казалось бы, ничто не могло нас занимать в этой партии. Организовалась партия, каких не мало наблюдалось в истории Соединенных Штатов, но в фермерско-рабочей партии мы наблюдаем сильные тенденции влево, что может обозначать только выступление на сцену нового пролетарского элемента от фермеров.

С момента организации в партию проникли коммунисты и соответственно окрашивали все выступления партии. На с'езде в июле 1923 г. между правым и левым крылом произошла жестокая перепалка, кончившаяся победой коммунистов. Подходила президентская выборная кампания, правое крыло не хотело коммунистического кандидата, а левое не соглашалось на правого.

Следующий с'езд высказался в большинстве за правое течение, и фермерско-рабочая партия пошла на поклон к Лафолету и Уилеру [4]). Вместе с этой победой начался распад партии, продолжавшийся до 1926 года, когда левые снова стали активнее. Совпадение распада с победой правых еще раз показывает, что в фермерско-рабочей партии на ряду с пролетарскими элементами города выдвинулся с.-х. рабочий и арендатор, что они разочаровались в политике капиталистических партий, как бы они ни назывались. В связи с этим вполне логически последовательны действия левого крыла партии. Они в штате Минезота пошли в январе 1926 г. на раскол, 8/II собрались отдельно от правых. На собрании было решено добиваться полного разрыва с капиталистическими партиями и политиками; выставить полный список кандидатов в городских выборах; выработать программу, удовлетворяющую требованиям трудящихся; превратить партию в организацию, действительно защищающую интересы эксплоатируемых фермеров и рабочих [5]). Конечно, левизна

---

[1]) «Non Partisan League», 149.
[2]) «The Daily Worker», Yanuary 4, 1926.
[3]) «The American Labor Yearbook», 1921—22, 428.
[4]) Ibidem 1925, 148.
[5]) «The Daily Worker», 9/II 1926.

партии штата Минезота не значит, что партия всей страны так же лева, но уже самый факт об'единенных действий фермера и рабочего указывает на большую активность фермера-бедняка— мы бы сказали. Совершенно неинтересно требовать для капиталиста-фермера национализации жел. дор., водных путей, телеграфа, каменноугольных копей, земель с минералами и металлами и т. д., а особенно 8-часового рабочего дня и ряда прав для рабочего. На такой платформе существует партия вопреки сильнейшим нажимам и старанию Лафолета и старых политических партий [1]).

Через фермерско-рабочую партию коммунистическая партия захватит влияние над обезземелившейся и обезземеливающейся частью фермеров.

В период всякого осложнения неизбежно появляются различные буфера, смягчающие удары одной социальной группы о другую. Север и Запад Соединенных Штатов по традиции и по существу не приемлют демократизма, поэтому они оказались до самого последнего времени во власти республиканцев. После неудачных попыток создать свою политическую партию фермеры должны были биться в случае нужды в стены республиканской партии. Когда нужда доходила до кризиса, то воздействие фермеров на своих депутатов достигало необычайной остроты. В таких случаях депутат нажимал на свой кокус—фракцию в сенате и других выборных организациях. Республиканская партия не могла поступиться интересами группы капитала, который она представляла, ради требований фермеров. Более невыдержанные сенаторы выходили из повиновения фракции, об'единялись с демократами, чтобы провести постановление в интересах фермеров своего района. Отсюда пошли инсургенты-республиканцы. Еще в 1910 году группа сенаторов восстала против действий республиканской партии, а в 1912 году почти вся эта группа была снова выбрана в сенат. С этой даты и получил начало фермерский блок или об'единение республиканцев, которые в вопросах защиты интересов фермера не подчинялись своей фракции, а действовали независимо. Постепенно эта оппозиция из республиканцев стала действовать об'единенно, и фермерский блок стал действовать организованно.

Было бы большой наивностью предполагать наличие цельной программы фермерского блока. Как всякий буфер, блок может иметь обрывки республиканской программы с включением наиболее насущнейших требований фермеров его района. Поэтому программа блока изменяется в зависимости от времени и обстоятельств. Тем более, интересы фермеров различных районов весьма трудно об'единить воедино.

Из первой части статьи было ясно, что фермер был сжат со многих сторон; чтобы дать ему облегчение, нужны быстрые и решительные меры по многим направлениям. Отсюда вполне понятно, что фермерский блок стоял за снижение налога и жел.-дор. тарифов, за кооперацию, за ревизию таможенных пошлин, за расширение с.-х. кредита. Однако, все перечисленное не помогало быстро и радикально. Перепроизводство так и оставалось перепроизводством, хотя и уменьшался несколько грабеж фермера крупным капиталом. Президент Кулидж назначил специальную комиссию, которая пришла к следующим выводам:

[1]) «The Mid West News», 22/VIII 1925.

1) Усилить кооперацию.

2) Создать монополию внутреннего рынка путем охранительных пошлин.

3) Ограничить производство в известных отраслях сел. хоз.

4) Приспособить производство к потребностям внутреннего рынка и промышленности.

5) Развить те отрасли, в продуктах которых нуждается страна.

Кулидж пользовался всяким случаем, чтобы утешить фермера, что через ряд лет Соед. Штаты будут импортирующей страной и фермер избавится от современных хлопот. А в ожидании этих счастливых времен Кулидж советовал фермерам выполнить пятый пункт, рекомендованный комиссией [1]).

Кулиджа и его комиссию фермеры ругали ругательски [2]). Тем не менее в отчете секретаря земледелия за 1925 год снова указывается на помощь кооперации, на снижение налогов и жел.-дор. тарифов, но ни слова о борьбе с излишком хлеба в стране, понижающим цену до разорительных размеров.

Твердокаменность Кулиджа получила сильный отпор на конференции бюро фермерских федераций, т.-е. организации наиболее консервативной. После программной речи президента конференция выбрала председателем организации Томпсона, который был против правительственных мер, а ставленник Кулиджа был забаллотирован [3]). После еще одного такого поражения крупнейшая газета Нью-Йорка писала, что «политическое значение конференции фермеров кукурузной полосы..., на которой были одобрены резолюции, обозначающие враждебную демонстрацию против существующего правительства, не может быть оставлено без внимания лидерами партии, которые знают, что новая палата представителей и треть членов сената будут выбраны в следующем ноябре» [4]).

Республиканцы учли этот момент, но им трудно что-либо сделать существенного, так как их принципы решительно расходятся с желаниями фермеров.

При такой твердости правительства выступает на сцену Farmers Bloc. Сенаторы из блока испытывают высочайшее давление со стороны избирателей. Задача поставлена им простая: снять излишек продукции, который понижает цены. Но как снять этот излишек и какой уровень цен для отдельных продуктов считать нормальным?

С началом практического решения, т.-е. с приступом к выработке закона дело запутывается и осложняется необычайно. Оказывается хлопковод не заинтересован в пшеничнике, кукурузник-фермер настроен совсем иначе, чем свиновод или куровод; различные районы воспринимают одну и ту же меру по-разному; а тут еще должны быть примерены интересы промышленника и поставщика сырья, биржевика и фермера.

Трудность может быть иллюстрирована хотя бы тем, что на конгресс всех кооперативных об'единений с'ехалось до 200 представителей. Долго обсуждали различные проекты, но ни к чему не пришли, пока не решили передать все дело правительству на рассмотрение [5]).

[1]) «Rural New Yorker», 29/XII 1925.
[2]) «National Uni n Farmer , 1925.
[3]) Wailaces Farmer December 18, 1925.
[4]) «New York Times», January I 1926.
[5]) «Farmers Magazin» II 1926

Одним из принятых проектов является закон о создании кооперативного бюро при Департаменте Земледелия. Внесенный Ходженом билль не вызвал энтузиазма средн фермеров. Пресса лишь заметила, что прибавилось еще бюро [1]).

Более важным считается проект Mc Nary Haugen'a. Он предлагает организовать государственное экспортное общество. Сначала предполагалось с капиталом в 735 милл. долл., а потом лишь с 175 милл. долл. [2]). Это общество обязано скупать все излишки по фиксированным ценам. Тем самым цена будет удерживаться на установленном уровне. От наплыва иноземного хлеба, страна ограждается пошлинами.

Следующий по важности билль внесен Дикинсоном. Дикинсон настаивал на установлении выплат-премий экспортерам до установленной цены против рыночной.

Олдфилд предлагал и выплаты и кредитную помощь Европе, чтобы сделать ее покупателеспособной [3]). Этим перечислением не исчерпываются внесенные проекты, но главное сказано в билле Mc Nary Haugen'a.

Основным возражением против него является отрицание крупным капиталом всякого административного вмешательства в игру рыночных сил, в деятельность хозяйствующего суб'екта. Аргументация у них сводится к тому, что фермер при этом регулировании развратится, потеряет хозяйственную инициативу, омертвеет, поэтому «лучше два пуда по низкой цене, чем 1 пуд по дорогой» [4]). Кроме того, эти «фантазерские» затеи могут слишком дорого стоить. Представим понижательную тенденцию на рынке с.-х. продуктов на ряд лет, кто тогда будет оплачивать колоссальные потери?

Вообще же, говорят капиталистические представители, всякому здоровому предприятию чуждо стремление за помощью. Фермер должен сам приспосабливаться к новой кон'юнктуре. Путь указан ему правительственной комиссией.

Фермерский блок очутился между молотом фермера и наковальней—крупным капиталом. Члены его много говорили, писали, раз'езжали по своим штатам, но организовать массового выступления не могли. Пестрота проектов, разрозненность выступлений привели к поражению проекта. Поражение произошло, несмотря на туманные обещания Кулиджа после его поездки по фермерским конференциям.

Итак, вследствие происходивших процессов расслоения фермер распадается на социальные группы, неодинаковые по политическим стремлениям. Растущую оппозицию фермерства не удовлетворяли старые партии, появляется фермерский блок, но и он оказывается негодным инструментом. Военные сдвиги среди фермерства выдвинули непартийную лигу, которая проделала большую работу. Однако, она заменяется новой, более солидной организацией—фермерско-рабочей партией.

Наша задача заключается в том, чтобы захватить под свое влияние растущее движение и направить его ближе к цели, освободив от вредных мелкобуржуазных иллюзий.

---

1) Ibidem. XII 1925.
2) «Daily Worker», May 14. 1926.
3) «The Commercial and Financial Chronicle», May [illegible]. 1926.
4) «The Commercial and Financial Chronicle» [illegible] March. 1926. Page 1526.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

В БОРЬБЕ С БУРЖУАЗНО-ЮРИДИЧЕСКИМ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ.

«Революция права» № 1, 1926 г., стр. 235. Журнал секции общей теории права и государства Коммунистической Академии. Ответств. редактор П. Стучка. Изд. Ком. Академии. Москва.

Рецензируемый журнал ставит перед собой задачи борьбы с «юридическим мировоззрением, с теми навыками буржуазно-юридической мысли, которые продолжают действовать в условиях переходного периода» и которые многие из числа «сочувствующих» марксизму пытаются сохранить, перекрасить, примирить с требованиями эпохи или еще что-нибудь в этом же роде.

С другой стороны, журнал, не ограничиваясь задачами теоретической обороны, сосредоточивает свое внимание на работе чисто-положительного, научно-исследовательского характера.

На ряду с борьбой против механической рецепции «буржуазно-юридических понятий» журнал ставит в центр внимания разработку общей теории права и государства, их истории, в особенности в революционные периоды, наконец, изучение практики и теоретическую разработку отдельных сторон пролетарской диктатуры.

Уже простой перечень задач показывает, какое значение имеет создание журнала, организующего вокруг себя основные кадры марксистов-государственников, марксистов-правоведов.

Первый номер показывает, что это значение понято участниками журнала и должным образом оценено.

Из материалов этого номера следует отметить прежде всего статью «Устряловщина в праве».

Формально статья направлена против одного из представителей теоретического сменовеховства, автора брошюры «Основные течения марксистской юридической мысли» [1]), скрывшегося под псевдонимом А. М. Попова. Фактически же статья посвящена разбору целого течения т. н. дюгизма (от имени—Дюги, модного французского буржуазного юриста)—теории «социальных функций права», «тонко» обработанной лидером австрийского меньшевизма Реннером и являющейся ныне чем-то в роде «основы» сменовеховской «философии».

Смысл этой теории «социальных функций», в ее применении к Советскому Союзу, прост и ясен. Высшим критерием нашей советской законодательной практики и всей политики вообще эта теория полагает интересы развития производительных сил. Взятое в таком общем, недифференцированном виде, понятие «производительных сил» охватывает также и частнокапиталистический сектор хозяйства. Следовательно, забота о росте этого сектора, должна лежать точно так же на советской власти, как и забота о росте государственного хозяйства.

Классовые интересы совершенно замазываются. «Кроме отдельных интересов отдельных групп, существуют-де «интересы всего общества», «интересы его прогрессивного развития» [2]). Ссылаются при этом не

---

1) Брошюра вышла в Новочеркасске. Не презабавно ли, где нынче «открываются» сменовеховские «тузы»?

2) «Революция права», стр. 55.

больше, не меньше как на самого... Маркса. Но нарочито замалчивают, обходят тот факт, что для Маркса, а вслед за ним и для нас «интересы прогрессивного развития» общества реализует пролетариат и что социальное, общественно-полезное заключено в классовом.

В практически-политическом смысле все рассуждения подобного рода означают борьбу против налоговой политики советской власти, против ее кредитной политики, короче—против политик «подстрижения» и регулирования роста новой буржуазии. Недаром же кое-кто из вольных или невольных представителей сменовеховства определяет право, как «результат соглашений между классами, которые выгодны для угнетенных классов часто не менее, чем для господствующих» [1]).

За всеми такими «пустейшими» дефинициями вырисовывается и философская сущность сменовеховства. У А. М. Попова она характеризуется стремлением под видом марксизма протащить неокантианство. Первоначально он «низвергает» социологический подход к проблемам права и доказывает правомерность чисто нормативного подхода. «Право важно лишь как норма», а не как определенный тип общественных отношений. Затем Попов приходит к заключению, что «на одном чисто формально-юридическом нормативизме успокоиться нельзя. Действующее право необходимо *оправдать* как в своих глазах, так и в глазах населения необходимо обосновать высшие критерии долженствования. Так формально-юридический нормативизм *ведет к этическому нормативизму*».

Живи, так сказать, и жить давай другим. Попов об'являет марксизм этическим нормативизмом. Неизвестно, однако, имеет ли он в виду большевистский, т. е. революционный марксизм, или «марксизм настоящий» в переделке Карла Форлендера, марксизм дополненный неокантианством, в частности, неокантианской этикой.

Интересующегося читателя мы отсылаем к разбираемой статье «Устряловщина в праве». Нам важно было отметить, что журнал схватывает эти симптоматические процессы среди части буржуазной интеллигенции и соответственно на них реагирует. А что эти процессы безусловно симптоматические, показывает вышесказанное.

Если к этой статье добавить еще обзор работ по уголовному праву, где вскрыто не мало явных стремлений дискредитировать марксизм (обзор помещен в конце журнала) и материал из отдела библиографии—то картина станет довольно законченной.

Большая часть рецензируемого журнала заключает статьи исследовательско-теоретического, либо исследовательско-исторического характера. К разряду таких статей относится статья тов. П. Стучка «Социалистическое хозяйство и советское право», помещенная в самом начале.

Отмечая, что затушевывание социалистического характера государственных предприятий и попытка изобразить их предприятиями государственно-капиталистическими были серьезным уклонением нынешней оппозиции от ленинизма, т. Стучка показывает далее, что такого же типа уклон от правильной линии обнаруживается среди ряда советских юристов. Исходной точкой своего анализа советского, в особенности гражданского, права автор делает как раз признание социалистического характера государственных предприятий.

Тов. Стучка не без серьезных оснований говорит о неправильном понимании многими из наших теоретических и практических работников революционной законности. Вместо того, чтобы рассматривать эту последнюю как организованность против разбросанности и случайного образа действий, как планомерность и последовательность против личного произвола, как средство развития гражданского оборота, вместо такого рассмотрения революционной законности, как совокупности *конкретных* мер, направленных на разрешение *конкретных* задач, иные говорят о революционной законности «как таковой», о связанности пролетарской диктатуры революционной законностью, скатываясь к «чрезмерной вере в закон, в законность, как абстрактные понятия».

[1]) «Революция права», стр. 54.

После того, как дано четкое определение самого понятия революционной законности, тов. Стучка дает характеристику основных принципов советского гражданского права (земельное право, семейное, отдельные институты: мена, договор найма и пр.).

В заключительной части статьи автор останавливается на вопросе о том, «каковы должны быть изменения и дополнения нынешних кодексов» для того, «чтобы они превратились в действительно советское право».

Основная черта того этапа, через который проходит наша страна, есть,—как это подчеркнул XIV с'езд партии,—наступление на частный капитал на базе под'ема государственного хозяйства.

Несомненно, что наши кодексы, формулированные в момент, когда совершалось частичное отступление, требуют известной перегруппировки, переделки. Какой—конкретно т. Стучка не говорит. Но ряд существенных недостатков автор все же указывает.

Практические мероприятия, которые следовало бы провести теперь же, по мнению тов. Стучка, таковы:

1. Удаление статей, носящих на себе следы военного коммунизма и потерявших значение в настоящий момент.

2. Упрощение законов. Лапидарность формулировок в наших кодексах часто затрудняет их понимание массами.

3. Создание «малого кодекса», долженствующего стать основным руководством наших судов.

4. Дать более ясные и отвечающие духу марксизма определения некоторых институтов (напр., собственность. В кодексе определено право собственности как право владения, пользования и распоряжения. Это определение не отвечает фактическим отношениям. Оно списано из западно-европейских кодексов. У нас—владение—«сидение на вещи»—possessio, просто недопустимо, и об этом недопущении тоже сказано в кодексе).

5. Оформить жилищное право.

6. Свести воедино, дополнить, изменить законы о кооперации, приведя их в соответствие с той ролью, которая определена кооперации.

В своей статье тов. Стучка постоянно проводит параллель между буржуазной и пролетарской революциями, раскрывая принципиальное различие в линии и порядке развития каждой из этих революций. Такая параллель полезна в том отношении, что она помогает понять глубину задач, решенных нашей революцией и подлежащих решению.

Из других материалов журнала остановимся—за недостатком места—только на статье т. Пашуканиса и Н. Семенова.

Статья тов. Пашуканиса «О революционных моментах в истории английского государства и английского права»—оригинальна прежде всего по теме. Изучению публичных и частно-правовых институтов в революционные эпохи до сих пор не уделяли или почти не уделяли никакого, сколько-нибудь серьезного внимания. Это—область, куда «марксистская нога» еще не успела,—а буржуазия боялась—ступить, а если и ступала, то весьма неудачно.

Тов. Пашуканис начинает как раз с характеристики этих поверхностных попыток буржуазных историков права и государства осветить смысл собственных революций.

Следуя Марксу, тов. Пашуканис рассматривает английскую революцию XVII столетия не как чисто политический переворот, а как победу «нового общественного строя», как победу «буржуазной собственности над феодальной, национальности над провинциализмом, конкуренции над цехом, дробления земельной собственности над майоратом, господства собственника над господством земли над собственником, просвещения над суеверием, семьи над фамилией, промышленности над героической ленью, гражданского права над средневековыми привилегиями» (Маркс).

На анализе большого исторического материала тов. Пашуканис доказывает, как протекал распад английского феодального государства, как вызревали буржуазные отношения, а за ними и буржуазное право. Особенно подробно и обстоятельно дан анализ солдатского, армейского движения в английской революции, борьбы этого движения с контрреволюционными элементами, роль офицерства и т. д.

Статья тов. Пашуканиса (в ней 62 страницы) является серьезным вкладом в марксистскую историческую литературу.

Но если эта статья дает не мало ценного по части понимания далекой английской истории, то статья Н. Семенова дает сводку любопытных материалов по вопросам, непосредственно, каждодневно волнующим нас.

Статья называется «Крестьянский двор». Она представляет собой обработку данных пробного обследования быта и правовых отношений крестьянского двора. Такого рода обследование производилось секцией права и государства Комакадемии в январе—марте 1926 года.

Опубликованные данные характеризуют взаимоотношения между различными членами семьи *внутри* крестьянского двора. Данные вскрывают изменения этих внутридворовых, внутрисемейных отношений довольно конкретно. Прежде всего, как общее правило, констатируется понижение роли стариков в хозяйстве. Данные говорят о большой роли, как руководителей двора, бывших красноармейцев, «разбирающихся в хозяйстве и законах», о выдвижении женщин на роль руководителей хозяйства. В частности там, где мужчины уходят на отхожие промыслы, женщины нередко становятся не только фактическими домохозяйками, главами семей, но в качестве «юридических лиц» представляют хозяйство вовне. Интересно отметить также данные о распаде больших семей на ряд самостоятельно хозяйствующих ячеек.

«Подводя итоги переменам за время революции в крестьянском дворе, необходимо,—говорит автор,—отметить, что изменения, происшедшие в нем, не столько коснулись его внешнего облика, сколько отразились на изменении его внутренних отношений. Так, домохозяин хотя внешне и ведет себя во многом по-старому, но, зная, что ни выгнать, ни лишить земли или имущества он не может и что недовольные им члены двора во всякое время могут уйти из хозяйства, забрав свои доли, при чем он с оставшейся своей долей особенно не разгуляется, он во многом ведет себя иначе и больше начинает считаться с остальными членами двора».

Патриархальщина, или то, что Ленин называл азиатчиной в быту, идет по нисходящей.

Мы нарочито взяли самые различные по об'екту исследования статьи и остановились именно на них. По ним легче всего судить, какой круг вопросов охватывает рецензируемый журнал. Все остальные статьи примыкают по типу к одной из рассмотренных нами. На них мы останавливаться не имеем возможности.

Что касается недостатков журнала, то таких недостатков, которые могли бы понизить хотя бы на $^1/_4$ ценность журнала, нет.

Можно было бы, конечно, указать на ряд неточностей и сомнительных положений. Так, в статье тов. Разумовского есть места, заставляющие думать, будто правовые отношения являются отношениями чисто идеологическими, что неверно.

В статье тов. Стучка «1905 год и проблема революционной власти» не совсем отчетливо представлен взгляд Ленина на вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую:

«Вместо «всю власть народу»,—пишет т. Стучка,—всю власть трудовому народу», т.-е. советам. Таково перерастание одной революции в другую» (стр. 183). Не говоря уже про то, что эта формулировка страдает терминологической шероховатостью, она не выражает материальных основ перерастания и динамики в соотношении классовых сил, обусловливающей переход к революции социалистической.

Основой перерастания одной революции в другую является завершение аграрной революции. Ведь национальная особенность русской буржуазно-демократической революции в том и заключалась, что аграрный вопрос в ней был главным вопросом. Буржуазно-демократическая революция в деревне у нас завершилась в 1918 году. Тогда произошел раскол крестьянства и переход кулачества в лагерь контрреволюции. Так что переход власти в руки советов в октябре 1917 г. не означал еще, что буржуазно-демократическая революция *уже* закончилась и переросла в социалистическую полностью.

Два замечания относительно очередных задач журнала. На наш взгляд журналу следовало бы уделить максимум внимания изучению кризиса буржуазной демократии и парламентаризма и теоретической разработке империалистического государства. Едва ли нужно доказывать, что по поводу этих вопросов у нас нет почти никаких хорошо разработанных материалов и что работа над этими вопросами имеет не только теоретический, но и прямой действенно-практический интерес.

Второй момент: журналу следовало бы обратить внимание на изучение особенностей советского государства, как нового типа организации, на основе тех указаний, которые имеются у Ленина.

Мы часто и охотно бичуем «юридический кретинизм» у других, не замечая того, как сплошь да рядом им отягощается наше собственное мышление. У нас, например, нередко отличие советского государства от государства буржуазии ищут везде, где хотите, но не там, где надо! Пытаются схватить «юридическое различие в понимании суверенитета и пр.».

Эти коренные проблемы должны привлечь внимание такого серьезного журнала, каким является «Революция права».

В. Колоколкин.

Условия приема в Институт Красной Профессуры.

(На основное отделение).

1. На все основные отделения принимаются лишь члены ВКП(б), обладающие 5-годичным партийным стажем.

Примечание. Для рабочих в отдельных случаях допускается как исключение понижение стажа.

2. Товарищи, желающие поступить в Институт Красной Профессуры, должны представить в правление Института (Остоженка, 53) не позднее 1-го мая 1927 года: 1) рекомендацию Центрального Комитета ВКП(б), ЦК Нацреспублик, Обкомов (Оббюро) или Губкомов ВКП(б); 2) заявле-

ние с указанием адреса; 3) краткую автобиографию; 4) засвидетельствованный партстаж; 5) копию воинского документа; 6) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 2—3 года и 7) печатные работы (если последние имеются). В заявлении должна быть указана желательная для данного товарища тема пробной вступительной работы и отделение, на которое товарищ желает поступить.

Примечание. От поступающих на естественное отделение, ставящее своей задачей дать товарищам с законченным естественно-историческим образованием, подготовку по истории естествознания, техники и философии, представление письменной работы не требуется, но требуется представление свидетельства об окончании соответствующего ВУЗ'а или свидетельства о завершении всей программы ВУЗ'а за исключением специальной (дипломной) работы.

3. Заявления рассматриваются мандатной комиссией и затем поступают в правление Института. В случае удовлетворительного решения вопроса правление допускает соискателя к представлению письменной работы. Тема работы устанавливается по соглашению с приемочной комиссией Института, производящей устный коллоквиум. Предельным сроком представления письменных работ устанавливается 1-е июля 1927 года.

4. Все соискатели, пробные письменные работы которых будут признаны удовлетворительными, допускаются к устному коллоквиуму в промежуток между 1 и 15 сентября, после чего правление имеет окончательное суждение о кандидате.

5. Поступающие на любое из отделений Института экзаменуются по философии и теоретической экономике; поступающие на отделения: философское, экономическое, историческое и правовое сверх того экзаменуются по истории, а поступающие на правовое—и по теории права; для поступающих на естественное отделение, помимо экзамена по философии и экономике, обязателен коллоквиум по вопросам теоретического естествознания. Для поступающих желательно знание одного из иностранных (европейских) языков.

6. От поступающих требуется основательное знакомство со следующими проблемами в об'еме нижеуказанной литературы:

I. По теоретической экономии.

(Для всех отделений).

1. Предмет и метод политической экономии. Основные направления экономической науки. Важнейшие особенности экономической системы марксизма.

2. Теория ценности. Общее понятие об об'ективных и суб'ективных теориях ценности и о «политэкономии без ценности». Теория товарного фетишизма. Учение о форме ценности. Абстрактный труд. Общественно-необходимый труд. Проблема «редукции». Производительный труд. Развитие форм ценности.

3. Деньги. Методологическая постановка проблемы. Функции денег. Металлические деньги. Монометаллизм и биметаллизм. Бумажные деньги, их виды. Их роль в государственном хозяйстве и в экономике. Денежная система СССР и важнейших капиталистических государств. Инфляция и связанные с ней проблемы. Кредитные деньги.

4. Теория прибавочной ценности. Учение о ценности рабочей силы. Масса и норма прибавочной ценности. Абсолютная и относительная прибавочная ценность. Борьба за рабочий день. Этапы фабричного законодательства и его современное состояние.

5. Относительная прибавочная ценность. Кооперация, мануфактура, машина. Проблема сверхприбыли (технической ренты). Производительность и интенсивность труда.

6. Общая характеристика простого и расширенного воспроизводства. Концентрация и централизация капитала.

7. Всеобщий закон капиталистического накопления. Органический состав капитала и его изменение. Абсолютное и относительное перенаселение. «Железный закон» заработной платы. Резервная армия. Форма относительного перенаселения. «Теория обнищания».

8. Заработная плата и ее формы. Экономическая роль профессиональных союзов и предпринимательских организаций.

9. «Первоначальное накопление». Промышленный переворот. Основные этапы в развитии капитализма в России.

10. «Кругооборот капитала». Основной и оборотный капитал. Воспроизводство и обращение общественного капитала в целом. Проблема реализации прибавочной ценности. Теория рынка. Теория кризисов. Народники и марксисты по вопросу о реализации прибавочного продукта. Теория Р. Люксембург. Теория Туган-Барановского.

11. Учение о прибыли. Цена производства и издержки производства. Отклонения цен производства от ценности. Закон тенденции нормы прибыли к понижению.

12. Торговая прибыль. Ссудный процент. Банковая прибыль. Роль и форма кредита. Основные функции банков. Акционерные общества. Дивиденд. Цена акций. Фондовая биржа и фиктивный капитал. Учредительская прибыль. Финансовый капитал.

13. Вертикальные, горизонтальные и «крестообразные» об'единения в промышленности. Синдикат, трест, концерн, фузия. Роль тяжелой индустрии. Экономическая политика финансового капитала.

14. Мировое хозяйство. Экспорт товара и экспорт капиталов. Торговый и платежный баланс. Вексельные курсы. Империализм как новейший этап капитализма.

15. Теория ренты. Дифференциальная рента (1 и 2) и абсолютная рента.

16. Аграрный вопрос (для естественников не обязателен).

Примечание 1-е. По 10-му пункту для лиц, поступающих на философ., историч. и правов. отделения, достаточно общего знакомства с постановкой проблемы воспроизводства общественного капитала, а по 14-му для них не обязательно знание теории вексельного курса.

Примечание 2-е. Для поступающих на естественное отделение по п. 3 достаточно общего знакомства с основными функциями денег и их видами. По п. 10-му—знакомство с проблемой в об'еме, указанном для философского отделения. По п. 12—только общее понятие о финансовом капитале, акционерных о-вах, роли банков. По п. 14—учение о балансе и вексельных курсах не обязательно.

Литература по теоретической экономии.

1) «Нищета философии» (обязательно только для экономистов).

2) «К критике политической экономии». (Для неэкономистов обязательно только введение и предисловие).

3) «Капитал». (I, II и III т. т.). (Том II, а также гл. с 28 по 35 и с 41 по 43 из III тома не обязательны для неэкономистов).

4) Гильфердинг. «Финансовый капитал» (только для экономистов).
5) Ленин. «Империализм».
6) Ленин. Том III и IX (для философов, правовиков и естественников IX том не обязателен).
7) Бухарин. «Империализм и мировое хозяйство» (для естественников не обязательно).
8) Бухарин. «Политическая экономия рантье» (только для экоиом.).
9) Бухарин. «Империализм и накопление капитала» (только для экономистов).
10) Каутский, К. «Аграрный вопрос» (для естественников не обязательно).
11) Трахтенберг. «Бумажные деньги» (только для экономистов).

Для экономистов обязательным является знакомство с курсом какого-нибудь буржуазного экономиста (Туган-Барановского, Железнова и др.), общее знакомство с конкретной экономикой Союза по контрольным цифрам Госплана и знание экономической политики (Ленин. Статьи и речи по экономической политике).

II. По философии.

(Для всех отделений).

I. Основные школы древне-греческой философии (особое внимание обратить на Демокрита, Эпикура и Лукреция) (от естественников требуется только одно знакомство). 2. Номинализм и реализм средневековой философии. 3. Фр. Бэкон. 4. Декарт. 5. Гоббс. 6. Гассенди. 7. Локк. 8. Спиноза. 9. Беркли. 10. Юм. 11. Лейбниц. 12. Французский материализм XVIII века, его исторические корни и его особенности. Ламеттри. Дидро. Гельвецнй. Гольбах. 13. Кант. 14. Немецкий классический идеализм после Канта (до Гегеля). 15. Гегель. 16. Фейербах. 17. Марксизм, его исторические корни и основные этапы: а) Проблема философии с точки зрения марксизма. б) Диалектический материализм. в) Значение и роль материалистической диалектики. г) Дискуссия с механистами (обязательно только для философов). д) Теория познания марксизма. е) Учение об обществе. ж) Теория общественных классов. з) Учение о классовой борьбе. и) Теория диктатуры пролетариата. к) Учение о государстве. л) Учение о партии. м) Идеологии. н) Борьба философских школ в марксизме.

Литература по философии.

Энгельс: 1) «Л. Фейербах», 2) «Анти-Дюринг», 3) «Диалектика природы». Маркс и Энгельс: 4) «Немецкая идеология» «Л. Фейербах» (№№ 3 и 4 только для философов и естественников).

Плеханов: 5) «Основные вопросы марксизма», 6) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 7) «Очерки по истории материализма» и 8) Собр. соч., т. XI (только для философов и естественников).

Ленин: 9) «Материализм и эмпириокритицизм», 10) «К вопросу о диалектике» (для философов и естественников), 11) «Что такое «друзья» народа», 12) Маркс, Энгельс, марксизм (сборник), 13) «Государство и революция», 14) «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 15) «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Аксельрод: 16) «Философские очерки».
Деборин: 17) «Введение в философию диалектического материализма».
Ланге: 18) «История материализма» (том I) (для философов).

Гомперц: 19) «Греческие мыслители» (для философов и естественников).
Бухарин: 20) «Теория исторического материализма».
Деборин: 21) «Философия и марксизм» (сборник), 22) «Энгельс и диалектическое понимание природы» (ст. в журн. «Под Знаменем Марксизма», № 10—11, за 1925 год) (для философов и естественников), 23) «Материалистическая диалектика и естествознание» («Воинствующий Материалист», № 5) (для философов и естественников).

По выбору одного из материалистов: Гельвеций, Гоббс, Гольбах, Дидро, Ламеттри, Фейербах (для философов и естественников).

III. По русской истории.

(Для всех отделений, кроме естествен.).

I. Торговый капитализм в России и крепостное хозяйство.
1. Покровский. «Очерк истории русской культуры», т. I, ч. I, гл. III и IV.

II. Происхождение самодержавия.
2. Покровский. «Марксизм и особенности исторического развития России».
3. Его же. Сборник статей 1922—1925 гг.
4. Троцкий. «1905 г.», введение и приложение, начиная со 2-го издания, статья против Покровского.
5. Слепков. Ст. в «Большевике», № 14 за 1924 г., № 5 — 6 за 1925 г.

III. Внешняя политика эпохи крепостного хозяйства.
6. Покровский. «Дипломатия и войны царской России XIX в.».
7. Его же. Ст. «Русский империализм».
8. Его же. «Крымская война».
9. Его же. «Завоевание Кавказа».

IV. Декабристы.
10. Покровский. «Декабристы».
11. Его же. Сборник статей, изд. Центр. Арх. Кроме того, для специалистов: «Бунт декабристов», изд. «Былое», 1905 г. Ст. ст. Грекова, Чернова. А также статья Нечкиной о «Соедин. славянах» в журнале «Историк-Марксист», № 1.

V. Крестьянская реформа.
12. Покровский. «Очерк», ч. I, гл. V, первого отд.
13. Его же. «Крестьянская реформа» в «Истории России XIX в.» и отд. изд. «Пролетария».

VI. Аграрный вопрос в России после реформы.
14. Ленин. Собр. соч., том IX, стр. 441—703.
15. Его же. Том III, гл. II, III и IV.

VII. Промышленное развитие пореформенной России.
16. Ленин. Собр. соч., том III, гл. V—VIII.

VIII. 1905 год.
17. Ленин. Собр. соч., тт. VI и VII, для фактической стороны, как минимум.
18. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, 3-е издание.

IX. Столыпинщина и война.
19. Покровский. «Очерки по истории революционного движения XIX и XX вв.», лекции 7—10.

20. Покровский. «Внешняя политика России в XX в.», изд. Свердл. У-та.

Для специалистов книга Дубровского «Столыпинская реформа» или Тюменева «Между двумя революциями».

X. Февральская и Октябрьская революции.

21. Ленин. Собр. соч., том XIV—XV.

22. Бухарин. «От империализма к диктатуре пролетариата».

23. «За Ленинизм». Сборник статей (материалы дискуссии).

Кроме того, для общего знакомства с русским историческим процессом предполагается знание «Русской истории в самом сжатом очерке», всех 3-х частей и знание одного из учебников, принятых в Комвузе по истории партии.

Для специалистов, кроме того, обязательно: знание русской истории в следующем об'еме:

24. Покровский. «Русская история с др. времен».

25. Его же. «Очерки по истории русской культуры», ч. I. (Борьба классов и русская историческая литература).

IV. По западной истории.

(Для всех отделений, кроме естествен.).

Знакомство с общим ходом исторического процесса на конкретном материале истории важнейших стран Западной Европы. Кроме того, необходимо основательное знание следующих вопросов:

I. Происхождение современного капитализма.

1. Лукин. «Новая история».

2. Маркс. «Капитал», т. I, гл. XXIV.

II. Классические примеры буржуазных революций.

3. Лукин. «Новая история» (Отдел о французской революции).

4. Конради. «История революции», ч. I.

5. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии».

III. Первые шаги рабочего движения (чартизм).

6. Лукин. «Новая история».

IV. Основные направления в утопическом социализме.

7. Лукин. «Новая история».

V. Сорок восьмой год во Франции.

8. Маркс. «Классовая борьба во Франции».

9. Его же. «18-е брюмера».

VI. I Интернационал.

10. Стеклов. «I Интернационал», ч. I.

VII. Парижская Коммуна.

11. Маркс. «Гражданская война во Франции».

12. Лукин. «Парижская Коммуна».

VIII. Основные типы рабочего движения и развития социализма в последней четверти XIX и первом десятилетии XX в.

13. Лукин. «Очерки по истории Германии» (очерк о рабочем движении).

14. Ротштейн. «Очерки по истории английского рабочего движения».

15. Каутский. «Республика и социализм во Франции» (последняя часть).

IX. II Интернационал.

16. Зиновьев. «Война и кризис социализма».

17. Бушуев. «II Интернационал».

X. Колониальная политика империалистических государств.

18. Лукин. «Очерки по истории Германии» (Для неисториков, главным обр., «О внешней политике», а для историков, кроме того, Ротштейн «О Египте» и Витфоголь «Пробуждающийся Китай»).

19. Преображенский. «Империализм».

XI. Кризис международного социализма и зарождение Коминтерна.

20. Зиновьев. «Война и кризис социализма».

21. Зиновьев—Ленин. «Против течения».

Помимо того, требуется общее знакомство с историей экономического развития по книге Кулишера: «Лекции по истории экономического быта» и знание фактической истории в об'еме учебников Виппера.

Для специалистов-историков, кроме названных проблем, необходимо еще знакомство со следующими вопросами:

I. Теория экономического развития древнего мира.

1. Петрушевский. «Очерки по истории средневекового общества и государства».

2. Тюменев. «Капитализм в древней Греции».

II. История аграрных отношений в древней Греции и Риме.

3. Тюменев. «Капитализм в древней Греции».

4. Виппер. «Очерки по истории Римской Империи».

III. Происхождение и сущность феодализма.

5. Петрушевский. «Очерки по истории средневекового общества и государства».

6. «Восстание Уота Тейлора». Изд. 1914 г., гл. III и IV.

IV. Городской строй и городские движения в средние века.

7. В книге для чтения по истории средних веков, том IV, статья Покровского «Хозяйственная жизнь средних веков».

8. Каутский. «Предшественники новейшего социализма».

V. Крестьянские войны.

9. Каутский. «Предшественники новейшего социализма» (исключая ст. Бернштейна об английской революции).

10. Энгельс. «Крестьянская война».

V. По теории права и государства.

(Только для правовиков).

а) Право (общая часть).

I. Право и классовое общество. Право как форма господства. Право как форма, порождаемая разделением труда и обменом.

II. Обычай и право. Зачатки права у первобытных народов. Возникновение и эволюция института частной собственности.

III. Право и экономика. Базис и правовая надстройка. Право, как отношение, право, как норма, и право, как идеология.

IV. Основные подразделения права (право в суб'ективном смысле и право в об'ективном смысле, право публичное и право частное и т. д.). Смысл этих подразделений и их критика с марксистской точки зрения.

V. Основные воззрения на право. Теория естественного права. Историческая школа. Теория Иеринга. Юридико-догматический позитивизм. Психологическая школа права. Классовая теория права.

VI. Источники права в техническом смысле: обычай, закон, прецедент. Применение права. Истолкование норм права. Роль юриспруденции.

(Специальная часть).

VII. Государственное право СССР. Декларация прав трудящихся. Организация центральной власти. Система выборов. СССР и его органы.

VIII. Уголовное право и классовое общество. Советское государство

и его уголовная политика. Наказания и меры социальной защиты. Отличительные черты нашего уголовного кодекса.

IX. Гражданское право. Основные политические черты нашего Г. К. Ограничение «частно-правовой автономии». Защита интересов трудящихся и советского государства. Основные начала вещного обязательственного и наследственного права по Г. К.

X. Трудовое право. Кодекс законов о труде. Порядок найма и привлечения к труду. Коллективные договоры. Профессиональные союзы и их роль. Социальное страхование.

XI. Земельное право. Источники земельного права. Порядок землепользования. Суб'екты землепользования. Двор.

XII. Судоустройство и процесс. Система судебных учреждений. Подсудность. Порядок обжалования. Основные начала нашего уголовного и гражданского процессуальных кодексов.

б) Государство.

I. Происхождение государства. Распад родового общества. Государство и классы.

II. Государство как организация классового господства.

III. Типы государств: античное государство, феодальное государство, сословная монархия, буржуазное государство.

IV. Формы правления: абсолютизм, конституционная монархия, республика. Дуалистические и парламентарные государства.

V. Причины развития и упадка парламентаризма. Буржуазное государство в эпоху империализма.

VI. Учение Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата. Задача пролетарской революции по отношению к буржуазному государству. Государство пролетариата. Теория анархистов.

VII. Отмирание государства.

Литература по теории права и государства.

1. Ленин. «Государство и революция».
2. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства».
3. Стучка. «Революционная роль права и государства».
4. Гурвич. «Основы Советской Конституции».
5. Карнер. «Социальные функции правовых институтов».
6. Гойхбарг. «Хозяйственное право», т. I.
7. Гражданский Кодекс.
8. Пашуканис. «Общая теория права».

Кроме того, требуется основательное знакомство с конституцией СССР и РСФСР и основными кодексами, а также знакомство с курсом какого-нибудь из буржуазных государствоведов (напр., Гумплович, Коркунов или Шершеневич и с политическим строем западно-европейских государств (Англии, Франции, Германии, С.-А. С. Ш. и т. д.).

---

7. Все принятые в Институт товарищи, согласно постановлению СТО от 30 марта 1921 г., снимаются со своей прежней работы и переводятся в Институт.

8. Слушатели обеспечиваются денежным довольствием и по возможности общежитием.

Правление Института Красной Профессуры.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.